

16+

МАКСИМИЛИАН
МАРКЕВИЧ

**ПАДЕНИЕ
ФЛАВИЕВ**

Дополненное издание

Максимилиан Валентинович Маркевич

Падение Флавиев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57128396

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-97745-7

Аннотация

«Падение Флавиев» – это прямое продолжение романа «Падение Храма Соломонова». Роман повествует о правлении последнего императора из рода Флавиев – Домициана, чьи достоинства и пороки смешивались в нем поровну, пока наконец сами достоинства не превратились в пороки. Сможет ли приемный сын бывшего императора Тита, Туллий, отомстить за названного отца, считая, что именно Домициан виновен в коротком и трагическом правлении своего брата? Автор опирался на труды античных историков: Светония, Тацита, Плиния-младшего и Геродота, цитаты которых присутствуют в романе. Читайте вторую часть исторической трилогии «Падения».

Содержание

Глава I	5
Глава II	23
Глава III	43
Глава IV	61
Глава V	84
Глава VI	115
Глава VII	132
Глава VIII	179
Глава IX	195
Глава X	235
Глава XI	260
Глава XII	274
Конец ознакомительного фрагмента.	275

Максимилиан Маркевич

Падение Флавиев

«Не знать, что случилось до твоего рождения – значит всегда оставаться ребенком. В самом деле, что такое жизнь человека, если память о древних событиях не связывает ее с жизнью наших предков?»

Марк Туллий Цицерон, «Оратор»

Глава I

В окутанном туманом Риме хромал грязный, с порезами от кинжалов по всему телу, с разбитым до крови лицом и в рваной тунике юноша. Прохожие задевали его и толкали плечами, пока в очередной раз парень не удержался на ногах и упал коленями на каменную дорогу.

«Это меня не сломает! – думал он. – Я крепок и силен, каким и должен быть всегда. Именно этому меня всегда учил отец».

Послышались крики граждан с разных улиц. Юноша пытался разобраться, о чем они говорят, но слишком много разных голосов, которые забивали друг друга. Наконец некоторые слова становятся понятными.

– Он скончался... – слышны голоса с нотками испуга и растерянности. – Его больше нет... Как же мы теперь?.. Кто теперь позаботится о нас? Он умер, умер... Мы лишились «Утехи рода человеческого»! О боги, помилуйте нас и защитите... Нашего императора не стало... Тита Флавия больше нет! – и народ начинает рыдать.

Перед глазами юноши все замедлилось, граждане будто остановились, еле-еле можно было увидеть, как они передвигаются или оборачиваются. Он не выдержал и горько заплакал. Слезы душили его, и остановиться никак не мог.

– Отец! – закричал юноша. – Отец... прошу... не покидай

меня!

Голубоглазый шестнадцатилетний юноша с мягкими чертами лица и вьющимися светлыми волосами резко проснулся. Лицо было мокрым от слез. Он сел и взглянул на окно, вытирая глаза. Уже взошло солнце, которое освещало ферму и поля. Лишь пение птиц прерывало полную тишину.

– Так тихо и спокойно, – восхитился парень. – Вдали от Рима всегда так.

– Доброе утро, Туллий! – Постучала в дверь, а затем вошла в кубикулу¹ полная женщина лет сорока. – Извини, что ворвалась, но я услышала твои мысли вслух и поняла, что ты уже не спишь.

– Доброе утро, Цецилия, ничего страшного. Я просто...

– Опять кошмары?

– Как и всегда.

– Мой мальчик, прошло уже почти два года, как ты пережил тот ужас, но теперь все хорошо, не стоит жить прошлым или переживать, что тебя найдут здесь. Если император не обнаружил тебя и за этот год, то уже вряд ли вообще найдет.

– Для меня он не император, Домициан слаб и ничтожен, если послал своих убийц избавиться от меня. Единственное, чего он достоин, это лишь мучительная смерть. Я хочу, чтобы его протащили по улицам Рима с позором и утопили в

¹ Кубикула – небольшая частная комната древнеримского дома. Как правило, выполняла функцию спальни.

Тибре.

– Мой мальчик, мы все любили твоего отца Тита Флавия! Он был лучшим из всех правителей нашей империи. Я молилась о нем каждый день, чтобы Бог даровал ему сил и удачи. Он умер таким молодым и правил так мало. А сколько бед было в период его правления... Но, как я уже говорила, жизнь продолжается, и ты должен идти вперед. Мсть – это страшная вещь, которая может привести тебя к гибели.

– Я не боюсь смерти, и никогда не боялся. Если мне суждено умереть, то пусть будет так, но я все сделаю, чтобы отомстить моему дяде... Я хотя бы попытаюсь.

– Как же ты собираешься мстить?

– Я еще не решил...

– Ну, если ты пока не решил, то пошли доить корову и пить свежее молоко.

Туллий надел тунику², и они вышли на улицу. Стояла прекрасная летняя солнечная погода, это наступили первые жаркие дни 83 года от Р. Х., после сезона дождей и такой погодой нельзя было не наслаждаться. С фермы открывался красивейший вид на находящийся рядом город Тарент, что на юго-востоке Италии.

– Доброе утро, Туллий! – радостно закричала девушка пятнадцати лет с длинными золотистыми волосами и тонкими чертами лица и, подбежав, обняла его.

² Туника – мужская одежда, сделанная из двух прямоугольных кусков материи, сшитых на боках и на плечах, и стягивающаяся ремнем.

– Доброе утро, Корнелия. – Юноша обнял ее в ответ. – Давно встала?

– Я же просила называть меня сестричкой! – Игриво улыбнулась она.

Туллий покосился на нее.

– Где твой отец, дочка? – обратилась к ней мать.

– Ушел торговать в город. Где же ему еще быть?!

– А ты ему не помогаешь?

– Он сказал, что сам справится.

– Я сейчас же отправлюсь к нему, – прервал их Туллий.

– Но, мальчик мой, – заговорила Цецилия, – ты же не завтракал, хотя бы молоко выпей.

– Да, поешь чего-нибудь, – вмешалась сестра. – А то ты такой худой, что аж кости видны.

– Не только кости, но и мышцы! – и Туллий напряг их на руках. – Да и потом, чем меньше вешу, тем легче бегаю. – Улыбнулся он и убежал.

Юноша вскочил на коня и поскакал по мощеной дороге прямо в Тарент. Построенный еще спартанцами, город вначале находился под властью Древней Греции, а потом уже Римской империи. Эта гавань, хорошо защищенная, отделяла Тарентский залив от лагуны.

Туллий миновал главные ворота и стражу, которая уже хорошо его знала, и отправился напрямиком на форум³. Строе-

³ Форум – площадь в каждом городе, служившая центром общественной жизни. Также это и рыночная площадь.

ния, в основном одноэтажные, лишь иногда выделялись среди остальных инсул⁴. Огромный храм Нептуну в центре города напоминал о том, что это морской город и данный бог тут для всех главный.

Юноша соскочил с коня и, взяв его за поводья, вступил на территорию форума. Торговля уже была в самом разгаре. Множество людей, как в дорогих тогах⁵, так и в бедных туниках, слонялись взад-вперед, ища что-то необычное и интересное. Ходили между ними и граждане с набедренными повязками, по взгляду которых было понятно, что они там не для покупок, а лишь для того, чтобы воспользоваться моментом и кого-нибудь лишит кремены⁶. В середине форума, на ростре⁷, торговали абсолютно голыми рабами. Мужчины, женщины и дети стояли рядом друг с другом с опущенными головами и ожидали своей дальнейшей участи. Туллий рассмотрел между ними красивую девушку лет двадцати, она была прекрасна фигурой и формами. Как будто почувствовав его заинтересованный взгляд, она подняла голову и посмотрела прямо в глаза. Ее зеленые глаза покорили Туллия. Он замер как вкопанный. Затем, взяв себя в руки, улыбнулся ей. Однако она снова опустила голову.

⁴ Инсулы – многоэтажные и многоквартирные дома.

⁵ Тога – верхняя одежда граждан мужского пола. Кусок белой шерстяной ткани эллипсовидной формы, драпировавшийся вокруг тела. Лицам, не имевшим статуса граждан, не позволялось носить тогу.

⁶ Кремена – кошелек.

⁷ Ростра – ораторская трибуна.

– Туллий! – громко произнес мужской голос.

Юноша обернулся и увидел возле лавки мужчину пятидесяти лет.

– Иди сюда! – снова произнес мужчина.

Туллий послушался и подошел. Это был толстый бородатый мужчина, уставший и строгий с виду, но, когда улыбнулся, весь засветился добротой.

– Ты на кого там засмотрелся? – рассмеялся он. – Уж не на ту ли чудную девочку? – и он указал пальцем.

– Да я просто... – попытался оправдаться Туллий, – смотрел...

– Стой здесь! Я подойду и узнаю, сколько за нее...

– Нет, Клитус, – перебил его юноша, – не стоит.

– Попытка не пытка, – рассмеялся мужчина. – И я сколько раз просил называть меня «отец», хотя бы на людях.

– Прости.

– Я сейчас приду.

Клитус отправился к ростре. В то же время туда подошел в белой тоге гражданин и заговорил с торговцем рабов. Все трое долго общались, пока мужчина в белой тоге не дал мешочек с монетами и забрал понравившуюся Туллию девушку, прихватив при этом еще трех рабынь. Клитус вернулся грустным.

– Извини, сын, но он оказался оптовым покупателем.

– Кто это был?

– Сын префекта города, Авл.

– Понятно. А сколько хотели за ту рабыню?

– Пятьсот денариев.

– Цена приемлемая. В Риме она бы стоила тысячу или даже полторы. А у меня же еще остались ауреи⁸ отца...

– Ну да ладно, – прервал юношу мужчина. – Я все понимаю, ты уже вырос, так что найдем еще тебе достойную девушку. А пока давай работать.

До самого вечера они торговали фруктами и овощами. Но все это время из головы Туллия не исчезал идеальный вид той рабыни и мысли о том, что он готов на все, лишь бы еще раз взглянуть в ее глубокие зеленые глаза.

– Ну что же, – заговорил Клитус, – все готово, и можем возвращаться домой.

– Нет, отец, я хочу погулять по городу, подумать.

– По ночному Таренту? Это не лучшая идея. Даже в Риме опасно гулять по ночам, уж тебе это известно не понаслышке, то что тогда о провинциях говорить?!

– Но...

– Это даже не обсуждается, молодой человек. Поможешь мне дотащить карруку⁹ до дома и не забудь прихватить с собой свою лошадь.

– Хорошо, – угрюмо произнес Туллий и пошел выполнять приказ.

⁸ Аурей, или ауреус, – древнеримская золотая монета. Название происходит от лат. *aureum* – золото.

⁹ Каррука – дорожная повозка.

Вернулись они домой поздно ночью. Мужчина побрел в свою кубукулу, где давно уже спала Цецилия, а Туллий – в свою. Но как только он помылся и собирался лечь спать, к нему в кубукулу вошла Корнелия в одной набедренной повязке.

– Доброй ночи, братик! – игриво проговорила она.

– Корнелия, – шепотом сказал Туллий, – твой отец еще не заснул, слишком рискованно, да и потом я очень устал сегодня.

– С каких пор ты стал таким осторожным? – Она подошла к нему, впилась губами в его губы и обняла за талию.

Туллий не сопротивлялся, обнял в ответ, повалил на кровать, сорвал с нее набедренную повязку и они стали целоваться, сливаясь воедино...

После любовных игр они легли на спины и замерли.

– Туллий, я тебя обожаю, – произнесла счастливая девушка. – Каждый день я жду ночи, чтобы прийти к тебе... Я мечтаю о твоём теле в шрамах, которые придают тебе мужественность и сексуальность...

– Корнелия, это неправильно...

– Ты о чем?

– Это нечестно по отношению к твоим родителям. Они столько сделали для меня... Благодаря им я вообще жив, и тут такое... сплю с их дочерью...

– Что тут такого? Мы же не родные брат и сестра, ты приемный сын. Я вообще хочу выйти за тебя замуж, хочу детей

от тебя. Только пока не знаю, как сказать об этом родителям. Нам не страшно ничего, ведь мы же любим друг друга, верно? Ты любишь меня, Туллий?

– Конечно, люблю.

– Тогда чего ты боишься?

– Ничего я не боюсь.

– Вот и славно. Мы немного повременим и дождемся подходящего момента, чтобы рассказать о нас родителям. Я уверена, они нас благословят на брак. Ну а сейчас мне пора в свою кубукулу.

Корнелия чмокнула Туллия в губы, встала с кровати и ушла. Он же попытался уснуть, но перед глазами снова всплыл образ той рабыни, и до самого утра сон пропал.

С восходом солнца Туллий поднялся с кровати, подошел к сундуку и сел на корточки. Он открыл его и достал серебряный кинжал, подаренный Титом Флавием, и свиток. Туллий надел тунику, спрятал туда вещи и, выйдя из дома, вскочил на лошадь и поскакал в город.

Оказавшись в Таренте, он сразу же направился к резиденции префекта.

– Стой, кто идет? – спросил у юноши один из охраны.

– Я Туллий, сын Клитуса, и мне нужно срочно поговорить с префектом.

– Тебе назначена встреча? Ты записывался на прием?

– Нет, я же говорю, что это срочно!

– Без записи префект никого не принимает, даже Туллия,

сына Клитуса, – и охранники рассмеялись.

– Да как вы смеете... – начал было возмущаться парень. – Да вы знаете, кто я такой?

– И кто же? – смеясь, спросили двое стражников.

– Я... я... – промямлил Туллий.

Но в этот момент ему на плечи легли две руки, и он резко обернулся. Его взору предстали двое юношей-ровесников.

– Ты опять буянишь? – спросил рыжеволосый парень.

– Наш Туллий вечно во что-то пытается ввязаться, – констатировал факт другой парень, брюнет.

– Маний, Луций?! А вы что тут делаете?

– Мы тебе тот же вопрос задаем, – ответил рыжий Маний. – Зачем тебе префект?

– Это личное дело, – недовольно произнес Туллий.

– Да? Ну, ладно, а мы тебе хотели помочь, – равнодушно сказал брюнет Луций.

– А взамен что?

– Взамен?

– Да, вы за помощь всегда требуете у меня что-то взамен.

– Да есть тут одно дело. – Почесал затылок Маний. – Я давно хотел об этом поговорить, но все язык не поворачивается.

– Почему? Ты что, боишься меня? – удивился Туллий.

– Нет, конечно, но пару месяцев назад мы с тобой уже дрались. До сих пор челюсть болит.

– Хорошо, что я вовремя подросел, – сказал довольный

Луций. – Иначе вы бы поубивали друг друга.

– Да ну, ерунда. – Махнул рукой Туллий. – То разве драка была? Я просто лишнего вина выпил и немного понесло.

– Немного? – поразился Маний. – Ты мне три зуба выбил, а я тебе – один.

– Да то все равно молочные зубы были, – и Туллий рассмеялся.

– Вот что значит пить рано начал.

– Так что у тебя за дело?

– А у тебя? Давай вначале тебе поможем, а потом я скажу свое пожелание.

– Ну, хорошо, – и он отвел друзей подальше от стражи. – Вчера я увидел на форуме идеальную рабыню и только хотел ее купить, как прямо передо мной ее забрал сын префекта.

– То есть ты хочешь выкупить ее?

– Да, а если откажут, то украсть.

Маний и Луций громко свистнули.

– Похоже, мальчик влюбился. – Засмеялся Луций.

– Не смей меня мальчиком называть, – рассердился Туллий.

– А у твоей семьи нет разве других рабынь? – поинтересовался Маний.

– Нет, только несколько рабов, да и то не первой свежести. Так что, поможете?

– Даже не знаю...

– Вообще-то я знаю, где живет сын префекта, – объявил

Луций.

– Серьезно? – обрадовался Туллий.

– Да, но на эту виллу попасть будет очень трудно. А вы-браться оттуда, наверное, еще сложнее.

– Это меня не пугает.

– Кто-бы сомневался, – фыркнул Маний.

– Товарищи, – перешел на шепот Туллий, – я хочу открыть вам одну тайну.

– Это какую? – одновременно заинтересовались они.

– Я скоро покину Италию, и мне нужна спутница, эта рабыня – то что надо.

– Покинешь? Почему? Куда ты отправишься?

– Перед отбытием, я обещаю, все расскажу, а пока мне надо ее украсть.

– Ты же хотел вначале выкупить ее?! – поймал на слове

Луций. – Или уже передумал?

– Передумал. – Ухмыльнулся Туллий.

– О боги! – вздохнул Маний. – Вы нас покарате за Туллия.

– Веди нас к этой защищенной вилле, – приказал Туллий Луцию.

Вскоре все трое оказались возле охраняемой виллы. Они обошли ее со всех сторон, прикидывая, где лучше всего забраться.

– Это плохая идея, очень плохая, – оценил ситуацию Маний.

– Нестрашно, с вами или без вас, но я все равно проникну туда, – уверенно заявил Туллий.

– Мы даже не представляем себе, как там внутри все устроено и где вообще рабов держат.

– Тем интереснее.

– О, я кое-что придумал! – завопил Луций.

– Что? – заинтересовался Туллий. – И потише... давай.

– Дождемся, когда кто-то выйдет из виллы, проследим за ним, нападём и допросим. Вот нам и расскажут, где рабов держат и как туда легко попасть.

– Ага, а потом свидетеля зарежем, а труп спрячем в катакомбах, верно? – спросил Маний.

– Идея хорошая, но можем просто оглушить.

– Чушь! – прервал их Туллий. – У меня есть идея гораздо лучше.

– Например?

Но Туллий не стал объяснять, а побежал к высокому забору виллы, залез на него по плющу и оказался наверху.

– Он ненормальный, – то ли с восхищением, то ли с сожалением произнес Маний.

Луций хотел было последовать за другом, но Маний показал рукой остановиться. Туллий присел на верху забора и внимательно разглядывал территорию виллы. Там был огромный сад с фонтаном, статуями и фруктовыми деревьями. Внутри никого не было. Время шло, а ничего не менялось. Наконец Туллий увидел, как мужчина зашел в левое

крыло здания, а затем вышел из него с пятью рабами и рабынями. Рабыни с зелеными глазами среди них не было. Навстречу к ним медленной походкой шла толстая женщина, пристально осматривая забор. Туллий еще больше пригнулся, а затем потянулся к соседнему дереву с лимонами и сорвал пару штук, как вдруг услышал крик этой самой женщины:

– Стража! Убийца на стене! Погибаю! Помоги-и-ите-е-е-е!

Туллий едва спрыгнул с забора на улицу, как к нему подоспела охрана из четырех человек. Луций и Маний спрятались за угол забора соседней виллы. На улицу вышли и сын префекта с кричащей женщиной. Авл опять был одет в белоснежную тогу, как и вчера на форуме. Он был в хорошей физической форме, на вид – лет двадцать пять.

– Убийца, он убийца! – снова завопила стареющая женщина.

Туллий тут же спрятал за спиной фрукты.

– Дорогая теща, позволь я сам во всем разберусь! – вмешался сын префекта. – Что у тебя за спиной? – обратился он уже к Туллию.

Юноша протянул руки и показал лимоны.

– Фрукты, значит. – Авл рассмеялся.

– Но... – опять было начала женщина.

– Я не вижу в подростке убийцу. Воришку фруктов вижу, но не убийцу.

Охрана расслабилась.

– Всем вора́м надо отруба́ть руки! – грозно и пафосно произнесла она. – Ты ведь его накажешь за это, верно?

– Конечно, я разберусь, а сейчас возвращайся в свои покои, дорогая теща Оливия.

– Ты меня прогоняешь? Что скажет на все это мой супруг, римский сенатор?

– Не понимаю, на что именно? Думаю, сенатору Гнею Юнию Сервию вряд ли будет дело до ребенка, сорвавшего пару лимонов с дерева.

– Он же покушался на мою...

– Иди на виллу, а то на улице небезопасно стоять. Здесь-то точно могут появиться настоящие убийцы.

Толстая женщина испуганно осмотрелась по сторонам, после чего ушла.

– Фу-у-ух, – выдохнул сын префекта. – Как твое имя? – спросил он у юноши.

– Туллий, господин.

– Видишь, что ты наделал? Из-за тебя я вынужден был слушать крики моей тещи. Эта выжившая из ума старая матрона меня когда-нибудь доконает. Твое счастье, что дома был я, иначе она бы тебя точно скормила львам на арене.

Туллий сглотнул.

– Хотя это я бы с радостью ее скормил, но не львам, а кому-то более мелкому, мышам или крысам, как пример, чтобы помучалась, – продолжил он и наигранно задумался.

Охранники рассмеялись.

– Господин, – прервал молчание Туллий, – прости меня, я не знал, чья это вилла, я не знал, что тут живет супруга сенатора, если бы знал, то даже к этой улице близко не подошел бы.

– Учти: воровство – это опасная игра. Сегодня лимоны, а завтра и на украшения потянет. Запомни это навсегда, я прощаю лишь один раз человека. Увижу тебя рядом с моей виллой снова – посчитаю, что ты участник какого-то заговора, и тогда лишение рук будет казаться милостью богов. Свободен.

Туллий поклонился и протянул лимоны.

– Нет, оставь себе. – Махнул рукой Авл и с охраной вернулся на виллу.

Туллий подошел к друзьям.

– Это было потрясающе! – восхитился Маний.

– И здорово ты так придумал этот трюк с лимонами. Молодец. Он даже ничего и не заподозрил, – похвалил Луций.

– Благодарю, друзья, что пришли ко мне на помощь, – съязвил Туллий.

– Так ведь опасности-то не было! – обиделся Луций. – Мы контролировали ситуацию, и если бы тебе грозила беда, то тут же спасли бы тебя, правда, Маний?

– Ну а как же! – неуверенно промямлил Маний.

– Как бы там ни было, план провалился, – констатировал факт Луций. – Вилла серьезно охраняется, а если он тебя во

второй раз поймает, то ты, скорее всего, умрешь.

– Наоборот, план сработал. – Ухмыльнулся Туллий. –
Внутри мало людей, да и к тому же я знаю, где держат рабов.

– Что собираешься делать?

– Залезу сюда поздно ночью и украду ее.

– Но на этот раз без нас, – твердо заявил Маний.

– О да, а то от вас такая польза была... – снова съехидничал Флавий.

– Это ты зря, – обиделся Луций. – А кто тебя сюда привел?
Как бы ты узнал, где живет сын префекта?

– Спросил бы у любого на форуме.

– Аха-ха, – рассмеялся Маний.

– Зря смеешься, не хочешь мне помогать – значит, с твоей
просьбой не помогу.

– А ты дашь слово, что если я тебе помогу, то ты выполнишь
все, о чем я попрошу?

– Конечно, нет, как я могу давать слово, о чем не знаю?
Может, это не в моих силах и возможностях...

– Да все просто, – вмешался Луций. – Он хочет руки и
сердца.

– Мои? – вытаращил глаза Туллий.

– Да нет... – застеснялся Маний. – Твоей сестры.

– Корнелии???

– А у тебя так много сестер Корнелий? Видишь ли, я очень
давно в нее влюблен, хотел было уже за ней ухаживать, но тут
оказалось, что у нее есть ты, то есть старший брат. Мы и не

догадывались, что у твоего отца была еще одна жена раньше, которая и родила тебя. Поэтому он решил тебя найти и вернуть. В общем, ты в ответе за нее, я это понимаю, поэтому и хочу, чтобы ты разрешил нам встречаться... вот.

– Эм... – Туллий оцепенел и не знал, что ответить.

– Да не переживай, я ее не обижу и до свадьбы даже не притронусь. Я хочу настоящую первую брачную ночь.

– Понятно... – ужаснулся Туллий.

– Так что скажешь? Думаю, это будет честно: я тебе помогаю с твоей возлюбленной, а ты – с моей.

– Да, это честная сделка.

– Отлично! Так что, по рукам? – Маний протянул руку, и Туллий пожал в ответ. – Так что, когда начинаем, ночью?

Глава II

С наступлением темноты друзья уже были наготове. В это самое время к центральному входу на виллу прибыл паланкин¹⁰, охраняемый всадниками, откуда вылез седой человек лет шестидесяти пяти, со строгими чертами лица и запавшими щеками, и скрылся внутри виллы.

– Это префект? – спросил Туллий.

– Нет, – ответил Луций, – точно нет. Я знаю, как выглядит префект.

– Но это был явно патриций, – вмешался Маний. – Один паланкин стоит целого состояния.

– Да неважно, – сурово произнес Туллий. – Выждем, когда голоса на вилле стихнут, и вперед.

Была уже глубокая ночь, и Туллий решил действовать. Он опять залез по плющу на забор, и за ним последовал Маний. Луций остался сторожить улицу. Маний залег на заборе, чтобы следить за виллой. В случае опасности он должен был свистнуть, тем самым предупредить Флавия. Сам же Туллий спрыгнул с забора на территорию виллы и стал красться к самому зданию, а именно к интересующему его левому крылу. Было довольно тихо и спокойно кругом. Он без труда открыл дверь и оказался внутри. «Где же вся охрана? – по-

¹⁰ Паланкин – средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах крытого кресла или ложа.

думал Туллий. – Неужели спит?» Он спустился по лестнице и оказался в подвальном помещении, где дремал старый страж в углу на табурете. Кругом же были клетки со спящими мужчинами-рабами и гладиаторами. Среди них не было ни одной рабыни. «Не то место! – мысленно разозлился Туллий и быстро покинул этот подвал. – Надо идти в правое крыло». Он тихонько миновал атрий¹¹ и стал на цыпочках красться по коридору в другой конец виллы. Перед экусом¹² слева Туллий услышал голоса и остановился. Лишь краем глаза он заглянул туда и обнаружил десять стражников, которые не спали, а играли в кости. Правда, никто не шумел, не кричал, не ругался, а общались шепотом. Все были увлечены игрой и даже не заметили, как мимо них проскочил какой-то силуэт. Туллий, успешно миновав их, вздохнул и пошел дальше. На этот раз уже справа был таблин¹³, где тоже слышны были голоса, однако намного меньше – всего три. Двери были двустворчатые, украшенные накладками из металла, и слегка приоткрыты. Для Туллия не составило труда легко их миновать, когда вдруг он замер, услышав, о чем именно они говорят.

– Я не понимаю, сенатор... – голос сына префекта. – А ка-

¹¹ Атрий – закрытый внутренний двор в средней части древнеримского жилища, куда выходили остальные помещения.

¹² Экус – гостиная.

¹³ Таблин – кабинет хозяина, где он хранил деловые бумаги, семейный архив, официальные документы.

кое отношение имеет император Домициан к Титу Флавию?
– Сынок! – глухой немолодой голос. – Во-первых, он не Тит Флавий, а император тоже. Во-вторых, я говорю про то, о чем судачит не только сенат, но и весь Рим.

– То есть все считают, что император Домициан отравил своего брата Тита, чтобы поскорее занять его трон?!

– Да! И небезосновательно, ведь император Тит умер совсем молодым и здоровым. Он был настоящим человеком, истинным римлянином, воином и военачальником, а тут вдруг внезапно заболел и быстро умер. Всегда надо задавать вопрос в таком случае: а кому выгодна была его смерть?

– Да кому угодно, тем же иудеям, например. Отомстили за Иерусалим и Храм Соломонов.

– Ты серьезно так думаешь? Они проникли во дворец императора и отравили его? Или подкупили преторианцев?

– Сенатор... – вмешался третий голос.

– О боги, называйте меня по имени, что вы ведете себя как чужие люди? Или ты хочешь, чтобы я тоже тебя называл только лишь префектом?

– Нет, Гней Юний Сервий, что ты! Но, возвращаясь к теме, Тит Флавий, конечно же, был императором, причем всеми уважаемым, тут никто не спорит, но сейчас времена поменялись, и у нас лишь один император – это Цезарь Домициан, и обвинять без доказательств нашего божественного повелителя было бы глупостью.

– Ты знаешь легенду этого города, Клавдий? – спросил

сенатор.

– Какую? Их много.

– Таренту почти столько же лет, как и Риму. Еще при Великой Греции он стал одним из наиболее богатых, многолюдных и могущественных полисов. Но три столетия назад именно Тарент спровоцировал Пиррову войну против Рима и поплатился за это...

– Кстати, царь Пирр был вторым – после Александра Македонского – величайшим военачальником в истории, как утверждал историк Тит Ливий, – перебил сенатора Авл.

– Да, но я так не считаю, ведь, в отличие от Александра, у Пирра были проигранные битвы, в конце концов он был убит во время очередной войны, – строго ответил Гней Сервий. – Но я говорил не о Пирре, а о том, как Тарент вначале завелся с Римом, а потом вынужден был капитулировать перед ним, позабыв о главном – что этот греческий город должен был стоять до конца, а не требовать от Пирра продолжения войны с Римом. Практически это ознаменовало начало заката Греции, которая уже не могла защищать свои провинции, и начало расцвета Римской республики.

– К чему ты клонишь, друг мой, позволь спросить? – заинтересовался префект Клавдий.

– Дай досказать. Как бы там ни было, Тарент сдался Риму, но ровно через шестьдесят лет, во время уже Ганнибаловой войны, Тарент перешел на сторону карфагенян, тем самым предав Рим, как когда-то предал Грецию. Правда, через

три года Рим отомстил, во второй раз захватил ваш город, но на сей раз уже граждан не пощадил, а вырезал и продал в рабство 30 000 жителей... Итак, к чему же я это все говорю?! Вот ты, дорогой друг, сейчас восхваляешь Домициана, как когда-то Тита, но последнего нет уже в живых, и больше он тебе неинтересен, так как не принесет никакой выгоды. Умрет Домициан – ты и о нем уже не вспомнишь, а будешь восхвалять нового, и так далее, и далее. Я считаю, что человек должен быть честен в первую очередь с самим собой и уважать себя и других. Ты не сможешь всегда бежать, куда подует ветер.

– Я с тобой не согласен, – возразил Клавдий. – Следовать за дуновением ветра – это и есть чистой воды политика. При Тите я был никем, а при Домициане стал всем. Так кого мне любить? А у тебя, мой друг, видимо, ситуация наоборот.

– Что ты сказал? – повысил тон сенатор.

– Отец! – вмешался сын префекта. – Прошу! Не надо ссор.

Но в этот самый момент в коридоре показалась та самая орущая женщина Оливия. Завидев Туллия, она замерла от изумления. Он достал кинжал и приложил палец ко рту. Женщина с грохотом упала в обморок. Туллий спрятал кинжал и решил поскорее добежать до правого крыла, как вдруг наткнулся на других стражников. Их было пятеро, и все сразу наставили на юношу свои мечи. В коридоре появились префект с сыном. Сенатор же нагнулся над лежащей без сознания супругой.

– Гней Сервий, она жива? – спросил Авл.

– Жива. У нее обморок, – ответил сенатор и подошел к ним. После чего обратился к двум стражникам: – Отнесите ее на софу.

Те отправились исполнять приказание.

– Ты? – поразился сын префекта, увидев Туллия. – Что ты опять тут делаешь? Неужели мало лимонов было?

– Кто это, Авл? – поинтересовался префект.

– Этот воришка сегодня днем напугал Оливию, когда воровал наши фрукты. Ну а сейчас решил, видимо, украсть уже что-то подороже. – После чего обратился к Туллию: – Думал, мы спим и ты сможешь воровать все, что пожелаешь, ведь так?

Туллий промолчал.

– А ведь я тебя предупреждал, – продолжил сын префекта, – что прощаю лишь один раз. Ты, видимо, посчитал мою доброту за слабость?! Зря. Ты мне не оставил другого выбора. – Авл протянул руку к стражнику, и тот вручил ему свой меч. – Если думаешь, что сейчас лишишься пальцев или рук, то ты глубоко ошибаешься. Твоя голова все равно пуста, раз ты пролез сюда, а значит, она тебе больше не нужна.

И как только он замахнулся мечом, Туллий выдал:

– Я гражданин Рима и требую суда у императора.

– Что? – поразился сын префекта.

– Согласно закону, если гражданин Рима провинился, он может требовать суда у самого императора, а до этого мо-

мента он неприкосновенен.

– Да кому какое дело до твоих слов и желаний? – заорал Авл.

– Стой! – вмешался уже Гней Сервий. – Если префект и его сын не выполняют римские законы, то кто тогда будет?

– Так ведь он...

– Я все видел и слышал, так что в курсе, – спокойно прервал его сенатор и обратился уже к Туллию: – А у тебя есть доказательство того, что ты римский гражданин?

– Да! – и Туллий вытащил из туники свиток и протянул ему.

Сенатор раскрыл документ и внимательно прочитал.

– Ты Туллий Флавий? – удивленно спросил Гней Сервий.

– Он самый.

– Откуда ты взял фамилию Флавий?

– Это фамилия моего отца.

– И кто же он?

– Бывший император Римской империи Тит Флавий.

Префект и его сын расхохотались. Лишь сенатору было не до смеха.

– А этот юнец смысленый, – смеялся Авл. – Ты родной сын Тита Флавия?

– Да.

– М-да, не очень хорошо подготовился, видать. Много ошибок, малыш! Во-первых, сын Тита Флавия был убит сразу же после смерти императора. Во-вторых, ни для кого уже

не секрет, что сын был приемным, а не родным. В-третьих, Тит Флавий очень разочаровался бы в своем приемыше, если б увидел, как он ворует лимоны и проникает на чужую виллу.

– Я родной сын, так как о том, что я приемный, отец сказал мне лишь на смертном одре, а значит, если бы не смерть, то правда не всплыла бы. Значит, я считаю себя его родным сыном, а что думают остальные, меня не интересует.

– Что с этим ненормальным будем делать, сенатор? – обратился сын префекта. – А то уже становится все это не смешным, а грустным.

– Есть доказательства, что ты сын Тита? – спросил Гней Сервий у Туллия.

– Есть! – и он достал кинжал.

Стражники напряглись, но сенатор их успокоил.

– Кроме того, что я сенатор, я еще и воин, и военачальник, много сражений прошел, думаете, я не справлюсь с ребенком голыми руками? – и Гней Юний Сервий взял из рук Туллия серебряный кинжал. – Это разве доказательство?

– Этот кинжал подарил мне отец перед смертью. На нем можно увидеть герб Флавиев.

Гней внимательно его разглядел и увидел букву «F» в лавровом венке.

– Смешно, – высказался Авл. – Каждый ювелир сможет выгравировать любые инициалы и герб, где только пожелаешь. Может быть, ты его вообще украл.

– Не смешно, – произнес Туллий. – За такую гравюру надо было бы заплатить целое состояние, а воровать у императора кто бы рискнул?

– И что тебе нужно здесь? Опять лимоны?

– Нет, я здесь, чтобы встретиться с сенатором Рима.

– Для чего? Это же явный заговор!

– Довольно! – прервал их сенатор. – Я хочу поговорить с этим юношей наедине, – и он указал рукой следовать за ним.

Туллий первым вошел в таблин, а за ним и сенатор, который плотно закрыл дверь за собой. Опять жестом он указал Туллию сесть на табурет, а сам остался стоять.

– А теперь, Туллий Флавий, – начал было Гней Сервий, – когда мы с тобой наедине, скажи мне правду: зачем ты здесь?

– Мне нужно было встретиться с тобой.

– По какому делу?

– Помочь мне убить Домициана.

– Ты хоть понимаешь, что за такие слова мы можем оба лишиться головы?!

– Я не боюсь.

– А зря, лишь страх смерти делает нас умнее и хитрее. Ты либо безрассудный, либо жить надоело.

– Ты сам недавно говорил, что Домициан отравил Тита. Я хочу лишь одного – мести.

– Я вот смотрю на тебя и никак не могу понять. То ли это ловушка для меня, подстроенная врагами, то ли какая-то игра.

– Я говорю правду!

– Правду? Множество несостыковок у тебя.

– Каких?

– Во-первых, как ты узнал, что я сегодня приеду? Даже префект и его сын об этом не знали. Ты следил за мной или кто-то другой? Во-вторых, откуда ты знаешь, что я тебя не выдам императору и не получу свою награду? В-третьих, как ты смог выжить после смерти Тита? Это же невозможно!

– Твоя супруга здесь, рано или поздно ты бы сюда приехал!

– То есть ты каждый день меня выжидал?

– Ты не выдашь меня убийце Домициану, так как ты человек чести, и я уже точно знаю, что для тебя настоящий император – все еще Тит Флавий, то есть мой отец. Что касается того, как я выжил... – и Туллий снял с себя тунику, оголяя торс в шрамах. – Цена выживания оказалась болезненной. Если бы не боги, которые послали в тот день мне защитников, я бы действительно был бы сейчас мертвым на радость моего дядюшки.

– Даже не знаю, что и сказать. Мне нужны еще подробности и доказательства!

– Какие?

– Что помнишь из жизни твоего отца, известное только тебе?.. или подробности твоего спасения. Мне надо знать все.

– Сенатор, а не слишком ли много ты просишь? Я не выдам своих спасителей.

– А ты? Не слишком ли ты много просишь у меня? Даже если ты настоящий Туллий Флавий, тем не менее я ведь представитель власти, а ты оппозиция. Ты во мне нуждаешься больше, чем я. Тебе нечего терять, а мне есть что. Поэтому я и пальцем не пошевелю, пока ты не расскажешь мне всю правду. В твоих рассказах есть ложь, я это вижу и чувствую. И если сейчас, в этот самый момент, ты не будешь со мной откровенен, видят боги, мстить императору ты будешь вместе с Плутоном¹⁴.

– Я не...

– Юноша, я прожил уже долгую и серьезную жизнь, я умею читать по глазам и видеть, когда человек врет. Надеюсь, твоя ложь не важна, иначе ты себе только хуже сделаешь.

– Хорошо, сенатор, я скажу всю правду.

– Клянешься самым дорогим, что у тебя есть?

– Клянусь памятью моего отца!

– Тогда хорошо, – и Гней Юний Сервий лишь сейчас присел на скамн. – Я тебя слушаю очень внимательно.

– Вчера передо мной на форуме Авл купил рабыню, которая мне очень понравилась. Я хотел было вначале выкупить ее у него, но потом не придумал ничего другого, как проникнуть сюда и украсть ее. Но, проходя мимо, я услышал ваш разговор о моем отце и пройти дальше уже не смог. Все сра-

¹⁴ Плуто́н – в древнегреческой и римской мифологии – одно из имен бога подземного царства и смерти.

зу же ушло на второй план, и у меня появилась надежда, что мне кто-то поможет осуществить мечту и отомстить за все.

– На что ты готов ради этого?

– На все. Абсолютно на все. Цель моей жизни – это месть.

– Хорошо, продолжай. – Сенатор пристально смотрел в глаза юноши.

– Ты хочешь доказательств о моем отце? За все четырнадцать лет он ни разу не повысил голос на меня, ни разу не наказал, если я что-то делал не так, он мягко объяснял, почему этого делать нельзя. Я никогда не ощущал, что между его настоящей дочерью и мной есть хоть какая-то разница. Я был на открытии амфитеатра Флавиев¹⁵, когда отцу принесли письмо о его погибшем сыне и возлюбленной. Он тогда был в ярости и потерял сознание. Кто же знал, что это уже было начало его... и моего конца. На смертном одре он раскрыл мне тайну, в которую, если честно, до сих пор еще не верю. – Туллий прослезился. – Я как-то сразу потерялся в этой жизни и до сих пор себя не нашел. С одной стороны, я должен жить мезтью, с другой стороны, я должен найти усыпальницу моих родителей и узнать все о них, как того хотел Тит. На данный момент я уже и не знаю, кто я на самом деле.

– Как ты спасся?

– На смертном одре отец мне велел покинуть Рим, бежать от Домициана. Он дал мне золото и кинжал, после чего я спешно покинул дворец. Но за мной последовали люди это-

¹⁵ Амфитеатр Флавиев – Колизей.

го ничтожества, которого я долго считал своим родным дядей. Им было велено убить меня. А я, четырнадцатилетний парень, сам и без охраны, должен был защищаться...

...«Рим. Календы сентября 81 года от Р. Х. Туллий Флавий обнаружил, что его преследуют пятеро неизвестных людей, ускорил шаг и нырнул в ближайший переулок, который оказался пустынным. Практически сразу же за ним поспешили и те пятеро. Туллий пустился в бег, но и преследователи тоже. Наконец юноша остановился возле таверны и обернулся к неизвестным.

– Кто вы такие? Чего вам надо?

– А ты как думаешь, малец? – спросил лысый, видимо, главный. – Пустить крови. Говорят, когда вспарываешь живот патриция, то он даже не кричит, а все терпит.

– А другие молвят, – произнес второй неизвестный, – что патриции кричат громче свиньи, когда их режут.

– Возможно, – согласился главный. – Сейчас как раз и проверим на мальце, где тут правда, а где вымысел, – и он зловеще улыбнулся, доставая длинный кинжал. – Твой любимый дядя Домициан передает тебе поклон.

Но Туллий не стал дожидаться продолжения и забежал в таверну. Внутри было шумно и пахло вином. Посетители пили и играли в кости. Стоял хохот вперемешку с криками и руганью. Наконец хозяин таверны, увидев юношу, выкрикнул:

– Что ты тут делаешь? Здесь не место детям.

– Помогите, прошу, меня хотят убить вон те люди, – и Туллий указал на вошедших сюда незваных гостей с кинжалами.

– Эй, вы! – обратился хозяин к пятерым преследователям. – В моей таверне оружие запрещено.

– Да кого волнуешь ты или твои правила? – ответил главный. – Мы заберем этого юного вора и уйдем отсюда.

– Нет, пожалуйста, – взмолился Туллий, глядя на хозяйна. – Я сын императора Тита Флавия, а эти люди посланы моим дядей Домицианом, чтобы убить меня.

Все в таверне тут же затихли, развернулись и стали разглядывать Туллия.

– Ну, малец и сочинитель! – рассмеялся лысый убийца. – Он украл у нас аурей, и мы просто хотим его вернуть, чтобы как раз и потратиться в этом прекрасном месте на вино и простибул¹⁶.

– Как ты там сказал? – спросил хозяин. – Кого я волную со своими правилами? Значит, так, сейчас ты берешь своих тупоголовых друзей и уносишь свою уродливую морду подальше от моей таверны.

– Я не ослышался? Ты даже понятия не имеешь, во что ввязываешься, глупец.

Но хозяин вынул кинжал, и все посетители последовали его примеру.

¹⁶ Простибула – женщина легкого поведения.

– Ты же говорил, что сюда нельзя с оружием, – произнес один из людей Домициана.

– Это уродам вроде вас запрещено входить с кинжалами, а нормальным римлянам можно! – заявил хозяин таверны.

– Мне нужен этот юнец, я его заберу, и мы спокойно уйдем, – объявил лысый главарь. – Иначе мы возьмем его силой, пройдя по вашим трупам.

– Значит, – заговорил хозяин, – дело действительно не в аурее, верно?

– Это уже не твое дело, просто отдай мне его, и никто не пострадает.

– Значит... это действительно сын нашего повелителя?!

– Я последний раз предупреждаю!

– Да кто ты такой вообще? Посмотри, сколько нас тут! Двадцать человек против пятерых.

– Видишь ли, вы воры, грабители, ничтожества и отбросы Рима, а мы – преторианцы, элита римского войска, личная охрана будущего императора Домициана, так что силы даже не равны... Вы далеко в меньшинстве.

– Это мы еще увидим! – заявил хозяин таверны и закричал: – За Тита! Убить их!

В этот момент лысый преторианец бросает кинжал прямо в сердце хозяина и тот падает замертво. Остальные набрасываются на преторианцев с криками. В этой массовой бойне непонятно было, кто вообще побеждает, потому что люди Домициана умело расправлялись с нападающими, отби-

вая атаки и нанося смертельные удары. Туллий не стал дожидаться исхода этой битвы и бросился к черному выходу, но в этот момент ногу охватила сильная боль. Он посмотрел вниз и увидел кинжал, пробивший насквозь его голень. Тем не менее, преодолевая боль, он не остановился, а вышел в переулок и попытался бежать, но не смог и оперся на стену. Из таверны за ним вышли два преторианца.

– М-да, Туллий Флавий! – произнес, подходя все ближе, лысый убийца. – Хорошо ты так придумал с таверной. Молодец. Чуть нас всех там не положили, – и он ударил юношу кулаком в живот.

У Туллия забило дыхание, он не смог вздохнуть и упал на землю, кашляя. Лысый ударил его со всей силой ногой в лицо, сломав при этом нос. Юноша схватился за голову. Преторианец силой выдернул из голени Туллия кинжал. Флавий закричал.

– Перевяжи ему рану, быстро! – приказал лысый.

– Но зачем?

– Затем, чтобы не умер от потери крови. О быстрой смерти отныне он будет лишь мечтать. Я ему не прощу троих наших.

Преторианец оторвал от своей туники ткань, перевязал рану и крепко затянул ее. Лысый подождал, пока Туллий отдышится, поднял его за волосы и поставил опять возле стены. Затем кинжалом сделал порезы на руках и ногах юноши, после чего порезал и грудь. Туллий опять упал. Главный

убийца снова полоснул Туллия кинжалом, но уже по спине.

– Вставай, чего улегся?! Это только царапины, не притворяйся умирающим. Я еще даже не начинал наносить серьезные раны.

В этот момент Туллий достал из-под туники серебряный кинжал и проткнул голень стоящего рядом преторианца. Тот заорал и упал. Лысый ногой выбил кинжал у юноши.

– Молодец, хвалю! – восхитился главный. – Глядишь, ты бы стал настоящим воином. Весь в ранах и в крови – и не ломаешься. Даже как-то жаль тебя убивать.

– Да убей ты его уже наконец! – закричал другой преторианец, корчась от боли.

– Что ты ведешь себя как девица? Вон юнец с кинжалом в голени молча стоял, а ты все ноешь и ноешь.

Туллий уловил момент и пополз к отброшенному в сторону своему серебряному кинжалу.

– Смотри, он уходит! – завопил раненый.

– Скорее уползает, – рассмеялся преторианец и приблизился к Туллию, который, пытаясь спрятать кинжал в тунику, уже добрался до конца переулка и оказался возле многолюдной улицы. – И что же мне с тобой делать?

– Отпусти меня... – еле слышно произнес Туллий.

– Ну, вот, ты меня начал разочаровывать уже. Просить о пощаде – это последнее, что должен делать настоящий римлянин.

– Я дам тебе золото, – и юноша протянул ему мешочек с

монетами.

– Что же, предложение неплохое и, надо сказать, честное, но вот только за твою смерть мне заплатят должностью при императоре.

– Мой дядя не из тех, кто выполняет свои обещания. Если ты уважаешь моего отца, то возьми монеты и отпусти меня.

– А ты мне нравишься. – Заулыбался преторианец. – Боец, да еще и дела умеешь вести.

– Тогда бери монеты, и забудем обо всем.

– Видишь ли, может быть, я бы и пошел на это, если бы уважал твоего отца, но... – и он замолчал, а лицо искривила гримаса злобы. – Он нас изгнал из преторианской гвардии с позором, и самое малое, как я ему могу отомстить, это убить его отпрыска.

– Ну что же, – уже улыбнулся окровавленный Туллий, – рад за преторианцев, что на пять уродов там стало меньше.

Юноша подбросил содержимое мешочка кверху, и золотые монеты разлетелись по сторонам, оказавшись в переулке и на улице. Сам же он из последних сил выпрыгнул из переулка на улицу и остался лежать. Граждане, проходившие мимо, увидев золото, как обезумевшие бросились его собирать. Но это не остановило преторианца, и он уже склонился над Туллием.

– Старый трюк с монетами, – произнес лысый убийца. – Кто его только не делал. Беда лишь в том, что я сейчас убью тебя при этих людях, а никто даже не обратит на это внима-

ния, потому что всем ты безразличен.

Лысый преторианец только занес над Туллием свой кинжал, как тут же отлетела его голова в сторону и тело упало рядом с юношей. Туллий не видел, кто его спас, но, собрав все свои силы, быстро поднялся и пошел, хромя, среди граждан, которые его задевали плечами. Не сломленный, он брел дальше в никуда, пока в очередной раз его не задели и он упал, как тут же услышал крики римлян по поводу смерти Тита, лишь тогда он заплакал и лег обессиленный на дорогу, закрыл глаза и провалился в темноту»...

– ...Меня спас человек, которому я буду благодарен всю свою жизнь, – завершил рассказ Туллий.

– Кто это? – спросил сенатор.

– Ради его безопасности я не буду раскрывать имя.

– Ты мне не доверяешь?

– Скорее этим стенам.

– Ну что же, я выслушал тебя.

– Так ты мне поможешь?

Гней Сервий встал и начал ходить взад и вперед, что-то обдумывая.

– Сенатор? – снова обратился к нему Туллий.

– Твой рассказ убедителен, а глаза не врал.

– Но ты мне не поможешь... я все понял.

– Наоборот, помогу!

– Правда? – поразился Туллий.

– Помогу свергнуть Домициана и . . . сделать из тебя нового императора Рима!

Глава III

Луций и Маний места себе не находили, шныряя взад и вперед по мощеной дороге, когда из виллы Авла вышел Туллий.

– О боги, друг наш, – обрадовался Маний. – Ты цел и невредим?!

– Мы думали, что ты уже не жилец, – радостно подхватил разговор Луций. – Я еле снял с забора Мания, который уже хотел было бежать за тобой внутрь.

Туллий ничего не ответил и побрел дальше. Друзья бросились за ним.

– Ты вправе обижаться на нас, – заговорил Маний, – но нам не до конца понятно было, что там внутри происходит. Я лишь видел, что стража засуетилась.

– Да все нормально, правда, – заговорил уже Туллий. – Просто мне надо все хорошенько обдумать.

– Что именно? – поинтересовался Луций. – Что там произошло? Где рабыня? Ее убили? При тебе убили? Тебе угрожали или близким?

– Нет, никого не убивали и никому не угрожали.

– Тогда что?

– Я сейчас не в состоянии что-либо объяснять. Когда придет время, я все расскажу, обещаю, – и Туллий что есть мочи помчался домой.

Он вошел в домус¹⁷, когда все трое обитателей уставились на него.

– Знаю, знаю, я поздно пришел и не предупредил вас, но все хорошо, и мне надо побыть одному, – и быстро проскочил в свою кубикулу.

Вслед за ним зашел Клитус.

– Я сейчас не могу говорить... – начал было Туллий.

– Что случилось? – спокойно спросил Клитус и сел на селу¹⁸. – Я все понимаю, тебе нужен покой и отдых, но я, как глава этой семьи, имею право знать, что происходит.

– Я встречался с префектом, его сыном и сенатором.

– О боги, где?

– На вилле сына префекта. У меня был разговор с сенатором Гнеем Сервием, который, как и я, хочет смерти Домициана. В общем, я буду участвовать в заговоре.

– Что? О чем ты говоришь?

– Это уже решено.

– Туллий, ты мне сам рассказывал о последних словах твоего отца. Тебе необходимо отправиться на могилу настоящих родителей, узнать все о них, познакомиться с их религией. Ты еще юн и неопытен, на данный момент ты эту битву проиграешь. Необходим опыт – военный, тактический, жизненный. Сенаторы вечно плетут интриги и всегда устраивают заговоры против всех императоров без исключения. Это

¹⁷ Домус – дом-особняк одного рода.

¹⁸ Села – табурет.

политические игры очень богатых людей, которым просто скучно живется. У них есть все, но им надо больше. Ты же другое дело, тебе нельзя ошибиться.

– Ты не понимаешь, Домициан отравил Тита, об этом уже знают все в Риме. Тит умер в сорок один год в расцвете сил. Почему?

– Многие умирают и в двадцать лет по непонятным причинам. Это частое явление, к сожалению.

– А мой дед Веспасиан прожил семьдесят лет.

– Исключение из правил.

– Моя жизнь – это месть.

– Ты чудом выжил там, где невозможно было выжить. Может, Бог не зря тебе дал еще один шанс? Может, для чего-то высшего?

– Бог? О каком Боге ты говоришь? Вы христиане?

– Насколько мне известно, как и твои настоящие родители тоже.

– Почему вы скрываете? Сейчас нет гонений на христиан.

– Ты не прав, Домициан возобновляет гонения на нас.

– Вот видишь, еще одна причина остановить этого тирана.

– Христианство учит смирению и любви. Бог сам накажет его. Как не так давно наказал еще одного тирана – Нерона.

– Да, я слышал о нем, отец много рассказывал об этом императоре. Ведь они дружны были.

– И один из них стал гонителем христианства, а другой – практически приверженцем.

– Что ты предлагаешь?

– То, что ты и сам хотел недавно, – покинуть Италию и отправиться за ответами.

– А как же шанс? Как же союз с сенатором?

– Сегодня союз, а завтра предательство. Он тобой жертвует в любой момент, когда ему станет выгодно.

– Ну... не знаю...

– Он знает, где ты живешь?

– Нет, я пока ничего не говорил. Мы договорились о встрече через месяц. Он отбыл в Рим для переговоров с другими римскими политиками.

– Где встречаетесь?

– Там же, на вилле.

– Надо подстраховаться. У меня есть люди, которые проследят за префектом и его сыном. За сенатором следить вне Тарента я не смогу.

– Благодарю, но этого не требуется.

– Еще как требуется. – Клитус встал и направился к выходу. – И на будущее: не смей исчезать как сегодня и приходиться под утро, мы из-за тебя всю ночь не спали, переживали, думали, что тебя убили. Особенно расстроилась и прорыдала все это время твоя сестра. Иди успокой ее.

Туллий зашел в кубикулу Корнелии.

– Не спишь?

– Нет, – ответила она, протирая глаза. Туллий сел на кровать, и Корнелия обняла его. – Я так переживала, места себе

не находила. Где ты был?

– Встреча была с сенатором.

– Почему мне не сказал?

– Послушай, у меня был тяжелый день, так что...

– Все ясно, ты меня не любишь, ничего мне не рассказываешь, для тебя я пустое место, что есть я, что нет меня, тебе не важно. Я без тебя жить не могу, а тебе абсолютно безразлично.

– Это не так...

– Это так, ты меня использовал.

– Не говори глупостей! Зачем? – Туллий встал.

– Чтобы остаться в нашей семье навсегда. Тебя же мои родители хотят отправить подальше отсюда.

– Я сам хочу уехать, твои родители – самые лучшие люди на свете.

– А я, значит, нет?!

– Поговорим, когда ты успокоишься.

– Я и так спокойна, и мы поговорим сейчас!

– Мы уже обо всем поговорили. – Улыбнулся Туллий и хотел было уйти.

– Сегодня я расскажу родителям, что мы спим вместе уже несколько месяцев и хотим пожениться.

– Что? – поразился юноша.

– То, что слышал. Я все расскажу им.

– Нет, не надо...

– Почему?

– Они меня сразу выгонят, да и тебя тоже. Это же позор.

– Почему позор? Мы не родные с тобой. Мы просто влюбленные мужчина и женщина.

– Да брось, женщина, ты еще юная, тебе только пятнадцать.

– Юная? Ты вообще римские законы знаешь? С двенадцати лет девушка может выходить замуж, юноша – с четырнадцати, а тебе вообще почти семнадцать. Мы уже опаздываем с браком.

– Прошу, не говори родителям. Дай я сам это сделаю!

– Убежать хочешь? Дать тебе время на подготовку к побегу?

– Никто никуда не собирается убегать. Просто сейчас не время для этих любовных игр.

– Почему?

– Поверь, сейчас есть вещи посерьезнее. Может, у меня получится переехать в Рим, меня хотят поддержать сенаторы и провозгласить императором. Мы сможем въехать в императорский дворец, и ты станешь императрицей. Не забывай, я же наследник императора Тита.

– Ух ты, – и глаза ее округлились. – Ты говоришь правду?

– Да, вот на этой сегодняшней встрече это все как раз и обсуждалось.

– Значит, ты женишься на мне, и я стану императрицей?!

– Конечно.

– Тогда хорошо, я пока что ничего не скажу, – засмеялась

она.

– Вот и славно.

– Я люблю тебя.

– А я тебя. – Туллий поцеловал ее и ушел.

Утром Флавий вновь отправился к вилле Авла. Стража пропустила его в сад, где он засмотрелся на фруктовое дерево в ожидании хозяина.

– Опять посягаешь на мою собственность? – ехидно произнес Авл, появляясь здесь.

– И да, и нет.

– Сенатора нет в городе, и я не думаю, что тебе стоит сюда приходить без приглашения, иначе накличешь беду. Твое появление здесь не сулит ничего хорошего моей семье, так называемый Туллий Флавий.

– Я по делу!

– И какому же?

– У тебя есть зеленоглазая рабыня, я первым ее увидел и хотел купить, но ты опередил меня. Теперь я хочу выкупить ее у тебя.

– Ты смотри, такой деловой стал, вначале выглядел довольно-таки смиренным, при первой нашей встрече. А теперь вон как заговорил, двуликий.

– Я просто хочу ее... выкупить.

– Не сомневаюсь, что хочешь, – и он улыбнулся. – Она действительно прекрасна, тем более страстная. Скифы вообще все жаркие.

– Она скифка?

– Так мне сказали. Как бы там ни было, хочу кое-что прояснить: я не сенатор, и меня своими россказнями не проведешь. Может, мой тесть и любитель разных игр, и ему просто интересно, к чему все это приведет, но я не собираюсь тебе помогать стать императором. Мне вообще кажется, что это чья-то неудачная шутка.

– Все ясно, ты человек Домициана.

– Ха-ха. Да я его даже никогда не видел, в отличие от тебя, верно? Чего мы, провинциальные граждане, можем достичь, сидя в этой дыре? Мы самый юго-восток Италии, вдали от Рима и его интриг. Переплыви через Ионическое море – и ты уже окажешься в Греции. Может, нам даже ближе Греция, чем Рим. Так что я ничей человек, сам по себе, и надеюсь, в будущем тоже буду префектом. И чего мне точно не хочется – так это чтобы в моем городе были такие сомнительные личности, как ты.

– Справедливо. Я дам тебе пятьсот денариев и уберусь из города навсегда.

– Ты и так скоро покинешь нас.

– Но я смогу вернуться. В конце концов, тут мой второй дом.

– Тысяча денариев – и покинешь Тарент навсегда.

– Пятьсот! Я не богат, чтобы переплачивать.

– Семьсот пятьдесят! Ни тебе, ни мне. Да и чуть заработать я же должен на красавице.

– Хорошо. Могу ли я до встречи с сенатором и отбытием из города оставить ее пока у тебя?

– Некуда привести ее или просто боишься за нее?

– Боюсь.

– Понятно. Ну что же, тогда восемьсот денариев, кормить за свой счет я ее не собираюсь, – и Авл собрался уходить.

– Я хочу ее увидеть!

– Стражник проводит тебя к ней.

– И не касайся ее больше, она моя.

– Само собой. – Авл развернулся и улыбнулся. – У нас же уговор.

Туллий вместе с охранником оказались в темнице с клетками, в одной из них и сидела зеленоглазая рабыня.

– Освободи ее, – приказал Туллий.

Стражник открыл клетку и поманил девушку рукой. Она послушно выбралась наружу.

– Привет. – Криво улыбнулся Флавий. – Я Тул... кхе... лий. Туллий я, в общем.

Охранник закатил глаза и ушел.

– Привет, – ответила девушка.

– Надо же, ты знаешь латынь. Это же здорово.

– Не до конца, но да, я знать латынь.

– Как тебя зовут?

– Опойя.

– Ну и имя... То есть красивое имя... А что оно означает?

Девушка опустила голову.

– Да не важно. В общем, я что хотел сказать... Я тебя выкупил... Теперь ты моя... вот... А прежний хозяин с тобой хорошо обращался?

– Хорошо.

– Вот и славно. Ты пока здесь еще побудешь, а через пару недель тебя заберу. Я буду навещать тебя. Не волнуйся. – Он поцеловал ей руку и позвал стражника.

Сразу же после разговора с рабыней Туллий отправился к Луцию.

– Луций, Луций, ау? Есть кто? – закричал Флавий.

– Чего орешь? – Вышел из инсулы Луций.

– Ты все еще дома?

– Конечно, раннее утро же.

– Ой, да, я и не заметил.

– Странный ты в последние дни. Любовь к рабыне так сказала?

– О да, очень. Что делаешь?

– Буду тренироваться целый день.

– Зачем?

– Ты вообще здоров?

– Да, а что?

– Через две недели начнется Нептуналия. Надо готовиться к соревнованиям.

– А-а-а, точно, двадцать третье июля. Праздник в честь Нептуна.

– Мы морской город и должны почитать бога моря. Ты

здесь не родился, но должен знать, что этот праздник необходим, чтобы предотвратить засуху.

– Целый июнь шли ливни, какая засуха?

– Засуха уже началась, да и потом всем мореплавателям нужно благословение Нептуна.

– К каким состязаниям ты готовишься?

– Агон, конечно же.

– Что?

– Не говори мне, что ты не знаешь, что такое Агон!

– А должен?

– Ты пропустил их в прошлом году?

– Да.

– А в Риме разве не празднуют Агоналии? Ну, Агония?

– Гладиаторские бои, гонки на колесницах.

– Это тоже, но не то. Агон – это борьба, состязание у нас и греков во время празднеств.

– Это больше у греков.

– Нет, и у римлян тоже, Агоналии – это праздники и игры в честь Януса¹⁹, прозванного Агоном, то есть борцом.

– И что же будет?

– Все увидишь, главное, приведи себя в хорошую форму. Соревнований будет много, и ты сам сможешь выбирать, как

¹⁹ Янус – двуликий бог в древнеримской мифологии. Почитался как божество всех начинаний, дверей, входов и выходов, в связи с чем получил атрибуты сторожа – ключи и посох, дабы отгонять непрошенных гостей. В императорскую эпоху Януса представляли как легендарного первого царя области Лаций, основавшего город на холме Яникул.

и где участвовать.

– Значит, нужна физическая сила?!

– Не только... разная.

– Хорошо, будет чем убить ожидания.

– Какие ожидания?

– Празднеств, – и Туллий ухмыльнулся. – Увидимся еще.

Луций подозрительно посмотрел вслед другу. Флавий же побрел на форум помогать Клитусу в торговле. Так целый день и прошел. Дома же начал усиленно качать мышцы тяжелыми предметами и делать силовые нагрузки на руки и ноги. Появился Клитус с неизвестным высоким здоровым мужчиной лет сорока пяти, с грудой мышц.

– Туллий, хочу тебя познакомить с Меланкомосом. Он грек и знает, как тебя натренировать за эти несколько дней, дабы ты преобразился в настоящего греческого атлета.

– Нескольких дней, конечно же, мало для этого, но Туллий в хорошей форме и будет готов к играм, – произнес грек.

– Мы раньше не встречались? – поинтересовался Флавий. – Лицо и имя какие-то знакомые.

– Может быть, я известный человек.

– Ладно, я вас оставляю, – заявил Клитус. – Мне надо на форум.

– Рад знакомству, Меланкомос, – выговорил Туллий.

– Итак, все, что надо знать о принципах идеальной фигуры, это симметрия. Ничего не должно быть слишком. Вот ты поднимал сейчас металлические тяжести для чего? На-

вредить себе хочешь? Корпус должен быть накачанный, но не чрезмерно, с широкими плечами и грудью, сильными руками и тонкой талией. Ноги мускулистые, но не огромные. Все должно быть сбалансировано и пропорционально. Идеальное телосложение – это по греческим правилам следующее: руки должны быть в 2,5 раза больше окружности запястья, талия – в 1,9 раза больше лодыжки, бедра – в 1,75 раза больше колена, плечи – в 1,6 раз талии, и шея – в 2,5 раза запястья. Ты должен быть спортивным, подтянутым и худым. Отчасти ты такой, но не симметричен. Правильное питание – это мясо, рыба, овощи и фрукты, много воды. Приседания, отжимания, пресс – вот что надо. Ну и, конечно же, бег. Однажды Фидиппид получил задание пробежать марафонский забег по холмистому и трудному пути примерно 1 240 стадий²⁰ из Марафона в Спарту и попросить помощи для греческих войск в сражении с персами. Фидиппид преодолел это расстояние удивительно быстро, за два дня, и принял участие в шестичасовом сражении, несмотря на четырехкратное превосходство в численности противника, и сразу после победы, раненый и обессиленный, побежал в Афины, – а это еще 800 стадий, – где женщины и дети в страхе ожидали известий о своей участи. Право принести весть о победе считается в Греции почетной наградой, достойной настоящих героев, и Фидиппид заслужил это право. И хотя много бегунов

²⁰ Стадий – единица измерения расстояний в древних системах мер многих народов. Римский = 185 м.

отправились с этой славной новостью, тем не менее не привыкший проигрывать Фидиппид и в этот раз приложил все усилия, чтобы стать победителем. Добежав до Афин первым, он лишь успел выкрикнуть: «Радуйтесь, афиняне, мы победили!» – и упал замертво. Фидиппид буквально загнал себя до смерти, но показал, на что способно человеческое тело. Я буду тренировать тебя не для этих глупых игр, а для того, чтобы ты всегда мог победить даже там, где это нереально.

– Благодарю тебя, храбрый воин. – Пристально посмотрел ему в глаза Туллий. – Так кто ты такой?

– Меланкомос, греческий атлет, боец. Бывший чемпион Олимпийских игр.

– Ого, твои услуги, видать, очень дорогие.

– Очень.

– Но мы не богаты.

– Не в золоте счастье, поверь мне. Плата бывает очень разной.

– Чем же мне заплатить тебе?

– На данном этапе это неважно. Ты юн, и из тебя слепить можно все что угодно, хоть нового Олимпийского чемпиона.

– Мне этого не надо.

– Никогда не знаешь, что тебе понадобится, а что нет. Но хватит болтать, и пора тренироваться. Раздевайся.

– Мне туника не мешает.

– Полностью раздевайся. Главное греческое правило: ничего не должно мешать, когда ты тренируешься или состяза-

ешься.

– Мы же не в Греции.

– И что? Здесь тоже соревнуются голыми.

– Что дальше? – Туллий скинул с себя одежду.

– Итак, сто приседаний, и медленно.

Юноша стал выполнять, и с каждым разом становилось все труднее.

– Следующее упражнение: одну ногу поставь сзади на опору, на пень, и, приседай, а другую, стоящую на возвышении, старайся использовать только для сохранения равновесия.

Туллий стал выполнять и это, но через время скривился и упал, схватившись за голень.

– Что произошло?

– Старое ранение.

– Ранение?

– Кинжал голень пробил полтора года назад. Иногда болит.

– Я так и думал...

– Что?

– Не просто же так у тебя шрамы везде.

– Внутри меня шрамы гораздо хуже.

В саду появилась Корнелия и прервала их разговор:

– Как тренировки?

– Тебе нельзя здесь быть, – парировал Меланкомос. –

Юноша голый.

– Ой, что я такого не видела в нем?!

– Что? – возмущенно спросил Меланкомос.

– Да ладно тебе, дядя.

– Уйди прочь.

Корнелия, фыркнув, ушла. Меланкомос зло посмотрел на

Туллия, тот сглотнул.

– Ты спишь с моей племянницей?! – обратился он к Флавию.

– Я не знал, что ты родственник, почему я тебя раньше не видел?

– Был в Греции! Так давно ты с ней спишь?

– Я... я... полгода где-то...

– О боги, благодарность твоя выше всяких похвал.

– Боги? Ты что, не христианин? Эм... Я понимаю, что это неправильно, но у нас взаимно вспыхнула любовь, тогда еще... и...

– А теперь прошла... я это понял.

– Откуда?

– Клитус говорил, что ты влюбился в какую-то там рабыню.

– Похоже, вы все в курсе всего.

– Так и должно быть, когда в нашем домусе находится сын бывшего императора, на которого объявлена охота.

– Я не родной сын...

– Да не важно это... уж Домициану точно. Ему важно лишь, чтобы проблема перестала дышать. Ну а тебе тем вре-

менем хочется просто любви. Причем с дочерью того, кто тебя спас и приютил, кто относится к тебе как к сыну.

– Мне действительно просто надо было немного ласки в это трудное время.

– Пошел бы в лупанарий²¹ и выбрал бы любую девицу для утех.

– Не подумал.

– А стоило бы иногда. Ладно, продолжим, нагрузку на голень опустим. Но это твоя Ахиллесова пята, чтобы ты знал на будущее.

После тренировок обессиленный Туллий рухнул на кровать в своей кубикULE и только хотел заснуть, как к нему вошла Корнелия.

– У меня нет сил сейчас ни на что, – устало протянул Флавий.

– А тебе и не надо, я все сама сделаю, – игриво произнесла она.

– Нет, не надо, – и он вскочил.

– Что такое? – обиженно произнесла Корнелия. – Ты меня не хочешь?

– Дело не в тебе, а во мне.

– Дядя что-то заподозрил? Тем лучше, не надо больше скрывать.

²¹ Лупанарий – публичный дом в Древнем Риме, размещенный в отдельном здании. Название происходит от латинского слова «волчица» (лат. lupa) – так в Риме называли женщин легкого поведения.

– Ничего он не заподозрил. Мне нужны силы для праздничных игр. Только и всего.

– А, ну, хорошо, мы пойдем на игры вместе, там много чего интересного будет. Тебе понравится. – Она подмигнула и ушла.

Последующие тренировки проходили интенсивнее и в молчаливой обстановке. Меланкомос, по-видимому, затаил злость на Туллия и ничего никак не комментировал, равно как ничего и не рассказал Клитусу. Но строгий взгляд всюду сопровождал Флавия, и ему было из-за этого не по себе. Он мечтал поскорей уехать из города вместе с Опойей и зажить самостоятельно. Правда, еще не знал, какой именно план ему уготовил сенатор.

Глава IV

23 июля 83 года. Праздник Нептуналия²² в Таренте. С рассветом толпы людей с округи начали подтягиваться к центру города и сооружать шатры из веток с листьями, искусно их переплетая. Клитус с Цецилией, Корнелией и Туллимем также пришли сюда с повозкой веток. Четыре пары рук быстро построили зеленый шатер, в котором и укрылись от палящего солнца. Не только форум был в таких жилищах, но и все улицы Тарента. В центре форума установили десятки длинных столов, на которых скоро появится множество бесплатной еды для всех желающих. Началось же празднество с торжественного, во главе с магистратом – устройтелем игр, шествия, называющегося помпой. К этому шествию примыкало все больше и больше граждан. С улыбками на лицах и прославлениями бога шествие обошло несколько улиц и остановилось возле храма Нептуна. Там их встретил жрец, который залез на лестницу и надел на голову статуи бога Нептуна цветочный венец, тем самым ознаменовав начало праздника. Устройство игр громко возвестил:

– Поздравляю всех с величайшим праздником и хочу напомнить, что сегодня состоятся гладиаторские бои в амфитеатре, метание дисков на ипподроме, кулачные бои на фо-

²² Neptunalia.

руме, представления в театре пьес греческих и римских авторов, состязание лучших женских и мужских хоров перед храмом. Ночью же разрешены свободные отношения между полами или с одинаковыми полами, кому как нравится. Дети к ночным гуляниям не допускаются. В случае нарушений караться будут родители. На ипподром матроны не допускаются, так как участники-атлеты будут полностью голыми. Итак, праздник Нептуналия объявляю открытым.

Послышались радостные возгласы и крики.

– Где будешь состязаться? – обратился Клитус к Туллию.

– Что-то мне не хочется метать диски.

– Тогда что?

– Кулачные бои. Меланкомос меня тренировал, хочу посмотреть себя в деле. И почему его сегодня нет с нами?

– Множество других дел накопилось.

– Понятно.

– У вас мало дней было для тренировок. Хотя, с другой стороны, это же не Олимпийские игры, тут все любители.

– Тогда возвращаемся на форум.

На форуме сместили часть столов, сделав площадку для боев, и многие мужчины и юноши готовились сражаться. Два гражданина сидели в стороне за столом и на деревянных табличках что-то царапали. Туллий встал в очередь к ним. Но в очереди находились Луций и Маний, которые, завидев Туллия, радостно позвали его к себе. Толпе это не понравилось, но, повозмущавшись, все же успокоились.

– Почему вы здесь, а не на ипподроме? – поинтересовался Туллий.

– Сам туда иди, – парировал Маний. – Кулачные бои – это всегда интересно.

– Я бы пошел, – произнес Луций, – но вряд ли я далеко заброшу диск, а драться мы все умеем.

– Следующий! – монотонно произнес сидящий за столом писец. Все три друга встали возле него. – Вы что, тройняшки? Все вместе всегда? Или просто любовь втроем? – так же без эмоций сказал он.

– Я тебе сейчас такую любовь вчетвером устрою, что домой не сможешь дойти, – нервно ответил Маний.

– Тогда подходите по одному, бои ведь проходят один на один, а не три на одного, или три на не одного, или пара на пару, или толпа на толпу... и так далее, и тому подобное.

– Мы поняли, благодарю! – Улыбнулся Луций и повернулся к друзьям. – Подходим по одному, иначе он нас занудит до смерти сейчас.

– Туллий первый! – прокричал Маний.

– Почему я? – удивился Флавий.

– А если эти бои смертельные, то мы успеем отказаться.

– Туллий Первый, – монотонно выговорил сидящий парень.

– Да, я хочу участвовать, – ответил Флавий.

– Сколько лет?

– Шестнадцать.

– Так, хорошо, Туллий Первый, вот, возьми ремни и обмотай ими руки, чтобы невзначай не нанести тяжелого увечья противнику.

– Набедренную повязку снимать?

– Зачем?

– Надо голым сражаться?

– Если хочешь распугать зрителей, то можешь и голым, конечно, но лучше не надо, тут же тебе не Олимпия.

– Тогда хорошо. И да, я не первый, а просто Туллий.

– Хорошо Просто Туллий Первый, иди. Следующий!

Друзья стали смеяться без устали.

– Ничего смешного, – обиженно произнес Флавий, обвязывая руки ремнями.

Луций и Маний тоже прошли эту процедуру и стали ждать своей очереди. Наконец, после очередного боя, глашатай произнес:

– Итак, встречайте очередных участников кулачных боев: Руфус против Просто Туллия Первого.

– Это немисливо. – Помотал головой Туллий и отправился на бой.

Руфус выглядел лет на двадцать, с тонкими ногами и руками. Довольно неуверенно он встал в боевую позу, и толпа начала освистывать его.

– Правила таковы, – закричал глашатай, – не калечить, упавшего не добивать, в пах не бить, ноги не применять. Кто упал, тот проиграл. Начали.

Руфус кинулся на Туллия с криками и промахнулся, так как Туллий ловко увернулся от удара и нанес встречный. Руфус упал, открыл один глаз, оценил ситуацию, закрыл его и больше не встал.

– Победитель бесспорный! – разочарованно завопил глашатай. – Это Просто Туллий Первый.

Туллий поднял руки кверху, и, кроме Клитуса и его семьи, больше никто не хлопал.

– Итак, следующие участники – это Луция и Мания! На сей раз хохотал уже Туллий и собравшиеся зрители. – Что-о-о-о-о-о??? – одновременно возмутились Луций и Маний.

– Я того шутника сейчас пойду и изобью, – разозлился Маний. – Он же специально все наши имена перековеркал.

– Я бы не из-за имен переживал, – еле выговорил Туллий, сдерживая слезы от смеха, – а из-за того, что вы драться сейчас будете друг с другом.

Два друга вышли на бой с неохотой. Долго они ходили кругами, не решаясь первыми нанести удар. Маний увидел среди толпы Корнелию, и как она наблюдает за ним, и тут же бросился в бой. Луций уворачивался и бил в ответ, но Маний как не замечал и не чувствовал эти удары, а наносил свои, пока Луций не упал на пол, держась за нос.

– Победитель – Мания!

– Я Маний, идиот! – огрызнулся он.

– Извините! Виноват! Победитель – Маний Идиот.

Маний бросился с кулаками на глашатая, но его повалила охрана.

– Первое и последнее предупреждение для Мания Идиота. Еще одно – и ты будешь исключен из игр, – объявил глашатай.

Маний успокоился и направился к Луцию. Туда же подошел и Туллий.

– Ты как? – поинтересовался самочувствием Маний у Луция.

– Нормально, – ответил Луций, все еще держась за нос.

– Сломал?

– Нет... не знаю... да, наверное...

– Прости, я немного увлекся, не надо было нам вообще участвовать в этих играх. В этом году они какие-то оскорбительные.

– Да ничего страшного. Ты победил заслуженно, а я размяк просто. Не мой день сегодня, вот и все.

Туллий молча стоял, пока его не объявили. Маний стал наблюдать, как Флавий бьется с другим соперником, поглядывая при этом на Корнелию, которая заламывала руки, переживая за брата. После очередной победы Туллия она бросилась на него и поцеловала в засос. Маний обомлел. Он осмотрелся по сторонам, ища родителей Корнелии, но те с кем-то общались, не обращая внимания на происходящее. Маний подошел к друзьям.

– Я не помешал?

– Помешал! – надменно произнесла Корнелия.

– Вы же брат и сестра, почему вы так себя ведете?

– Что тебе надо?

– Туллий! – обратился он к товарищу. – Почему ты все время молчишь? Ты помнишь о нашем договоре?

– Что еще за договор? – поинтересовалась она.

– Скажи ей.

Флавий промолчал.

– Корнелия, – начал было Маний, – дело в том, что...

– Следующим выходит на бой Маний Идиот! – заорал глашатай.

– Тебе пора, – сказал ему Туллий.

– Мне пора? – Оскалился Маний. – Ну, хорошо, – и он поспешил на битву.

Два яростных удара – и соперник Мания упал без сознания.

– Я вернулся! – Вновь предстал перед ними Маний.

– Отстань, – заявила Корнелия. – Тебя никто не звал. Туллий сегодня победит. А победителям достается все.

– Корнелия, я тебя люблю!

– И что? Мне что с этого?

– Я говорил об этом Туллию, и он дал согласие на наш брак.

– Что??? – Открыла рот в недоумении Корнелия. – Это шутка такая?

– Подожди, Маний, не гони лошадей, – вмешался уже Тул-

лий. – Все было не так, я сказал, что помогу... поговорю... Но если моя сестра тебя не любит, что тут поделаешь? Тем более благословение на брак дает отец, а не брат.

– У нас был уговор: я помогаю тебе выкупить твою любовницу-рабыню, а ты мне помогаешь сблизиться с твоей сестрой. Так все было! – перешел на повышенный тон Маний.

– Что еще за любовница-рабыня? – чуть ли не рыдая, спросила Корнелия.

– Итак, на предпоследний бой выходит Просто Первый Туллий... – заорал что есть мочи глашатай.

Туллий убежал. Выйдя на бой, он хотел было с одного удара уложить соперника, но тот оказался прытким. На каждый удар Флавия отвечал своим ударом. Туллий же еще успевал смотреть в сторону Корнелии и Мания, которые явно ругались, и в этот самый момент пропустил сильнейший удар в челюсть. Флавия зашатало, а ноги стали подкашиваться. Пред глазами все поплыло. На миг показалось, что все это какой-то сон. Мысль была одна: «Лишь бы не упасть». Он увидел на себе тревожный взгляд сестры и друга, которые перестали спорить. И он выстоял, удержался, взяв всю свою силу в кулак. Когда на него пошел противник, чтобы добить, Туллий прогнулся и ударил также в челюсть своего врага. Того тоже зашатало, как и Флавий, он пытался удержаться, но все же упал под радостный визг зрителей.

Туллий, шатаясь, подошел к ним.

– Как ты, братик? – взволнованно спросила Корнелия.

– Сам виноват, не надо было пропускать такой удар.

– Теперь в финальной битве сойдемся мы с тобой, дружище, – съязвил Маний. – И меня уж точно так не будет шатать, как тебя.

– Маний?! – произнесла она.

– Что? Ты же сама недавно говорила, что победителям достается все. Устроим пари? Победит Туллий – и я забываю навсегда о тебе, а если я выиграю, то буду встречаться с тобой.

– Нет, это нечестно, мой брат сейчас уязвим.

– Принимаю! – заявил Туллий.

– Отлично, друг, – радостно выговорил Маний и похлопал Флавия по плечу.

– Нет, я не согласна и не буду выполнять условия этого спора. Я не вещь, чтобы меня, как трофей, делить. Что это вообще такое? – негодовала Корнелия.

Но Туллий и Маний отправились на бой.

– Итак, последний бой этого года, в котором сойдутся два сильнейших бойца! – кричал глашатай. – Это Просто Туллий Первый и Маний Идиот! – Все радостно захлопали. – Мы принимаем ставки на финальную битву и пожертвования. Часть денариев пойдет на приз победителю, так что не скупитесь, а поддержите молодых бойцов.

Зрители расстроились, но честно решили: кто дать монет, а кто испытать фортуна.

Бой начался. Также как и раньше, в бою с Луцием, Маний

не спешил атаковать, впрочем, как и Туллий.

– Что у тебя с сестрой? – начал выяснять отношения Маний.

– Не сейчас, у нас же бой!

– Мне плевать на бой. Я люблю Корнелию, а у вас с ней что, любовь? Или это такие родственные объятия?

В этот момент мимо них проходил Авл со свитой и, увидев Туллия, громко произнес:

– Давай, Туллий Флавий, выиграй состязание! Я в тебя верю, – и прошел дальше.

– Туллий Флавий? – Вытаращился Маний.

– Пьяный бред...

– Ну, конечно, – задумался Маний. – Ты появился у нас почти два года назад, тогда же, когда не стало императора Тита...

– О чем ты говоришь? Откуда ты знаешь, давно ли умер император?! Ты бредишь.

– Знаешь, когда сын префекта говорит такие вещи, надо бы прислушиваться.

– Да вы будете сегодня драться или нет?! – завелась толпа.

– Да пошел ты, старый облезший осел! – ответил Маний самому рьяному зрителю.

– Деритесь уже, матроны! – закричал кто-то из толпы.

– Это кого ты назвал матроной? – возмутился Маний. – Ты самая опытная простибула!

Толпа рассмеялась, а Туллий пошел в атаку и нанес пер-

вый удар, который получился не сильным, но точечным и угодил в щеку.

– Значит, Корнелия тебе не сестра, да? – спросил Маний и сам же ответил: – Ну, конечно, это действительно все объясняет.

– Я не люблю Корнелию, – ответил Туллий. – Я люблю ту рабыню, и ты прекрасно об этом знаешь.

– Тогда отдай мне ее.

– Забирай, кто держит? Просто она тебя не любит, и как ты тут заставишь?

– Заставлю, это моя проблема! Я сегодня выиграю пари.

– Ну, хорошо, выигрывай! – и Флавий специально ударил мимо.

Маний же в ответ попал в нос, и Туллий, запрокинув голову, упал.

– Ты живой? – Склонился над Туллием Маний.

– Ты мой должник.

Но Маний лишь ухмыльнулся.

– Итак, победитель известен! – завопил глашатай так, что кое-кто аж дернулся. – Это Маний Чемпион!

– Наконец-то правильно произнесли мое имя, – обрадовался тот.

– Тебе полагается венок и двести пятьдесят денариев.

– Венок себе оставь, старый идиот, а монеты давай. – Маний вырвал мешочек денариев из его рук и приблизился к Корнелии.

– Не такой уж я и старый, – обиделся глашатай.

Луций, подбежав, помог встать Туллию. Сюда же подошли и Клитус с супругой.

– Ну, ничего, в следующем году выиграешь! – попытался поддержать Флавия Клитус.

– Поживем – увидим. – Улыбнулся Туллий, вытирая кровь с носа.

– Идемте к столам, там как раз еду выложили. Сейчас и наедемся вдоволь.

– А где дочка наша? – поинтересовалась Цецилия.

Все стали оглядываться по сторонам, пока не увидели Корнелию, рыдающую в объятьях Мания.

– Странно, – удивился Клитус, – это ж надо, как девочка переживала за Мания и сейчас так радуется его победе. А я-то думал, она будет переживать за брата.

– Корнелия, дочка, пошли обедать! – позвала ее мать.

Они отвернулись, а за их спинами Корнелия пыталась вырваться из объятий Мания, а тот ее не отпускал. Она пустила в ход кулаки, но он ее быстро скрутил, тем не менее девица успела укусить его за ухо.

– Настоящая любовь! – обратил внимание Туллия Луций.

– И не говори, они просто созданы друг для друга.

Все четверо, вдоволь наевшись, отправились по своим шатрам. Корнелия присоединилась к ним лишь спустя время. Была злая и взъерошенная. Косо поглядывая на Туллия, она хотела было что-то сказать, но передумала.

– Ну что же, – прервал тишину Клитус, – пора бы домой собираться, а то уже стемнело.

– Что? Нет! – возмутилась Корнелия. – Мы с Туллием остаемся в этом шатре на ночь. Праздник же заканчивается только с рассветом.

– Ты что, с ума сошла? – вмешалась Цецилия. – Это ночь оргий, разврата и бесчестия. Порядочные люди, а тем более христиане, конечно же, не останутся здесь.

– Ага, а почитать христианам Нептуна, значит, можно?!

– Как тебе не стыдно такое говорить? Мы обязаны присутствовать, нас тут все знают. Если не придем, то нас просто выживут отсюда, а у нас же тут вся жизнь, хозяйство.

– А Туллий с нами отправится домой?

– Конечно, он же не будет участвовать в этих оргиях, верно, Туллий? – обратилась Цецилия к нему.

Флавий только хотел было ответить, как к ним заглянул Авл.

– Я, конечно, извиняюсь за вторжение, но я должен украсть у вас Туллия.

– Надолго? – поинтересовался Клитус.

– Не волнуйтесь, утром он вернется.

– Нет, при всем уважении, но ему еще мало лет, и никуда мы его не отпустим.

– Шестнадцать лет – это уже взрослый человек. Тем более не волнуйтесь, никаких оргий не будет. Прибывает сенатор из Рима, и нам предстоит долгая и нудная беседа. Это его

приказ. Приказ власти.

Клитус с Цецилией подозрительно переглянулись и устремили свой взор на Флавию.

– Впрочем, решать Туллию! – заявил Клитус.

– Увидимся утром! – объявил Флавий и выбежал за Авлом.

В сопровождении двух стражников они направились через форум, полный людей.

– Хорошая же у тебя лжесемья, Флавий! – заговорил Авл по дороге.

– Не называй меня Флавием, или ты специально везде об этом заявляешь?

– Нет, зачем мне это?!

– Ты ведь на весь форум объявил, когда я боролся.

– То просто эмоции, переживал за тебя, хотел, чтобы ты победил. Кстати, мне жаль, что ты проиграл финал.

– Куда мы идем?

– Да мы уже пришли, – и он указал на свой зеленый шатер, который был раза в три больше шатра Клитуса.

– А где же Гней Сервий? – Туллий заглянул внутрь, но сенатора там не было.

– Он сейчас с префектом на торжественном ужине. Вы встретитесь с ним на рассвете, после окончания праздника.

– Почему же ты не с ними?

– Смеешься? Я от этих нудных разговоров ни о чем просто засыпаю. Гораздо веселее будет этой ночью здесь. Проходи,

не стесняйся.

Внутри стояли две софы, стол с угощениями и вином. Авл снял тогу и тунику, полностью оголившись, лег на софу и начал есть виноград, запивая вином.

– Мне надо тоже раздеться? – поинтересовался Туллий.

– Дело твое.

Туллий скинул на пол набедренную повязку и тоже лег на софу. Сын магистрата хлопнул в ладоши, и сюда зашли шесть голых рабынь, среди которых была и Опойя. Флавий даже привстал от неожиданности.

– Девушки! – Расплылся в улыбке Авл. – Красавицы мои! Вам сегодня безумно повезло, потому что двое молодых и обворожительных римских патрициев²³ будут любить всех вас всю ночь.

Туллий сглотнул.

– На что вы готовы ради нас? – продолжил сын префекта.

– На все, господин! – смиренно произнесли рабыни в один голос.

– Очень хорошо, просто замечательно. Садитесь перед нами, не бойтесь.

Рабыни с идеальными пропорциональными фигурами и формами выглядели безумно сексуально, так что у Флавия тут же пересохло во рту, и он залпом выпил полный кубок

²³ Патриций – в Древнем Риме – лицо, принадлежавшее к исконным римским родам, составлявшим правящий класс и державшим в своих руках общественные земли.

вина. Он не сводил глаз со своей любимицы, изучая каждый участок ее тела.

– Закусывай, Туллий! – произнес Авл. – А то ты так долго не протянешь, – и он расхохотался.

Флавий сразу же съел гроздь винограда и несколько фиников.

– Хотя, – задумался сын префекта, – любовные игры и вино часто являются неотъемлемой частью сексуальных игр.

Авл встал, налил вино в шесть кубков и раздал их девушкам. Те жадно смаковали вино, облизывая губы. Он начал целовать одну, затем другую, глядя тело третьей. Туллий слез с софы и подполз к своей рабыне. Опойя не была напугана, наоборот, готовая ко всему, видимо, для нее было все не впервой. Он встал перед ней, и она посмотрела ему в глаза, стоя на коленях. Две другие рабыни обняли ноги Флавия и начали их лизать, покусывать и целовать.

– Пусть Опойя уйдет! – объявил Туллий.

– Кто? – не понял Авл.

– Моя рабыня, пусть уйдет. Я не хочу ее пока.

– Ну уж нет, моя игра, и мои правила. Или ты их выполняешь, или уходишь.

– Она моя...

– Ты мне еще не заплатил, так что, увы, она все еще моя собственность. Сейчас мои рабыни лизут твои ноги... Сейчас все, что мое, и твое, а все, что твое, и мое.

Туллий выпил еще несколько кубков вина. Две рабыни

гладили тело Флавия, медленно вставая и целуя торс, а он же руками мял их грудь и облизывал. Опойя поднялась и впилась в его губы. Туллий, не выдержав, повалил ее на пол и овладел ею, две другие рабыни помогали им, целуя их и друг друга. Потом они поменялись рабынями с Авлом. Наслаждаясь сразу тремя сексуальными девушками, сын префекта успевал гладить ягодицы четвертой рабыни, периодически целуя ее губы. Туллий опьянел так, что лишь наблюдал, как уже его рабыней спокойно овладевает сын префекта, а остальные девушки целовали и лизали друг другу тела. Флавий попытался присоединиться к ним, не зная, с какой начать, пока окончательно не упал и не уснул.

Туллий открыл глаза. Солнце ярко светило через щели в ветках прямо в лицо. Голова болела. Он осмотрелся, почувствовал что-то тяжелое на своем теле и увидел, как голова рабыни лежит на его прессе, другая спала у ног. Сын префекта разлегся на софе и спал в объятиях рабыни.

– Ох, не надо было мне участвовать в этой оргии... – вслух подумал Флавий.

– Все так говорят после первого раза, – тут же ответил Авл. – Но ты был хорош, как будто ты уже не раз бывал участником таких игр.

– Это впервые... я имею в виду оргию...

– Да я понял. Хотя это очень странно...

– Почему странно?

– Во дворце императора такие оргии – это обычные каж-

додневные явления. А ты ведь юноша безумной красоты.

– Нет, при Тите не было ни одной.

– Серьезно? А я слышал совсем другое.

– Что ты слышал?

– Какие извращения осуществлял лично император Тит.

– Это неправда, – разозлился Туллий. – Я тому свидетель, не было оргий, были празднества, но только с танцовщицами и пениями.

– Может, ты просто уходил до начала основного действия, – и он рассмеялся.

– Ничего смешного.

– Я серьезно, ты был тогда ребенком, кто же тебя оставит на такие игрища?!

Туллий затих, обдумывая данное предположение.

– Ох, малыш, – весело заговорил сын префекта, – ты до сего дня был лишен всех прелестей римской развратной жизни. Если мы подружимся, то ты многое еще увидишь, узнаешь и почувствуешь. Ну а если ты станешь императором, то сделаешь меня главным советником по оргиям, – и он вновь расхохотался.

В этот момент в шатер ворвался Гней Сервий.

– Что за?.. Плутон вас покарай! Пошли прочь! – произнес он в гневе рабыням. Те поспешно выполнили приказ. – Авл, – обратился сенатор, – пока моя дочь, твоя супруга, в Риме, ты тут развратный образ жизни ведешь?!

– Ох, Гней, Гней, – рассмеялся он, – я просто проспал и

не успел скрыть улики этого страшного события.

– Ты человек безнравственный, Авл! Ну а ты, Туллий Флавий, лежишь тут голый, словно достиг всех своих целей и пришло время пировать?! Надеюсь, сексуально ты удовлетворился надолго.

– Сенатор... – начал было говорить Туллий.

– Не надо лишних слов и оправданий. Я слишком много, наверное, хочу от шестнадцатилетнего юнца и переростка-зятя, у которого в голове только любовные утехы. А хотел всего лишь от вас ответственности и серьезности.

– Дорогой тесть, – уже серьезно заговорил Авл, – у меня ощущение, что ты никогда не участвовал в оргиях и не живешь в Риме, в самом развратном городе в мире. У тебя самого есть множество любовниц, которые с радостью заменяют тебе супругу.

– Да как ты смеешь меня в чем-то упрекать?!

– Имею на это право, ведь я сын префекта, и это мой город! – Он поднялся и встал лицом к лицу с сенатором. – Никто не смеет меня отчитывать как какого-то ребенка.

Сервий с силой оттолкнул от себя Авла, и тот упал обратно на софу.

– Знай свое место, щенок! – разошелся сенатор. – Ты забываешься! У нас очень важная миссия...

– Не у нас, а у тебя. Я не собираюсь рисковать своей головой ради римских интриг. – Вновь встал сын префекта.

– Зачем ты развратил Туллия? Зачем позвал сюда?

– Да никто его не развращал, он и сам рад стараться. Мне действительно очень хотелось узнать, врет он насчет Флавия или нет.

– И что, узнал?

– Так как он защищал Тита, скорее всего, не врет.

– И тем не менее ты с отцом решил отстраниться от нашей цели?!

– Да, риск слишком велик и не оправдан. И тебе советую не ввязываться в это дело. Ведь если ты попадешься, дорогой тесть, то и наши с отцом головы тут же полетят, также как и твоей дочери – моей супруги. Домициан уже начал напоминать Нерона. То ли еще будет.

– Ну что же, дабы оградить от дальнейших проблем, я больше не буду посвящать тебя в свои планы. И Туллий, – он посмотрел на Флавия, – отныне никому ничего рассказывать об этом не будет, без исключения. Ты понял меня?

– Да.

– Вот и отлично. А теперь одевайся, пойдем прогуляемся.

Они вышли на улицу и залезли в паланкин. Рабы подняли жерди и понесли их.

– В августовские иды жду тебя на моей вилле на Квиринале в Риме. – Сенатор дал пергамент с адресом Туллию. – Когда будешь идти по улицам, то накрой голову на всякий случай. Есть еще люди во дворце, которые прекрасно помнят твою внешность, и порой они тщательно всматриваются в прохожих, когда выходят в свет.

– На вилле соберутся люди?

– Не просто люди, а патриции! В том числе и те, кто сможет тебя опознать. Сразу предупреждаю: если окажется, что ты самозванец, ты будешь убит на месте. Поэтому хорошо подумай, прежде чем приезжать ко мне в гости.

– Мне нечего бояться.

– Тогда хорошо. Если все окажется правдой, то тебе стоит позаботиться о своей приемной семье. Здесь им будет небезопасно находиться, так что пусть ищут себе новое пристанище вдали от италийских земель.

– Они не уедут, здесь вся их жизнь.

– Значит, они погибнут. Мы начнем такую войну с Домицианом, при которой тот, кто проиграет, лишится всего, и не только своей головы. И поверь мне: эта война будет очень кровавой, жестокой и не быстрой.

– Так кто именно придет к нам на встречу?

– Я похож на глупца, который выдаст сейчас имена?

– Нет.

– Тогда не задавай таких вопросов. На этом все, я здесь больше не появлюсь, так что увидимся в Риме, – и громко заявил: – Рабы, опустите паланкин.

Туллий вышел и стал наблюдать за тем, как сенаторский паланкин с четырьмя рабами все больше и больше отдаляется. После чего подошел к фонтану, умыл лицо, попил воды и сел рядом. В знойный день приятно было освежиться. Ничего не хотелось делать, голова все еще побаливала, и чувство

жажды не проходило. Домой тоже не хотелось идти, так как видеть упрекающие взоры приемных родителей ему не хотелось, равно как и оправдываться перед Корнелией за проигранный финал. Что же делать? И Флавий решил вернуться к Авлу. А тот все еще лежал на софе в своем зеленом шатре.

– А-а-а, божественный Туллий вернулся, – протянул сын префекта.

– Божественный? – переспросил Флавий.

– О да, лицо ребенка, тело юноши, шрамы старого воина, а сексуальность опытного любовника. Кто же твои настоящие родители? Зевс и Гера?

– Я не знаю.

– И не хочешь знать, верно?

– Хочу... возможно... Как бы там ни было, их нет в живых, иначе я бы сразу бросился на их поиски.

– Это и понятно. Кстати, до чего вы договорились с моим тестем?

– Ты помнишь правила, это секрет уже.

– Я имею в виду, когда ты покинешь наш город?

– Через полмесяца. Где-то так.

– Отлично. А почему домой не идешь?

– Нет желания.

– Понимаю. Они явно поймут, чем ты занимался всю ночь, – и он рассмеялся.

– Мне не до смеха.

– Неужели? Кстати говоря, я и сам тебя собирался искать

сегодня.

– Да? Зачем?

– Я тут подумал, а ты не хочешь пожить эту пару недель у меня? Каждую ночь будет море разврата, тебе понравится.

– Я не должен расслабляться так... – ответил он, но глаза его заблестели.

– Да брось, с тобой будет твоя красавица. Все мои рабыни – твои, и сможешь выбирать, как, и с кем, и в каком количестве.

– И сколько это стоить будет? Мое питание и ночлег?

– Обижаешь, друг! Мне ничего от тебя не надо, лишь приятная компания.

– Тогда я пойду домой, соберу вещи и предупрежу... эм... родных.

– Увидимся у меня вечером.

Глава V

Туллий вернулся на ферму. Клитуса не было дома, Цецилия занималась грядками, а Корнелия сидела в своей кубике и плакала. Флавий навестил ее.

– О-о-о... мой брат вернулся, – съязвила она. – Всю ночь я не спала и плакала, в то время как ты веселился и развлекался. Сколько простибул было у тебя?

– Корнелия, прошу тебя...

– О чем ты меня просишь? Просишь простить, как поддался в финале, лишь бы Маний выиграл и получил свой трофей? Или простить, как ты меня обманывал насчет того, чтобы быть твоей императрицей? Я думала, что ты любишь меня, а на деле ты оказался бессердечным, расчетливым и хладнокровным плебеем. Ой, нет, ты же патриций, точь-в-точь как твой дядя император Домициан. Может быть, вы родные братья? Много сходства нахожу.

– Это уже слишком.

– Убирайся из моей кубикеры! Будь проклят тот день, когда я влюбилась в тебя.

Туллий побрел в свою кубикеру собирать вещи, в сундуке лежал свиток с печатью, который он аккуратно уложил в серую тунику и замотал его, туда же положил и кремону. Все вещи упаковал в мешок и вышел на огород к Цецилии.

– Явился наконец, – зло выговорила она. – Проголодался,

видать.

– Вообще-то нет. Когда придет Клитус? Мне нужно с вами серьезно поговорить.

– О чем это? – Замерла она.

– Я все всем сразу расскажу.

– Ближе к вечеру. Придется подождать. Я сейчас обед накрою.

Поел он сам, Корнелия так из своей кубукулы не выходила, а Цецилия была сыта. Лишь с сумерками вернулся Клитус и поспешил в триклиний²⁴. Цецилия подала ему пшеничную кашу с мясом и хлеб, и он жадно смаковал еду. Появился Туллий. Клитус сделал вид, что не видит его.

– У меня есть важный разговор к вам, – начал было Флавий.

– Да неужели?! – проговорил Клитус, все так же не глядя на юношу.

– Я ухожу, покидаю вас, пришло время.

– Что тут скажешь? Удачи.

– В первую очередь я хочу поблагодарить за все то, что вы для меня сделали. Благодаря вам я жив, здоров, и ваша семья стала для меня родной, здесь я чувствую себя как дома. Но сейчас всем вам грозит опасность. Я начинаю борьбу против Домициана, а это угроза вашей жизни. Следовательно, вы должны покинуть ферму.

– Ты так шутишь, да? – Уже посмотрел ему в глаза Кли-

²⁴ Триклиний – пиршественный зал, столовая,

тус. – Нам не будет больше грозить опасность, и никто на нас не нападет. С твоим уходом жизнь наша опять наладится. Ты не христианин, ты ведешь себя как язычник. У тебя психология раба, что прикажут, то и сделаешь, куда позовут, туда и пойдешь. В тебе нет стержня, духовного стержня. Этот христианский стержень был в императоре Тите. Я имел честь лично познакомиться с этим великим человеком. Мы с Цецилией были приглашены во дворец к императору, где он, будучи повелителем мира, отнесся к нам как к равным. Он настолько расположил к себе, что я ему признался даже в христианстве.

– И что же Тит?

– Представляешь, императору, который является главным язычником империи, Верховным понтификом, и такое сказать?! И знаешь, что он мне ответил? Он сказал: «Я тоже внутри христианин!» – Клитус сделал паузу, что-то обдумывая. – Я уверен, если бы Тит правил дольше, чем два года, христианство стало бы основной религией империи... Но, видимо, Бог решил иначе... Не время еще... И когда мне выпал шанс помочь приемному сыну Тита, который попал в беду, я, ни капли не раздумывая, сделал это...

– Клитус, расскажи, что тогда произошло. Ты обещал все подробно рассказать, но так и не сделал этого. До сих пор для меня остается загадкой, как ты узнал, что я сын Тита, как ты оказался в нужном месте и снес голову тому лысому преторианцу?

– Но... – игнорируя вопросы Туллия, Клитус продолжил, – я ошибся в тебе, потому что считал, что ты такой же, как и Тит. Но нет, ты больше похож на своего дядю, так ненавистного тебе. А теперь ты просто решил уйти неизвестно куда после ночи разврата, да еще так просто говоришь о том, что нам пора уезжать отсюда?

– В тебе говорят эмоции и злость, я понимаю, но ради вашего же блага вы должны...

– Должны? Ради нашего же блага забирай свои вещи и проваливай отсюда.

В триклинии появилась Корнелия.

– Что? Что происходит? Отец? Почему ты прогоняешь Туллия? – Опять разрыдалась она. – Я не позволю тебе это сделать!

Но в этот момент в дверь постучали. Клитус встал и открыл двери. На пороге появился Маний.

– Можно войти, господин? – вежливо спросил он.

– Да, конечно, проходи.

– Я прошу прощения, что отвлекаю вас, но я безумно влюблен в вашу дочь и очень прошу разрешить с ней встретиться.

– Что? – поразилась Цецилия.

– Маний, ты выбрал не то время для этой просьбы, – сразу ответил Клитус.

– Да что же это такое?! – закричала во все горло Корнелия. Все замерли и уставились на нее. – Сколько можно уже

говорить?! Я тебя не люблю Маний и не хочу с тобой встречаться.

– Дай мне шанс, и я все сделаю, чтобы ты меня полюбила, – начал умолять Маний.

– Я не люблю тебя, потому что люблю другого! Туллий – любовь всей моей жизни, – и она взяла Флавия за руку. – И это еще не все, я беременна от него.

Клитус и Цецилия обомлели.

– Этого не может быть! – Туллий выдернул свою руку.

– Почему же, разве каждую ночь мы не занимались любовью все это время в твоей кубикule, на твоей кровати?

Цецилия схватилась за голову и упала в обморок.

– Воды, воды быстро! – закричал Клитус.

Корнелия бросилась к амфоре с водой, а Флавий устался на Мания, который резко ударил его в лицо.

Открыл глаза Туллий, лежа на своей кровати. За окном была ночь, но уже появлялись первые признаки рассвета. Из триклинии раздавались крики ссоры. Четко слышны были голоса Клитуса и его семьи. Голос Мания не звучал, видимо, ушел домой. Флавий встал с кровати, чуть шатаясь, голова болела, взял свои вещи и вылез через окно на улицу. Добрел через поле к одноэтажному складу и прилег на сено внутри. Мысли были лишь об одном: поскорее дойти до виллы Авла и там укрыться от всех проблем. Послышался топот копыт, приближающихся к дому. Туллий привстал и увидел око-

ло пятнадцати всадников, похожих не на вигилов²⁵, а на милес²⁶. Один из них, видимо, центурион²⁷, ловко спрыгнул с коня и постучал в дверь, тогда как другие стали окружать домус со всех сторон, оголяя гладиусы²⁸.

– Именем императора откройте! – прокричал центурион.

У Туллия тут же пересохло в горле. Сердце усиленно забилось. Заболели старые раны, шрамы.

– Да, я вас слушаю? – Открыл дверь Клитус.

– Поступили сведения, что здесь укрывается беглый политический преступник по имени Туллий Флавий.

– Это какая-то ошибка, центурион. Здесь только моя дочь Корнелия и сын Туллий. Видимо, просто произошла путаница с именами. Он никак не может являться Флавием.

– Не волнуйтесь, мы должны все проверить. Где он?

– Спит в своей кубикуле.

– Мы можем войти?

– Конечно, проходите.

И трое милес исчезли внутри домуса.

«Что же делать, что же делать?! – крутилось в голове Тул-

²⁵ Вигилы – выполняли роль правоохранителей и пожарных дружин.

²⁶ Милесы – одно из названий солдат.

²⁷ Центурион – в римской армии – командир центурии; центурионы высшего ранга командовали также более крупными подразделениями (манипула, когорта, вексилляция).

²⁸ Гладиус, или гладий, – римский короткий меч (до 60 сантиметров). Предположительно был позаимствован римлянами у древних жителей Пиренейского полуострова.

лия, но ни одной мысли не приходило. В это время еще и каррука подъехала, откуда выпрыгнуло тридцать милес. – Я должен им помочь... Нет, тогда они убьют меня. А вдруг не найдут и уедут? Да, это логично».

Но из домуса выволокли Клитуса, Цецилию и Корнелию.

– Итак, мое терпение на исходе. Где ваш сын Туллий? – грозно спросил центурион, доставая гладиус из ножен. – Прошу вас, скажите. У меня очень мало времени и очень серьезное задание, не стоит подставлять меня и рисковать моей головой! Я пойду на все, лишь бы исполнить приказ.

– Я тебе сказал: он был в своей кубикуне... – ответил Клитус.

– А потом просто испарился? Верно я говорю? И все же куда он делся?

– Я не знаю.

– Отец не ведает, где его сын? Действительно, с чего бы ему знать об этом?!

– Он у нас гуляющий, любитель лупанариев и оргий, – вмешалась Цецилия.

– Гуляющий сын – это горе в семье, верно? – рассмеялся центурион. – Итак, я в последний раз спрашиваю по-хорошему: где Туллий?

– Мы не знаем, – вновь ответил Клитус.

– А если я отрублю этой красавице голову, тогда вы вспомните, где ваш сын сейчас? – Центурион направил гладиус на Корнелию.

– Нет, прошу, не надо, – взмолился отец.

– Я скажу, где он может быть, – заявила Корнелия.

Родители замерли.

– И где же? Говори, о лунолика, – ласково спросил центурион.

– На вилле сына префекта Авла либо у друзей Луция и Мания.

– Дочь, что ты такое говоришь? – поразился Клитус. – Ты же беременна от Туллия – и предаешь его?

– Так-так-так. В семье не без уroda! Или вы и не семья вовсе. – Центурион резким движением воткнул в живот Клитуса гладиус и так же резко выдернул.

– Не-е-е-е-ет! – закричали в один голос жена и дочь и бросились к упавшему на землю Клитусу.

– Простите меня, я не уберег вас, – выдавил из себя глава семьи.

Туллий дернулся было бежать спасать, но рухнул на пол и зарыдал.

Центурион спокойно спрятал гладиус в ножны, вытащил кинжал и ударил им в затылок Цецилии. Та схватилась за рану и упала, корчась в конвульсиях. Корнелия кинулась к матери, рыдая и крича:

– Не-е-е-е-ет... мама... папа... Не-е-е-е-ет... о боги...

– Общайте здесь все. – Центурион спрятал кинжал, перед этим протерев его туникой скончавшегося Клитуса. – Устройте засаду, если вдруг он вернется. Остальные, разде-

лимся, надо проверить все места в Таренте.

– Что будем делать с девицей? – поинтересовался милес.

– Придержим пока. Если она беременна от этого подкидыша, то он придет ее спасать.

– Куда отправить ее?

– Ты знаешь куда, у нашего лазутчика она будет в полной безопасности. – Он вскочил на коня и ускакал.

За ним последовали и остальные всадники. Пешие же милесы разбрелись. Большая часть вернулась в карруку вместе с Корнелией, трое зашли в домус, а четверо остались на улице.

– Будем проверять тот склад? – спросил один милес у другого.

– А ты думаешь, там сидит этот императорский отпрыск и ждет, пока мы подойдем, чтобы отомстить за любимую? Или прячется, любуясь, как мы убиваем его приемную семью и мучаем беременную подругу?

– Да кто их знает, этих детей правителей?! Как по мне, все они волки в овечьей шкуре.

– Тут-то ты прав.

Оба милеса отправились к складу, но не заходили внутрь, а остались снаружи.

– А что мы с ним должны сделать, если найдем?

– Доставить живым к императору.

– Я что-то не понял, он сын императора?

– Ну, раз он Туллий Флавий, значит, сын. Логично же!

- Второй сын?
- Да, первому же уже лет десять, наверное.
- У Домициана один сын, а не два, это я точно знаю.
- Да какая разница?
- Большая, может, это сын прошлого императора, Тита?
- Может быть. Может, поэтому он и скрывается?!
- Да, претендент на трон.
- Ненужный претендент.
- Точно. Умный ты.
- Пф-ф-ф, еще бы.
- Так что, зайдем внутрь?

За открытой дверью прятался Туллий, держа в руке серебряный кинжал, готовый пустить его в дело, как только здесь окажутся милесы.

- Что-то неохота мне. – Почесал затылок милес. – А тебе?
- Боишься?
- Нет, конечно. Но что-то там странное.
- Что?
- Как чувство тревоги.
- Опасности?
- Да.
- А-а-а... а от кого?
- Да всякое может быть, мы же не знаем, кого они там держать могут.
- Как в прошлый раз, когда за тобой петух гонялся? – и он рассмеялся.

– Он меня чуть с ног не сбил.

– Как волк опасный?

– Кстати, а вдруг там волки?..

– Волки в человеческом обличье?

– Да не, волки настоящие, большие такие и уродливые.

– А-а-а-а, да, извращенцы эти фермеры, причем все.

– Ну а я о чем?!

– Эй, вы двое! – закричал милесам другой милес, находящийся у тел Клитуса и Цецилии. – Вы проверили склад?

– Да! – завопили они.

– Тогда чего вы там застряли? Идите помогите трупы спрятать.

– Уже идем. – Они еще раз оглядели строение и ушли.

Туллий вздохнул и опустил кинжал. Он дождался, пока милесы, все обыскав, не расслабились и не занялись делом, выбежал из склада и что есть мочи через поля помчался в Тарент.

Куда идти, он не знал, так как милесы будут обыскивать в первую очередь жилье друзей и виллу Авла. «Да и доверять на данный момент я не могу никому, – думал Флавий. – Как оказалось, даже Корнелии. Но кто-то же узнал обо мне на ферме и натравил туда врагов?!» Разные мысли и предположения сменялись одни другими, и чем дальше, тем более запутанным все становилось.

На улице Туллий нашел старую лацерну²⁹ в дырках, наки-

²⁹ Лацерна – продолговатый и открытый спереди плащ до колен.

нул ее поверх туники и, покрыв голову, направился к Луцию. С соседней улицы он долго наблюдал за жильем, однако там ничего не происходило. Лишь спустя время туда пришли милесы, осмотрели все внутри и снаружи и удалились. Луций вышел на улицу и смотрел им вслед, после чего плюнул в их сторону. Согнувшись, прикидываясь стариком, Флавий подошел к Луцию с вытянутой рукой.

– Уйди от меня, попрошайка, – с отвращением произнес Луций. Но друг ему открылся. – О боги, Туллий!

– Мне нужна твоя помощь, если это возможно.

– Конечно, конечно, идем ко мне.

Они прошли в кубикулу Луция, да так, чтобы даже мать их не заметила.

– Благодарю, друг! – хриплым голосом произнес Флавий.

– Да, разумеется, Туллий. Ты бы тоже помог мне, если бы я в этом нуждался.

– Чего хотели эти милесы?

– Тебя искали, сказали, что за сведения о тебе дадут сто денариев. А если приведем тебя, то все пятьсот.

– Ого, цены растут.

– Что ты сделал такого?

– Они убили Клитуса и Цецилию.

– Твоих родителей? О боги.

– Они мне не родители. Точнее, приемные. Я ведь Туллий Флавий, сын покойного императора Тита Флавия.

– Извини, я далек от политики, я даже не знаю, кто у нас

сейчас император. Не смотри на меня так. Да, такие, как я, существуют.

– Маний знает обо мне, более того, он узнал, что Корнелия беременна от меня, и напал на меня. У него личное ко мне, и это он натравил милес.

– Нет, нет, нет, исключено. – Замотал головой Луций. – Кто угодно, но только не он. Маний, несмотря на его импульсивность, порядочный человек. Я его знаю с самого детства. Я знаю, какой он на самом деле.

– Пока что он главный подозреваемый.

– Мы сейчас же пойдем к нему, и ты сам во всем убедишься.

– Да ты что?! Я еще жить хочу! Он же сразу сдаст меня.

– Готов поспорить?

– Луций, у меня сейчас нет настроения спорить.

– Тогда доверься мне, и идем к Манию.

Туллий опять покрыл голову, и они вместе с другом вскоре оказались возле инсулы Мания. Луций вошел внутрь и постучал в дверь. Ее открыл отец Мания.

– Чего тебе?

– Маний дома?

– Эй, ты, тебя твой друг зовет, – обратился он сурово к сыну.

Появилось красное лицо Мания.

– Луций, у меня сейчас нет настроения на...

Туллий скинул лацерну.

– Ты?! – Скривился Маний. – Ты худшее, что могло со мной произойти.

– Ты меня сдал милесам! – высказался Флавий.

– Что? – поразился тот.

– Вы можете не здесь выяснять отношения? – вмешался Луций, оглядываясь по сторонам.

– Ты прав. Идемте лучше в сад за инсулой.

Обогнув каменное строение, они оказались в саду с фонтаном и растущими розами.

– Милесы были у меня недавно, – зашипел Маний. – Предлагали...

– Я знаю, сто или пятьсот денариев, – перебил Туллий. – Скажи что-то новое.

– А то, что я сейчас реально набью тебе морду и сдам милесам. Хоть что-то полезное сделаю для нашей империи.

– Они убили родителей, а Корнелию увели в плен.

– Что? – Выкатил глаза Маний. – Что ты такое говоришь?

– Когда ты меня ударил на ферме, что было дальше?

– Клитус меня выставил за дверь, а тебя отнес в кубикунду. Это все, что знаю. После чего я отправился домой. Опустошенный и подавленный известием о беременности твоей якобы сестры, которую ты и обрюхатил.

– Благодарю за удар!

– На этом все не кончится, поверь. Я буду еще долго бить тебя.

– Благодарю за удар, ведь он спас мою жизнь, честно.

– И почему я всегда и все узнаю последним?! – Пожал плечами Луций.

– Значит, Корнелия не у тебя? – спросил Туллий у Мания.

– А с чего ей быть у меня? – задал встречный вопрос друг.

– Ее увели в жилище того, кто сдал меня.

– И ты подумал, что это я?!

– У тебя есть мотив.

– Я тебя точно сейчас сдам им, и не живого, а мертвого.

– Может, она сейчас в твоей кубикULE сидит?!

– Иди проверяй, но если ее там нет, я тебя изобью до полусмерти, идет?

– Тогда это мог сделать либо сенатор, который разочаровался в своем решении поддержать меня, либо префект или его сын. Хотя зачем тогда звать жить к себе?! Если Авл хотел предать, мог бы легко это сделать у себя на вилле! Но, может быть, сам префект решил действовать по своему усмотрению. Либо тот, о котором я не знаю.

– Помнишь, наш с тобой финальный бой? Авл выкрикнул твое полное имя – Туллий Флавий. Тогда многие были свидетелями и могли воспользоваться этим.

– Как вариант. Но мне надо теперь переговорить с Авлом, опять пробравшись на его виллу.

– Это напоминает уже ритуал, с тайным проникновением на его виллу. – Опять пожал плечами Луций.

– Я сам иду, а вы ждите известий.

– Ну уж нет, – возразил Маний. – Моя любовь похищена,

и я не буду сидеть сложа руки.

– Я тоже пойду, – заявил Луций. – Мне просто очень интересно.

– Друзья, – произнес Туллий, – сказать, что это опасно, это ничего не сказать. Это не игры, эти милесы убили уже двоих и спокойно убьют еще сотню, если понадобится, или только нас.

– Тогда становится еще интереснее. – Засияли глаза Луция.

– Ладно... – сдался Флавий. – Действуем очень осторожно. Но надо дождаться сумерек, иначе нас легко обнаружат. В путь.

Ночью возле виллы Авла все казалось уже знакомым и обычным. Все, как и в прошлые разы, тихо и спокойно. Никаких милес здесь и в помине не было. Туллий опять задумал взобраться на забор.

– На этот раз я полезу, – предложил Маний. – Если тебя схватят, то пиши пропало, а если меня, то пожурят и отпустят. Мы не можем тобой рисковать и не должны дать повод радоваться нашим врагам.

– Давайте я это сделаю, – произнес Луций. – Хоть чем-то же я должен быть полезен. Да и потом, если меня схватят, вы же сразу придете на помощь, верно?! Вы же сильнее меня будете.

– Обязательно, нам уже деваться некуда, – твердо заявил Туллий.

– Что мне нужно там найти?

– Любое присутствие милес или Корнелии или даже намек на это.

– Тогда я пошел.

Луций залез по плющу на забор и залег, наблюдая за двором. Он ждал довольно долго, прежде чем развернуться к друзьям и замахать руками, указывая пальцами внутрь виллы. Как вдруг он завалился на бок и исчез за забором. Туллий и Маний переглянулись.

– Это что такое было? – поинтересовался Маний.

– Или шутит, или его схватила стража.

– Что будем делать?

– Деваться некуда, идем за ним, уж с Авлом я смогу договориться.

Они залезли на забор и спрыгнули в сад. Он был пуст: ни стражи, ни рабов.

– Идем внутрь, – сказал Туллий и вынул кинжал.

Маний также достал свое оружие. Флавий в этот раз направился к правому крылу, тем самым сократив путь к табличину, возле которого он в прошлый раз подслушал разговор сенатора и префекта с сыном. В этот же раз там сидел Авл, спокойно беседуя с перепуганным Луцием.

– А-а-а, мой дорогой Туллий пришел с друзьями, – обрадовался сын префекта. – Правда, помнится мне, что я приглашал только тебя пожить у меня, а не твоих товарищей.

– Где она? – строго спросил Туллий.

– Кто? Моя супруга? Она не любит Тарент, считает его отсталой провинцией и безвылазно сидит на своей вилле в Риме. Ой, или ты имел в виду Опойю? Если принес восемьсот денариев, то можешь забирать ее.

– Я о Корнелии.

– А кто это?

– Неужели сын префекта города не в курсе, что толпа милес бродит по городу и творит что хочет, убивает почетного гражданина Клитуса и его супругу, похищает их дочь и пытается найти Туллия Флавия?

– Знаешь, что самое смешное в этой истории? – Авл встал с бисселия³⁰. – Я ведь сказал этим идиотам, что ты сам ко мне придешь ночью, они легко возьмут тебя, и никто не пострадает. Но нет же, ты не пришел с закатом, и они решили действовать. А сейчас, когда ты все же явился сюда сам, так они опять опозорились и устроили ловушки где угодно, только не здесь. Мне придется тебя брать лично. Ну, то есть, условно говоря, самому, у меня тут дюжина стражников.

– Значит, Корнелия здесь, – выдохнул Маний.

– Я тебе больше скажу: ее осмотрел эскулап и не выявил признаков беременности. А это значит, что она больше нам не нужна.

– Вы ее убили?

– Что ты, что ты, мы же не варвары. У меня даже есть к тебе деловое предложение.

³⁰ Бисселий – кресло.

– Это какое же?

– Ты забираешь Корнелию, своего друга Луция и уходишь, а мы с Туллем спокойно садимся на софу, пьем вино, развлекаемся и ждем, когда придет этот тупой центурион, чтобы забрать Флавию в Рим, где ему самое место. По-моему, это честное и справедливое предложение, а главное, никто не пострадает и не прольется ничья кровь.

– Я тебе не верю.

– А зря, я просто не хочу убивать детей, таких, как вы. Поэтому у вас два выхода: первый – забрать Корнелию и убраться отсюда, а второй – умереть за Туллия. Впрочем, решать вам.

– Где она?

– В соседней кубикуле справа.

– Все хорошо, Маний, – обратился к нему Флавий. – Забирай ее и Луция, и уходите. Дальше я уж как-нибудь сам справлюсь. Это моя война.

– Стража поможет вам найти выход, – ласково произнес Авл.

Туллий посмотрел в коридор, где уже собралась вся охрана виллы.

– Идите уже! – крикнул Флавий, и Маний с Луцием покинули кубикулу.

– Садись, друг. – Авл указал рукой на бисселий Туллию. – Может, ты спрячешь свой кинжал, а то как-то он меня раздражает.

– Боишься?! – и Флавий сел.

– Нет, хотя признаю: судя по твоим шрамам и кулачным боям, ты можешь за себя постоять.

– Зачем, зачем вся эта комедийная пьеса? Зачем нужна была та оргия, приглашение жить, меня предавать?

– Все ради семьи, – спокойно ответил тот. – Ради отца и его должности, ради нашего рода и моей будущей блестящей карьеры. Сенатор доживает последние дни, не сегодня, так завтра его заговор раскроют, и тогда нам всем конец. Я лично доставлю тебя к императору, получу обещанное золото за тебя и отправлюсь в гости к сенатору, угощу его отличным сицилийским вином, после которого ему будет уже не до заговоров. Мое имя будет в безопасности, равно как и мой род. И это стоит того, чтобы вами пожертвовать, даже несмотря на то что ты мне очень нравишься. Может, по дороге в Рим, пока ты будешь связан, я смогу изнасиловать тебя, и не раз, – и он подмигнул.

Туллий только хотел было накинуться на Авла с кинжалом, как послышались крики со двора, в том числе и женский. В кубикулу вбежали двое стражников.

– Присмотрите за ним! – крикнул Авл. – И заберите уже у него кинжал, – и выбежал в коридор.

– Отдай оружие, малыш, а то поранишься случайно. – Стражник протянул руку и расхохотался.

Туллий полоснул по ней кинжалом, а другого сбил с ног плечом и побежал за Авлом. Догнал он его в саду, где от-

крылась необычная картина. Маний держал кинжал у горла тещи Авла, а Луций за руку – Корнелию. Восемь стражников направили в сторону юношей мечи и не знали, что делать дальше. Полная матрона рыдала и тряслась от страха.

– Я же говорила, я же говорила тебе, Авл, – дрожащим голосом еле произнесла Оливия, – что они хотят моей смерти, эти плебеи.

– Да твоей смерти хочет даже твой супруг, – вырвалось у сына префекта. – Если бы ты знала, как я мечтал так держать кинжал у твоего горла с самого первого момента, как только ты переступила порог моей виллы, старая тупая курица. И вот теперь меня опередили.

– Отпусти Туллия немедленно, иначе ей конец, – убедительно выговорил Маний.

– Я здесь! – гордо объявил Флавий.

– Ну вот, ни на кого нельзя положиться. Даже с детьми моя стража не может справиться, – расстроился Авл. – Придется все делать самому. – Затем обратился к стражникам: – Дайте мне два меча. Туллия хватайте живым, а остальных я убью лично.

– Не подходи! – закричал Маний. – Я убью ее.

– Будь добр, сделай мне одолжение, избавься ты уже от этой жирной коровы.

Но в этот самый момент двери во двор виллы отлетели вместе с петлями в сторону. Здесь появился здоровый мужчина в шлеме гладиатора и металлических наплечниках. В

руках у него был топор и меч. На него тут же набросились пять стражников, и он молниеносно нанес пять ударов топором и мечом, и все они упали замертво. На других пятирх гладиаторов уже набросился сам. Их ждала та же участь. Ловко уклоняясь от атаки, он наносил с первого же удара смертельные раны. Авл замер как вкопанный, когда незнакомец в шлеме устремил на него свой взор.

– Я сдаюсь. – Сын префекта бросил оба меча на землю.

– А я не беру пленных, – произнес знакомый голос за шлемом, – мороки много.

На улице послышался топот милес и ржание лошадей.

– Кажется, вы окружены, – рассмеялся Авл. – Главное не победить в бою, а выиграть войну.

Гладиатор развернулся и пошел к выходу, когда сын префекта нагнулся, чтобы подобрать оружие, но Туллий опередил его и, схватив меч, отсек резким ударом кисть. Авл схватился за рану и истерически закричал. Флавий ударил его ногой в живот, и тот упал с лестницы вниз в темницу. Сам же поспешил за гладиатором. Маний отпустил матрону и также пошел на помощь вместе с Луцием. На улице оказалось десять всадников и пятнадцать милес. Во главе их был все тот же центурион.

– Именем императора сдавайтесь. Бросайте оружие, и мы вас пощадим.

Гладиатор лишь покрутил в руке топор.

– Убить их, – приказал центурион.

Милесы бросились в атаку, но получили стрелы прямо в лицо.

– Всадники, вперед, – скомандовал центурион. Но вновь полетело пять стрел, и они попадали с лошадей. – Это засада, в укрытие! – закричал он.

– Долго же до тебя доходило насчет засады, центурион! – сказал гладиатор и бросил что есть силы топор в него.

Центурион вместе с оружием слетел с лошади, кувыркаясь по мощеной дороге. Снова стрелы поразили остальных всадников, а неизвестный воин в шлеме пошел в одиночку на последних милес, по дороге выдернув из тела центуриона свой топор.

– По-моему, ему не нужна наша помощь, – предположил Маний.

– Мне тоже так кажется, – согласился Туллий и вернулся на виллу.

Вместе с Луцием они спустились по лестнице в темницу, где содержались рабы, и увидели в углу окровавленного Авла, который ремнем перевязал руку, тем самым остановив кровь.

– Ах, юнцы, – прохрипел сын префекта. – Моя доброта погубила меня. Я вам дал шанс уйти, а вы мне устроили ловушку.

Туллий огляделся, все рабы в клетках просто сидели, уставившись на своего хозяина, лишь один стоял.

– Ты ординарий³¹? – поинтересовался Туллий у стоявшего раба.

– Да.

– Найди ключи от клеток, – попросил у Луция Флавий.

– Уже бегу.

– Есть тут раб, над которым больше всего ваш бывший господин Авл издевался? – спросил Флавий у ординария.

– Есть. – Поднялся другой раб. – Меня он чаще всех остальных бил, пытал, насиловал.

– Я тебя и всех остальных освобожу, если сделаешь то, что скажу.

– Приказывай, господин.

– Я тебе отдам Авла, а ты с ним сделаешь все то, что он делал с тобой.

– Это достойная награда, господин.

– Ты не посмеешь, – расхохотался сын префекта. – Вы не посмеете ко мне прикоснуться. Мой отец – главный в этом городе, и он все узнает очень скоро. Вас всех распнут на крестах. У вас еще есть шанс спастись. Отпустите меня, и я смогу уговорить отца помиловать всех.

В темнице появился с сочащимися порезами гладиатор и бросил к ногам Авла человеческую голову, тот аж содрогнулся вначале, а затем зарыдал.

– Голова твоего отца уже здесь, перед тобой, и внимательно все слушает, – объявил гладиатор и снял шлем. Это был

³¹ Ординарий – главный раб по дому.

Меланкомос.

– Кто ты такой, раб? – рыдая, спросил Авл.

– Я не раб, а смерть твоя, я меч справедливости, я брат Клитуса, которого твой центурион казнил сегодня просто так, как и его супругу. За что? За золото, обещанное этим животным, которое сейчас именуется Цезарем? Какие же все жалкие, префекты и сыновья префектов. За брата я отмщу всем вам.

Луций прибежал с ключом от клетки. Они открыли замки, и рабы оказались на воле. К Авлу подошел раб и поднял его за некогда белую тогу. Сын префекта был в ужасе.

– Только у меня просьба к тебе, – обратился к этому рабу Туллий. – После всех развлечений с ним убей его. Он не должен выжить.

– Конечно, господин. Все будет сделано.

Флавий поднялся в сад. Там, кроме Меланкомоса, стояло еще пятеро лучников. Оливия лежала под фруктовым деревом. Рядом с ней, не оправившаяся от шока, Корнелия, которую гладил по голове Маний. Туллий взял за руку толстую матрону, поднял ее и отвел в кубикулу, дал воды и уложил на софу.

– Все позади, госпожа, Авл мертв и больше тебя не потревожит. Мы разоблачили его заговор. Я друг твоего мужа, и теперь ты в безопасности.

– Наверняка здесь скоро появятся вигилы. – Заглянул Меланкомос. – Я не убиваю просто так людей, так что во избе-

жание неприятностей нам надо уходить.

– Хорошо, сейчас я освобожу остальных рабынь.

Туллий открыл клетки в темнице и выпустил рабынь. Среди них была вся в синяках и Опойя.

– О боги, кто это тебя так? Авл?!

– Ничего страшного, господин. Я хорошо есть чувствовать себя.

– Если Авл еще жив, то ты лично ему отомстишь.

Вместе с ней он отправился туда, где мучали сына префекта, но когда оказались в темнице, ни одного раба там уже не было, лишь две головы вместе – префекта Клавдия и его сына Авла.

Рабы разбрелись по улицам, а друзья направились к инсулам, где находилось жилье Меланкомоса. Одиннадцать человек еле-еле поместились в нем. Грек быстро достал лепешки и раздал их каждому по две, поливая медом. Лишь потом осмотрел свои раны и перевязал их.

– Это было очень здорово, – прервал молчание Маний. – Ты, наверное, непобедимый гладиатор. Не ведающий страха, да?

– Ешь давай молча, – сурово ответил тот.

– А как твое имя? – поинтересовался Луций.

– Тебе зачем знать?

– Хочется знать имя героя, ведь ты спас всех нас.

– Меланкомос, – пробубнил грек.

– Серьезно? Меланкомос? – поразился Маний. – Это

ты тот непобедимый чемпион? Это ты Молния амфитеатра Флавиев?

– В народе меня просто называют Молния Колизея!

– Непобедимый борец, олимпийский чемпион и гладиатор. Ни одного поражения, никогда. О боги, да я сижу за столом с величайшим героем не только Греции, но и Рима. Это, наверное, сон.

– Я сказал: хватит болтать, и ешь.

– А это правда, что ты был любимым гладиатором императора Тита Флавия?

– Я ненавижу насилие. Но я за справедливость. Справедливым был и император Тит. Все, больше никаких вопросов, иначе вас всех придется убить.

Маний и Луций рассмеялись. Туллий же внимательно следил за Меланкомосом.

– Чего тебе? – Уставился грек на Флавия.

Но Туллий отвел взгляд.

– Итак, – произнес гладиатор, – мы живы, а убийцы наказаны, это уже хорошо. Свою племянницу я не смогу взять к себе, потому что мне надо вернуться в Рим. Но я знаю, что тут есть влюбленный в нее, который страстно хочет жениться.

– Хочу, – и Маний покраснел.

– Я, как ближайший родственник, отдаю ее тебе в жены.

– Благодарю, господин.

– Надеюсь, твои родители не будут против и не выставят

вас обоих на улицу?!

– Не должны.

– Тогда можешь назвать им мое имя и сказать, что я делаю с теми, кто меня злит.

– Я думаю, до этого не дойдет, – поперхнулся Маний.

– Скажи им, что в случае чего я к ним лично приду с топором и мечом и начну бить и пытаться...

– Я все понял.

– ...А потом ты будешь держать их, пока я начну постепенно вонзаться...

У Мания округлились глаза и открылся рот.

– Да шучу я. – Скривился Меланкомос, выдавливая улыбку. – Не трону я их.

Маний расхохотался, а вместе с ним Луций и Туллий. Корнелия тоже их поддержала. Это был долгий нервный смех, который должен был всех расслабить.

– Никому ни слова о том, что сегодня произошло. Всем ясно? Мы нарушили закон, и это нехорошо, – прервал их грек.

Все кивнули в знак согласия.

– Корнелия, – обратился он к ней, – я поздно пришел на вашу ферму. Когда я обнаружил трупы твоих родителей, те, кто там остался из милес, горько пожалели о содеянном. Завтра мы должны будем похоронить наших родных.

– Я с вами, – заявил Туллий.

– И мы, – в унисон произнесли Маний и Луций.

– Хорошо, – фыркнул Меланкомос. – После я отправился к моим друзьям, стрелкам, – и он им кивнул, – попросил их о помощи, так как врагов было много. Затем я навестил префекта. Он был в курсе плана своего сына, так что мы поспешили к вилле, где вы уже всюю рисковали своими жизнями.

– Мы не могли иначе, – ответил Флавий.

– Юные и безрассудные, как и я раньше.

– И сейчас ты такой же, – восхитился Маний.

– Меланкомос, – вмешался один из лучников, – тут хорошо, но нам надо идти. Если в будущем понадобится наша помощь, только скажи. Мы всегда рады побить римлян.

– Слова истинных греков. – Он обнял каждого и попрощался.

– Вам тоже пора. – Указал он на Мания и Корнелию.

Те молча встали и ушли вместе с Луцием. Туллий решил их догнать на лестнице.

– Маний, Луций, – обратился он, – сегодня вы меня поразили. Вместо того чтобы уйти, вы рисковали жизнью ради меня. Я этого не забуду никогда. Вы настоящие друзья.

– Ты бы сделал то же самое. – Улыбнулся Луций.

– Какие дальнейшие планы? – поинтересовался Маний.

– Еду в Рим. Есть неоконченные дела, много дел.

– А потом?

– А потом не знаю.

– Если что, мы в деле. Заезжай за нами, и мы готовы будем повоевать. – Подмигнул Маний.

– Чем дальше, тем интереснее. – Улыбнулся Луций.

– А с Корнелией ты справишься? – спросил Флавий у Мания.

– Ну, несмотря на то, что она обманщица, скандалистка и та еще стерва, я все еще ее люблю.

Корнелия опустила голову, стараясь не встречаться взглядом с Туллием.

– Ну, тогда удачи, друзья. Еще увидимся, если на то будет воля богов.

– Да, брат, увидимся, и очень скоро. Завтра, на похоронах. Так что рано прощаться начал.

Флавий обнял друзей и вернулся в кубикулу, где на софе уже сопела Опойя.

– Мы вместе едем в Рим? – поинтересовался Туллий у Меланкомоса.

– С чего ты взял?

– Потому что сдается мне, что это не Клитус меня спас в Риме от преторианцев, а ты! Я надеюсь узнать вскоре всю правду, как ты меня нашел и почему.

– Я не люблю вопросы, а тем более не люблю на них отвечать.

– Ты считаешь меня виновником гибели Клитуса и Цецилии? Что ж, это действительно так, я спрятался как трус на складе и ничего не сделал, чтобы их спасти. Я недостойн имени своего отца. Он бы не струсил... никогда... и мне это известно. Я не оправдал и твоих надежд тоже.

– Забудь, все это в прошлом. Ты должен жить будущим и из этих событий вынести главный урок. Если такое повторится, ты уже не будешь, как трус, прятаться, а выйдешь и дашь бой, даже если он неравный.

– Ты сможешь мне с этим, сможешь стать настоящим мужчиной, бойцом, воином?

– А ты этого достоин?

– Я хочу быть достойным.

– Тогда помогу.

– Вот это восхитительно! У меня встреча с сенатором в Риме в следующем месяце.

– Заговоры, заговоры, кругом одни заговоры, да?

– Как-то так, да. Где Флавии, там и заговоры.

– Ну что же, ложись спать, утром похороним моего брата и Цецилию. А потом... потом вместе отправимся в твой любимый Рим.

Глава VI

Рим. Календы³² августа. С раннего утра форум был перекрыт преторианцами со всех сторон. Никто из граждан не мог не только войти на Большой Форум – центр жизни Вечного города, но даже приблизиться к нему. Личное войско императора пропускало лишь паланкины сенаторов, которые направлялись в Курию Юлия на заседание римского сената. На это собрание представителей знатных семейств должны съехаться все 600 сенаторов, облаченных в пурпурные тоги и, как всегда, с надменным видом.

Гней Юний Сервий прибыл одним из последних и, выйдя из паланкина, поприветствовал других сенаторов.

– Хорошо выглядишь, Гней! – высказался пожилой толстый сенатор.

– Какая сладкая ложь, мы ведь стареем. Я уж точно.

– Я думал, тебя сегодня не будет, – вмешался другой, худой и высокий.

– Как я могу пропустить заседание сената, которое возглавит сам лично наш божественный император? Это ведь

³² Календы – в древнеримском лунно-солнечном календаре название первого дня каждого месяца. Календы совпадают с новолунием. Календы, а также ноны и иды, служили для отсчета дней внутри месяца: от этих трех определенных для каждого месяца моментов дни отсчитывались назад (например, шестой день перед мартовскими календами и т. п.).

редкое явление.

– Слышал, ты постоянно в разъездах, – опять заговорил толстый сенатор. – Тарент стал твоим новым домом?

– Я римлянин, настоящий, чистокровный. Для меня один дом – это Рим.

– Слава богам, слова настоящего римского патриота.

– Так и есть.

– Я слышал, что произошло в Таренте с твоими родственниками. Прими мои искренние соболезнования. Какой ужас, в каком страшном мире мы живем. Префект Клавдий и его сын Авл, твой зять, были обезглавлены на собственной вилле... и вся стража перебита...

– Благодарю за сочувствие.

– Кто это сделал?

– Нелюди, варвары, животные, и все ради наживы.

– Там же находилась и твоя супруга... и дочь?

– Супруга не пострадала, варвары не тронули ее, потому что не нашли. Ее скоро доставят в столицу. А дочь все это время находится здесь, так как не хочет рожать дитя вне Рима, она же беременна.

– О боги, вы великодушны.

– Да. Мои самые близкие люди не пострадали.

– Я так рад за тебя, мой дорогой друг.

На Священной дороге³³ слышались громкие крики:

– Дорогу императору!

³³ Via Sacra.

– О, вот и наш божественный едет! – радостно возгласил худой сенатор.

– О боги, а мы еще на улице. Поскорее идемте внутрь, вы же знаете, как император не любит, когда кто-то заходит после него, – заволновался толстый сенатор.

– Успеется, – спокойно произнес Гней Сервий. – Дайте полюбоваться столь прекрасным видом.

– Каким видом?

– Как каким? Посмотрите на форум, он тих, пуст и безжизненен. Раньше, когда прибывали к курии императоры, форум был открыт, и все желающие даже могли подходить и лицезреть своих правителей. Как же это все теперь знаменательно, четко показывает, что сейчас происходит с нашей империей, – и он задумался.

– А что происходит с нашей империей? – поинтересовался худой сенатор.

– Мы постепенно идем к... величию и славе, – съязвил Гней. – И мне нравится этот путь. Форум без плебеев гораздо лучше выглядит... да и пахнет тоже.

Трое сенаторов рассмеялись и вошли внутрь курии. Когда все расселись по своим местам, глашатай торжественно объявил:

– Уважаемые сенаторы, давайте поприветствуем божественного императора нашего Цезаря Домициана Флавия Августа!

Сенаторы поднялись и стали аплодировать высокому, ху-

дому, сутулому императору, входящему в зал вместе с консулом Квинтом Петиллием Цериалом, вооруженной толпой преторианцев и ликторов³⁴, которые разбрелись в разные углы. Лишь четверо ликторов, вместе с префектом преторианцев Корнелием Фуском, сопроводили Домициана к кафедре, символизирующей трон, на которую он и сел. За ним стояли штандарты императора. По бокам находились кафедры поменьше для консулов.

Самый влиятельный человек мира выглядел бледным. Возможно, мраморно-белое лицо Цезаря выделялось на фоне его золотистой тоги, плаща и лаврового венка на голове. Лишь легкий румянец на щеках немного делал вид Домициана живым, но этот вид был мрачный и угрюмый. Суровый взгляд пристально осмотрел находящихся здесь сенаторов, после чего император холодно произнес:

– Садитесь, отцы-сенаторы!

Все расселись в ожидании. Молчание затянулось. Один из них решил заговорить:

– Добро пожаловать, о божественнейший, что посетил нас...

– Тихо! – выкрикнул Домициан. – Никого мы не посещали. Мы пришли к себе домой. Ведь Курия Юлия – наш дом родной, как и форум, как и дворец, как Рим, как и вся им-

³⁴ Ликтор – особый вид госслужащих. Первоначально ликторы были исполнителями распоряжений магистратов. Впоследствии осуществляли только парадные и охранные функции при них, заключающиеся в сопровождении высших магистратов и наблюдении, чтобы тем оказывали надлежащие почести.

перия. Так что не надо здесь пресмыкаться. Мы терпеть не можем лесть, потому что чаще всего она исходит от лживых и подлых людей, сенатор. Император Нерон любил лесть, и до чего его она довела? Он был великим человеком, последний из рода Юлиев, великого рода! И как к нему отнесся сенат? Превозносил, боготворил, льстил до того, как объявил врагом Рима и приказал казнить. За что?

– Нерон сжег Рим, казнил без суда и следствия тысячи патрициев, всадников, сенаторов. Твоя мать, Домицилла, повелитель, пала жертвой его прихоти, – не выдержал один из сенаторов, встал и объявил. – Он до сих пор и навсегда будет врагом Рима! – и снова сел.

– Наконец-то, – строго произнес император, – произошло то, чего мы и добивались: искусственная лесть сменилась истинным вызывающим тоном.

– Я лишь ответил на вопрос...

– Мы это поняли, сенатор. Видите ли, вы все лицемеры. И не стоит обижаться на наши слова. Мы тоже лицемеры. Вся политика – это сплошное лицемерие, ложь и обман. Будем с вами откровенны: нам противно смотреть на ваши лица. Последний месяц мы спокойно не могли спать, потому что необходимо было с вами встретиться в этом театре лжи и обмана. Мы через силу заставили себя сегодня приехать. Накануне мы выпили много вина, чтобы хоть как-то справиться со своими мыслями и отвращением к сенату. Наши отец и брат зачем-то с вами заигрывали, играли в непонят-

ные нам игры, делали вид, что сенат что-то решает или влияет на управление империей. Они создали, по сути, республиканскую модель управления Римом, где постоянно с вами советовались. Но мы ведь не республика, мы империя, а в империи лишь один человек – царь, лишь один человек – бог, лишь один человек – сенат, и это император. Полномочия сената считаем отныне устаревшими. Вы ведь знаете, как мы любим Веспасиана и Тита. Больше, чем кто-либо из вас. Мы строим храм в честь них, мы их официально обожествили, теперь они будут богами в храме Флавиев, и каждый из вас вскоре сможет пойти в этот храм и помолиться им, попросить о помощи и заступничестве. В честь Тита мы, Цезарь Домициан Флавий Август, в прошлом году соорудили триумфальную арку, как напоминание о его великом подвиге против иудеев, уничтожении Иерусалима и падении храма Соломонова. Мы их действительно боготворим, но при этом мы не согласны с их политикой. Отныне прекращается политика непотизма, никаких больше родственников или фаворитов на важных должностях. С сегодняшнего дня лишь профессионализм, универсальность, лояльность и преданность будут ставиться во главу угла при выборе кандидата. Как вы помните, опустошительный пожар при нашем брате уничтожил больше четверти Рима и остатки Золотого дворца Нерона. Поэтому мы приступили к строительству нового дворца, дворца Флавиев, это будет великое, грандиозное сооружение, достойное великого императорского рода

Флавиев. Наша мечта постепенно осуществляется: мы пере-страиваем Рим, который вскоре будет выглядеть так, как и подобает самому великому городу в мире, без всяких хаотичных застроек. А пока идет строительство, мы редко будем бывать в Риме и недолго, нашей временной императорской резиденцией станут Цирцеи³⁵. Личной аудиенции не ждите от нас в будущем, все важные вопросы для окончательного решения будут передаваться императорскому совету, сформированному из эквитов³⁶. Конечно же, нам нужны ауреи и денарии, причем в очень большом количестве, не для нас лично, нет, а для нашей столицы. Поэтому сегодня вы провозгласите нас цензором пожизненно, отныне мы сами будем контролировать все налоги, оценивать имущество граждан и тщательно следить за этим голосованием. Если хоть один сенатор проголосует против... мы сильно расстроимся, а когда мы расстраиваемся, то становимся злыми, а злость – это порок, который ведет к непредсказуемым поступкам... О боги, мы столько философии перечитали в юношестве, пока наши отец и брат правили, что сами уже говорим как недофилософ. Ох уж эти философы... как мы их ненавидим... – и он

³⁵ Circei – античный город в Италии. Располагался на Цирцейском мысе в Лации, первоначально был римской колонией с латинским правом. Город был основан, по преданию, еще в царский период. Благодаря живописному местоположению окрестности города были застроены богатыми виллами, но из-за удаленности от главных путей сообщения Цирцеи не имели политического значения.

³⁶ Эквиты (всадники) – военная кавалерия, а затем одно из привилегированных сословий в Древнем Риме.

замер.

– Кто за то, чтобы наделить полномочиями цензора императора Домициана, прошу голосовать! – объявил консул Квинт Цериал, разряжая тихую обстановку. Все сенаторы без исключения подняли руки вверх. – Единогласно! – и повернулся к Цезарю. – Наш божественный повелитель, ты отныне цензор.

– Наш божественный? Надо бы этот титул окончательно утвердить за нами официально, очень красиво звучит... очень... хотя нет, лучше бог богов Домициан! Так лучше, нам кажется.

– Как прикажет наш повелитель.

– В следующий раз, когда мы сюда приедем, – и Домициан поднялся с кафедры, – поставьте здесь трон, а не это жалкое подобие. Хотя ранее мы постоянно представляли своего отца тут, в сенате, и так устали уже от вас, что в следующий раз появимся здесь ой как не скоро.

Сенаторы поднялись.

– Да, и еще одно, пока не забыли, – обратился император к префекту преторианцев Фуску. – Проверь, кто сегодня не явился на заседание сената, и неважно, по какой причине, мы его лишим senatorского звания, арестуем, а имущество конфискуем. Это касается и всех последующих заседаний, даже когда нас не будет.

– Да, владыка!

Домициан быстро и сутулясь покинул здание сената в

сопровождении преторианцев, развеивая своим золотистым плащом. Сенаторы выдохнули и стали обсуждать произошедшее.

– Сенаторы, не расходитесь! – объявил Фуск. – Мы должны сверить список с присутствующими.

– Похоже, прогульчиков отныне не будет. – Улыбнулся Сервий, обращаясь к коллегам.

– Это не смешно, Гней! – ответил ему сенатор.

Один из преторианцев подбежал к Корнелию Фуску и шепнул что-то на ухо.

– Сенатор Гней Юний Сервий! – закричал префект преторианцев.

– Присутствует!

– Это хорошо, но тебя зовет император.

Сенаторы начали переглядываться между собой и перешептываться. Гней вместе с подошедшим сюда преторианцем направился на выход и по ступеням спустился на форум. На улице находилось несколько сотен всадников, пеших преторианцев и десять плотно закрытых паланкинов.

– Ну и в каком из паланкинов наш повелитель? – спросил Сервий у преторианца.

– Я должен прежде обыскать тебя!

– У меня нет с собой оружия, я же шел на встречу к императору в сенат. Зачем мне кинжал, от кого защищаться?

Но преторианец не послушал и полностью обыскал сенатора, после чего кивнул, и другой преторианец указал на

седьмой по счету паланкин. Когда Гней Сервий подошел к нему, ему открыли занавес и внутри сидящий Домициан указал рукой сесть напротив него. Сенатор кивнул и молча выполнил приказ.

– Ты звал меня, повелитель? – начал Гней.

Император приблизил к нему свое лицо довольно близко и начал практически буравить его взглядом. Сервий внимательно смотрел в глаза Цезаря, не отводя взгляда.

– Да, звали, Гней! – ответил Домициан и отпрянул назад. – Мы тобой очень разочарованы.

– Повелитель?

– Мы получили письмо от твоего зятя Авла о том, что ты поручил ему схватить и доставить Туллия Флавия к нам во дворец. Вместо этого мы узнаем, что Авл мертв, а Туллий сбежал опять, во второй раз. Почему ты лично не пришел и не сказал нам об этом, почему Авл послал письмо? Не проще было бы не слать послание, а просто доставить Туллия к нам, как своего рода сюрприз? Почему Авл посмел просить у нас много золота? Что это за игры такие?

– Повелитель, я хотел как лучше... – стал выкручиваться Сервий. – Чтобы ты был в курсе всех событий. Но Авла поразила жадность, и он, вопреки мне, захотел заработать на этом. Я прошу прощения за это письмо, владыка.

– Нам не нужны извинения, Гней! Нам нужен Туллий! Ты хоть понимаешь, какая он угроза для нашего трона? Мы не успели его схватить, ведь он исчез до того, как Тит скончал-

ся. Это наш брат его отослал назло нам. Мы послали вдогонку бывших преторианцев убить его, но этому ничтожеству кто-то помог. А теперь эти кто-то, сторонники Тита, могут использовать его как марионетку для борьбы с нами. И им абсолютно неважно, что в Туллии нет крови рода Флавиев, но его усыновил наш брат, и этого для них достаточно, чтобы посадить его на трон.

– Я клянусь всеми богами Рима, мой император, что я все сделаю, дабы найти его и доставить живым или мертвым.

– Живым!

– Если получится...

– Ладно, в любом состоянии он должен быть доставлен до нашего отъезда из Рима.

– А когда ты покидаешь нас, повелитель?

– Месяц, мы даем тебе месяц, Гней. В календы сентября мы уедем, а ты, если не выполнишь наш приказ, будешь пировать вместе с Авлом у Плутона в загробном царстве. Ты нас понял?

– Четко и ясно, владыка.

– Свободен.

– Да, император.

Сервий вылез из паланкина и только собрался уходить, как голова Домициана высунулась из паланкина.

– Гней!

Сервий развернулся, уставившись на императора.

– Мы строгие, но справедливые, если выполнишь при-

каз... успеешь... мы тебя приблизим и начнем доверять! А это дорогого стоит, – и голова исчезла.

Гней вернулся в Курию Юлия. Там уже вовсю шла ругань сенаторов с префектом преторианцев. У Фуска был такой мощный и громкий голос, что он всегда всех перекрикивал, но только не сегодня.

– Ты же слышал, Корнелий, это же полная узурпация власти, – чуть ли не плача, говорил один из старейших сенаторов.

– Да, практически сегодня сенат распустился! – кричал другой.

– Мы уже начинаем существовать для красоты, – заводил всех третий.

– Мы сенаторы, по сути, без сената... Мы ничего не решаем... Мы ничем не управляем... Мы уязвимы и беззащитны... Пусть император сразу снесет эту Курию, а нас казнит...

– Успокойтесь! – голосил Фуск. – Не надо сгущать краски. Наш император просил вас сегодня голосовать за его цензорство. Если он решил распустить сенат, зачем ему было ваше голосование?! Он и так мог себя объявить цензором пожизненно, без вашего участия.

– А как же его фраза, что полномочия сената считаются устаревшими?

– Почему вы мне все высказываетесь? – возмутился префект. – Император был здесь, надо было ему говорить о

ваших недовольствах. Может быть, он прислушался бы к вам...

– Мы тебе говорим, потому что ты правая рука императора, Корнелий! – вмешался уже Гней Сервий. – Как раньше ты был правой рукой императора Тита, когда служил его перфектом преторианцев и яро защищал на открытии амфитеатра Флавиев от людей, которые просто хотели его видеть и общаться с ним.

– Это были обычные попрошайки, решившие поймать момент и получить пару денариев по доброте Цезаря Тита. И я не был его правой рукой, Гней. Его окружали совсем другие люди и давали советы тоже они. Кто, как не ты, знает об этом?

– Ты имеешь в виду Лициния Муциана и Иосифа Флавия? Так Лициний скончался от лихорадки через месяц после смерти Августа Тита, а Иосиф после того послания, которое практически убило нашего императора, отбыл на свою родину в Палестину и вряд ли вернется в Рим в ближайшее время. Но они не были правой рукой Тита. Или ты имеешь в виду меня? Так я уж тем более не влиял на него.

– Какое это вообще отношение имеет к сенату?! – вновь закричала часть сенаторов. – У нас тут стоит вопрос выживания.

– Все, довольно! – сдался Фуск. – Вас много, а я один... и не желаю более слушать несправедливые упреки в свой адрес, будто я что-то решаю. Преторианцы сверят список при-

сутствующих, а я умываю руки, – и он с красным от злости лицом покинул сенат.

Избавившись от префекта, радостные сенаторы тут же напали с криками на преторианцев. Правда, последние были готовы к этому и на провокации не велись, а молча сверяли список.

– Зачем тебя вызывал император? – спросил толстый сенатор, подходя к Гнею. С ним шел и худой.

– Выразил соболезнование по поводу гибели моих родственников.

– Какой все же внимательный и чувствительный наш император, да хранят его боги, – взмолился худой.

Но Сервий больше не желал оставаться внутри этого шумного места и, попрощавшись с коллегами, тут же покинул сенат.

Императорский паланкин вместе со свитой прибыл на Капитолийский холм. Там вовсю шло строительство нового храма в честь Юпитера Капитолийского, разрушенного во время опустошительного пожара 80 года. Встречал Цезаря главный авгур со жрецами и весталками. Когда Домициан вылез из паланкина, встречавшие поклонились, и перед ними выстроились преторианцы.

– О Великий понтифик, Цезарь Домициан, это честь для нас – встречать тебя! – все еще кланяясь, заявил авгур.

Преторианцы расступились, давая проход императору. В

этот самый момент к храму прискакал всадник и, остановившись, уверенно спрыгнул с лошади.

– Повелитель! – Кивнул Корнелий Фуск. – Я спешил как мог...

– Мы же тебе четко дали указание насчет списков сенаторов... – холодно выговорил Домициан.

– Конечно, повелитель, но это делают мои помощники. Я же просто не мог оставить тебя одного, пока ты совершаешь объезд строений. Твоя безопасность лежит на мне.

Цезарь Флавий перевел свой взгляд на весталок, стоящих с опущенными вниз глазами, и оценивающе осмотрел их, после чего зло поглядел на авгура.

– Как идут дела с храмом?

– Владыка, как ты видишь, стены готовы. Новый храм уже превосходит предшественников великолепием, он выше и изящнее прежнего. В Рим недавно доставили колонны из пентелийского³⁷ мрамора. Главные двери, как ты и приказывал, будут обшиты золотом. Крыша покроется черепицей из позолоченной бронзы.

– Учти: мы потратили двенадцать тысяч талантов на позолоту одного только этого храма. Когда он будет готов, мы

³⁷ Пенделикон – гора в Греции высотой 1 107 метров над уровнем моря. Начиная с античных времен гора была известна во всей Элладе своим мрамором. Он использовался древними архитекторами для строительства Афинского Акрополя и стадиона Панатинаикос. Пентелийский мрамор отличается своим безупречно равномерным белым цветом с едва заметным желтоватым оттенком. Под солнечными лучами можно заметить его золотистый отблеск.

тщательно проверим, все ли золото ушло по назначению, и если не дай боги мы чего-то не досчитаемся, ты ответишь за это головой.

– Мой повелитель, я честный римлянин, и видят боги: я никогда ничего чужого не брал и не возьму, а тем более то, что принадлежит Юпитеру...

– Это мы еще проверим. А теперь веди нас внутрь, мы должны видеть, на каком этапе находится строительство.

Вся свита оказалась внутри. Там пространство Капитолийского храма было разделено на три помещения, каждое из которых посвящено отдельному божеству. Центральное помещение было отдано для поклонения Юпитеру – богу неба, дневного света, грозы, отцу всех богов, верховному божеству римлян, соответствует греческому богу Зевсу. Здесь уже была установлена терракотовая статуя Юпитера, сидящего на троне и держащего в руках скипетр. Справа от главного прохода находилось святилище Юноны – богини брака и рождения, семьи, материнства, женщин и женской детородной силы, а слева – Минервы³⁸ – богини мудрости. Каждый из трех богов имел свой алтарь. Авгур все это показал императору, но по тому не ясно было, доволен он этим или

³⁸ Минерва – древнеримская богиня мудрости и войны, покровительница ремесленников, писателей, актеров, поэтов, художников, учителей, учащихся и врачей. Входила в триаду наиболее важных богов Древнего Рима вместе со своим отцом Юпитером и его женой Юноной. Ее культ имеет этрусское происхождение и ведет историю от местной богини Менрвы, которая, в свою очередь, взяла многое от древнегреческой Афины.

нет.

В помещении оказался угрюмый пожилой человек, и преторианцы насторожились.

– Все в порядке, – поспешил успокоить всех авгур. – Это наш страж храма Марий. Мы его держим здесь из уважения, так как он охраняет это место уже сорок лет.

Домициан замер и уставился на стража храма. Он молча наблюдал за ним, а затем прищурил глаза.

– Повелитель! – Старик поклонился ему на расстоянии. – Для меня большая радость снова тебя увидеть.

– Пропустите его, – приказал Цезарь преторианцам.

– Можно я поцелую твою руку, господин? – подходя, произнес Марий.

Цезарь, тщательно всматриваясь в незнакомца, протянул ему правую руку, и тот, поцеловав, прижался лбом к ней.

– Я всегда вспоминаю те события...

– Не здесь! – строго прервал его Домициан и вырвал руку. – Мы приглашаем тебя сегодня на ужин в нашем дворце. Ты же придешь?

– Повелитель, это кажется сном... я буду счастлив...

– Приказываю доставить его домой переодеться, а потом ко мне во дворец, – дал указания император своему префекту, после чего вновь уставился на стража храма. – Отныне мы не позволим тебе быть обычным гражданином... Отныне ты будешь иметь все самое лучшее.

Глава VII

Строительство дворца Флавиев шло полным ходом, также как и храма Юпитера. Временная резиденция императора находилась на вилле Августа, что прилегала к Circus Maximus³⁹ на Палатинском холме и частично реконструировалась. По плану Дворец Флавиев – это комплекс зданий и спортивных сооружений, примыкающих к этой вилле Августа. Для возведения столь громадного комплекса некоторые постройки, относящиеся к более ранним периодам и располагавшиеся между двумя вершинами холма Палатин, пришлось засыпать землей, выровняв таким образом участок под застройку. Действительно, как и говорил император, весь Рим перестраивался, особенно центр.

Оказавшись во дворце, Домициан первым делом поинтересовался у Стефана – личного слуги своей супруги, – где она. Это был молодой и крепкий евнух тридцати лет, плотного телосложения и с крупными чертами лица.

– Госпожа Домиция Лонгина сейчас в театре, о божественнейший Цезарь! – ответил Стефан и, встав на колени, ударился лбом о мраморный пол. Так он делал несколько раз, и император с интересом наблюдал за этим. Наконец Стефан поднялся, взялся за голову, и его зашатало. Он оперся

³⁹ Большой цирк (лат. Circus Maximus) – в древнем Риме самый обширный ипподром.

на стену, чтобы не упасть.

– Полегчало? – поинтересовался Домициан.

– Да, повелитель. Я теперь это всегда буду делать.

– Как только она вернется, сразу пошли к нам.

– Да, владыка.

– Где наш сын?

– В опочивальне.

Флавий с Фуском отправились в кубикулу сына императора. Десятилетний ребенок сладко спал в окружении рабынь, стоявших с опахалами. Завидев Цезаря, они поклонились.

– Домициан-младший не просыпался сегодня? – поинтересовался император.

– Нет, повелитель. Он как заснул поздно вечером, так и спит до сих пор.

– Быстро разбудите его.

Рабыни слегка растормошили ребенка, и он открыл глаза, которые были карие, как и у его отца. Домициан сел рядом с сыном и пристально стал разглядывать.

– Как себя чувствуешь, малыш?

– Спать хочу.

– Что-то болит или плохо себя чувствуешь?

– Я устал.

– Фуск, – обратился к нему император, – зови эскулапов.

– Да, повелитель.

Домициан погладил по голове сына и шлепнул пальцем по носу. Ребенок заулыбался.

– Не болей, Домициан-младший, ты наследник великой империи, а это значит, что ты должен быть крепким, здоровым и сильным. Ты с нами согласен?

Сын опять заулыбался. Рабыни продолжали махать опахалами.

– Да перестаньте вы уже махать ими! – завопил император. – Может, ребенку холодно из-за этого и он не может выздороветь?!

Они бросили опахала и отошли подальше. Сын напрягся, и в глазах появился испуг.

– И где его булла⁴⁰? Куда вы ее дели? – не успокаивался Цезарь.

– Он сорвал ее с себя, господин.

– Быстро наденьте, вы что, разве не знаете, какая это мощная защита?

Рабыни быстро исполнили приказ.

– Не бойся, сын, – насколько мог мягко произнес он. – Отец не хотел пугать тебя.

В кубикуну вошли сразу три эскулапа и принялись обследовать дитя. Домициан все это время находился рядом, лишь изредка подпирая рукой свой подбородок.

– Повелитель! – заговорил лекарь. – У него начинается жар. Мы дали отвар из растений, но нам надо еще приготовить микстуру. Скоро ему полегчает.

⁴⁰ Булла – название, обозначавшее в Древнем Риме определенный род амулета, обязательный атрибут мальчиков, родившихся в семье полноправных граждан.

– Это серьезно?

– Нет, что ты, Цезарь. Сейчас многие болеют.

– Нам безразличны многие, нас интересует, опасно ли это для нашего сына или нет.

– Нет, император.

– Тогда хорошо. Вы все трое останетесь здесь до полного выздоровления сына. Дворец не покидать.

– Как прикажешь.

– Обо всех изменениях его состояния докладывать нам лично. – Домициан снял с себя золотой венец и швырнул со всей силой об стенку, после чего удалился.

Эскулапы дернулись.

Домициан с префектом только приблизились к тронному залу, как личный советник императора по делам прошений Эпафродит, чем-то похожий на Нерона – такой же рыжий и толстый, лет сорока, – чуть было не столкнулся с ними.

– Ой, прошу прощения, Цез... – начал было он.

– Слепой, что ли? – перебил его император.

– Послы ждут аудиенции уже больше часа...

– Нет, нет, нет... никого не хотим видеть.

– Но это же плановый прием!

– Лучше скажи управляющему дворца Парфению, чтобы приготовил нам кальдарий⁴¹ и прислал рабов.

– Да, повелитель.

⁴¹ Кальдарий, кальдариум – одно из основных помещений римских терм, зал с горячей водой.

– И еще на ужин пригласи всех Флавиев и близких друзей. У нас сегодня семейное собрание будет.

В полном пара тепидарии⁴² тогу, а затем и тунику сняла с Домициана вестипалка⁴³ и, опустившись вниз, развязала ему сандалии. Он их снял и после разогрева отправился в кальдарий, где зашел в бассейн, ныряя и задерживая дыхание под водой с каждым разом все дольше. Бальнеатор⁴⁴ заполнил все помещение ароматными маслами, и купаться не только было приятно, но и сладко. Император вышел из воды и отдал себя в руки эпилятора. Спустя время пришли четыре личные рабыни Цезаря и принялись его ублажать, целуя и лаская. Но помешал им Клодиан, корникуларий⁴⁵ императора, низкого роста брюнет, всегда выглядевший молодо, который шепнул на ухо:

– Домиция после театра пошла в гости к актеру Парису и там отдалась ему. Так велели передать фрументарии⁴⁶.

Но Домициан даже не открыл глаза, наслаждаясь блаженством сексуальных игр. Клодиан поклонился и так же тихо

⁴² Тепидарий, тепидариум – теплая сухая комната в классических римских термах, предназначенная для (предварительного) разогрева тела. Тепидарий нагревался до 40—45°С.

⁴³ Вестипалка – рабыня, которая помогала одеваться.

⁴⁴ Балнеатор – раб-банщик, отвечал за мази и благовония.

⁴⁵ Корникуларий – личный секретарь.

⁴⁶ Фрументарии – в Древнем Риме первоначально военнотруженики, занимавшиеся поставками хлеба для армии, а затем уже имперская служба внутренней безопасности.

исчез.

Прошло несколько часов, когда уже Цезарь находился во фригидарии⁴⁷, прежде чем его потревожили опять.

– Повелитель! – послышался голос Стефана. – Августа Домиция Лонгина прибыла во дворец и сейчас в покоях Домициана-младшего.

Лишь после этого Домициан быстро среагировал, отшвырнул в сторону рабынь, накинул на себя новую белоснежную тогу и отправился к сыну.

Ребенок спал. Ни рабы, ни эскулапы не отходили от него. Здесь же находилась и Домиция Лонгина. Эта высокая, под стать своему мужу, двадцатидевятилетняя императрица стояла в белоснежном цвете пеплуме⁴⁸ и в золотистой палле⁴⁹. С вьющейся прической, которую идеально украшала диадема из золота с драгоценными камнями, она была настоящей законодательницей моды среди высшего сословия Рима. Но внешний вид в данный момент ее не интересовал. Она беспокойно смотрела на свое дитя и не знала, чем помочь.

– Разбудите его! – приказала было она.

– Нет, пусть спит! – прервал ее входящий Домициан.

– Почему? – обратилась Домиция к супругу. – Я хочу поговорить со своим ребенком.

⁴⁷ Фригидарий – одно из помещений римских терм, предназначенное для охлаждения.

⁴⁸ Пеплум – широкое платье.

⁴⁹ Палла – длинная материя поверх платья.

– Успеешь! Ему дали лекарство, и нужен покой.

– Утром же было все в порядке.

– Нет, он со вчерашнего вечера болен. А утром, видимо, ты так спешила в театр, что даже не проведала нашего сына.

– Конечно, я, как всегда, во всем виновата!

– Ну а кто? Разве можем мы, божественный император, быть в чем-то виноваты?

– Я не хочу это слышать. – Закатила она глаза. – Хотя бы дома ты можешь говорить о себе в единственном числе?

Домициан лишь криво улыбнулся.

– Я пойду лучше к себе, переоденусь, – предупредила она.

– Не стоит, сейчас к нам пожалуют гости. Так что надо быть красивыми.

– Какие гости?

– Родственники и старый друг.

– Я не хочу оставлять сына.

– Это дворец, любимая. Тут тысячи наших рабов. Он точно не будет один.

Во дворцовом триклинии уже все было готово к пиршеству. Столы из мрамора и слоновой кости стояли, как и положено, буквой «U». В центре стола, вопреки правилам и традициям, да и уставу тоже, уже возлежали Домициан с Домицией, хотя должны были прийти после последнего гостя. Никого еще не было, кроме преторианцев, охранявших зал и суетившихся рабов, которые носили блюда и разные сорта вин, не забывая украшать столы. Всего было в избытке: это и

всевозможная рыба, жареное и вареное мясо, деликатесы в виде икры и языков фазана. Фрукты и сладости в виде орехов в меде и фиников в дынном соку.

– У тебя сегодня так много свободного времени оказалось? – первой прервала молчание Лонгина. – Или ты просто решил отдохнуть?

– Тяжелый день, – холодно произнес он. – Мы были сегодня в сенате, а после их посещения на нас вечно нападает депрессия.

– По-моему, она тебя и не покидает никогда.

– А как твой день прошел, дорогая наша?

– Проведала греческий квартал, там недавно обрушилась инсула и погибли люди. Дети остались сиротами, пришлось помогать чем могла. Дала монеты. Обещала найти им хорошие семьи. После чего посетила театр.

– И какое представление там было?

– В греческом квартале или театре?

– Не смешно, Домиция.

– Я будто на допросе.

– Мы тебя не допрашиваем, а просто интересуемся, как наша законная супруга провела сегодня день. И нам хочется знать все в деталях.

– Что именно тебе интересно знать? Наглядно показать, как играли актеры?

– Да, это было бы увлекательно.

Но в этот момент гигантские двери отворили стражники и

появился номенклатор⁵⁰. Он поклонился и громко произнес:

– Божественный император и божественная императрица, пожаловали Тит Флавий Сабин и Тит Флавий Клемент.

В триклинии появились двое среднего роста мужчин. Титу Флавию Сабину-младшему было 55 лет, и он являлся сыном родного брата императора Веспасиана. Титу Флавию Клементу, уже его сыну, было 33 года, и он лишь на год старше самого Домициана. Крепкие телом и слегка упитаны, они являлись точно настоящими Флавиями. Поприветствовав Цезаря, молча улеглись на свои места.

– Божественный император и божественная императрица, пожаловал Марк Кокцей Нерва, – вновь объявил номенклатор.

В триклиний зашел высокий худой человек 48 лет с близко посаженными глазами, крючковатым носом и длинной шеей. Он поклонился императору и стал долго искать, куда прилечь, после чего произнес:

– Повелитель, могу ли я выпить вино? Жажда меня просто замучила. Я так мечтал о холодном напитке.

Домициан лишь слегка кивнул, и раб наполнил кубок Нервы.

– Божественный император и божественная императрица, пожаловал префект преторианцев Корнелий Фуск, – выгово-

⁵⁰ Номенклатор – специальный раб, вольноотпущенник, реже слуга, в обязанности которого входило подсказывать своему господину (из патрициев) имена приветствовавших его на улице господ и имена рабов и слуг дома. Номенклатор должен был обладать хорошей памятью.

рил раб.

Фуск, осмотрев всех гостей, возлег рядом с Нервой.

– Божественный император и божественная императрица, пожаловал Плиний-младший.

Появился парень двадцати двух лет, высокий и статный, весь вид которого подчеркивал его знатное происхождение. Он поклонился и возлег на свое место с отрешенным видом.

– Божественный император и божественная императрица, пожаловал консул Рима Квинт Петиллий Цериал.

Консулом был седой подтянутый военачальник 52 лет, который прославился тем, что постоянно находился при всех Флавиях и завершал после Тита завоевание оставшихся бунтующих городов в Палестине.

– Божественный император и божественная императрица, пожаловал новый гость по имени Марий!

– Пусть проходит! – Встал император. – Приветствуем тебя, страж храма Юпитера Капитолийского, – и он захлопал.

Все гости поднялись. Старик неуверенно зашагал внутрь и поцеловал руку Цезарю.

– Повелитель мой, – заговорил пожилой человек, – меня несколько раз обыскивали. Неужели ты думаешь, что я могу желать твоей смерти?

– Прости их, они часто переусердствуют. Возлежи, просим тебя, рядом с нами, – и Домициан указал на место.

Старик прилег и начал внимательно рассматривать зал.

– Тут везде ведется строительство и реконструкция, так

что не на что смотреть пока что, – ответил император на незаданный вопрос.

– Так или иначе, тут все красиво.

– Налейте всем вина и отпейте. Проверим, нет ли там яда, – приказал все еще стоящий Цезарь рабам и, когда те исполнили, продолжил: – Хотим выпить за человека, который спас нам жизнь четырнадцать лет назад. Если бы не он, сейчас нас не было бы на свете. Мы живы только благодаря ему.

Кубки быстро опустошились, и все возлегли.

– Мой господин, – заулыбался старик, – тебя спас не я, а боги. Юпитер захотел, чтобы ты жил. Мне как-то предсказал оракул по имени Асклетарион, что я спасу будущего императора от смерти.

– Он жив еще?

– Да, мой владыка. Его все знают.

– Продолжай. Что он еще предсказывал?

– Сказал, что за спасенную кровь надо платить кровью.

Правда, он это не пояснил.

– Это значит, что будет угрожать опасность тебе, – вмешался Нерва, вновь наливая вино, но уже сам, своей рукой. – Смерть.

– Боги накажут меня за то, что я спас нашего императора? – фыркнул старик. – Да я готов умереть хоть сейчас.

– Послушай нас! – обратился к нему Домициан. – Пока мы живы, никто тебе не навредит, никто не обидит. Ты мо-

жешь даже жить во дворце, как полноценный его обитатель. То, что ты сделал для нас, невозможно оплатить даже всеми сокровищами мира.

– Повелитель мой! – усмехнулся пожилой гость.

– А теперь мы бы хотели, чтобы ты вспомнил события четырнадцатилетней давности и рассказал всем присутствующим, а это самые близкие нам люди, все подробности, если помнишь, конечно. Тем более здесь присутствуют сын и внук погибшего тогда нашего дяди, префекта Рима, Тита Флавия Сабина.

– Обижаете, повелитель. Я все помню до мелочей и многим рассказываю эту историю. С удовольствием расскажу и вам. Но начну с того, что было ранее, что мне рассказывали, что узнавал, что слышал, а вы мне скажете, ложь все это или нет.

– Мы дополним, если что. Тем более нам очень интересно, что говорят в народе об этом.

– Событием, предшествующим гражданской войне, было, безусловно, самоубийство императора Нерона. Пожар, падение экономики из-за восстановления Рима и строительство Золотого дворца Нерона привели к тому, что восстали провинции из-за высоких налогов. Легионы наместника Тарраконской Испании Гальбы объявили его императором и двинулись на Рим. По дороге все провинции присягали ему на верность. Римский сенат, который вначале объявил врагом Рима Гальбу, вскоре передумал, когда посчитал, что Нерон

более никому не выгоден. Даже самый преданный Нерону префект преторианцев Тигеллин встал на сторону Гальбы, тем самым подписав смертный приговор законному императору. Нерон, понимая, что конец близок, в своем Золотом дворце решил устроить последний прощальный пир, но никто не пришел, кому он отправил приглашения, а оставшиеся рабы разбежались. Со своим вольноотпущенником и советником отправился на виллу под Римом, где велел выкопать могилу, и произнес фразу: «Какой великий актер погибает!» Но со смертью медлил, все еще ожидая хороших известий. Однако пришли другие новости из сената, где его объявили врагом Рима и приказали доставить на публичную казнь. Услышав топот копыт всадников, когда он лег на землю, приложив ухо и поняв, что это едут его арестовать, он при помощи своего советника Эпафродита перерезал горло.

– Эпафродит? – переспросил Домициан. – Он убил Нерона? Кто тебе такое сказал?

– Весь Рим знает, повелитель, да и он сам хвастался.

– Мы не знали! Он сейчас прислуживает нам... Хм... Ладно, продолжай.

– Он убил Нерона. Всадники прибыли на виллу и даже пытались спасти императора, остановить кровь, но не смогли. Он умер в тридцать лет. Так к власти приходит семидесятилетний патриций – военачальник Гальба. И хотя он правил больше полугода, фактически в Риме император провел три месяца. Но из-за пустой казны, повышения налогов, изъятия

даров для знати от Нерона и скупости он быстро потерял популярность. У него не было детей, и это усугубило его положение. Поговаривали, что Веспасиан Флавий прочил своего сына, Тита Флавия, дабы Гальба усыновил его и передал власть.

– Глупые слухи! – парировал Домициан.

– Отон же не подходил Гальбе из-за своей приближенности к Нерону. Выбор был сделан, и он избрал наследником Луция Кальпурния Пизона из очень древнего царского рода. Но Отон был не согласен с выбором, и то ли опасение за свою жизнь, то ли просто жажда власти подтолкнула его на восстание. Пока император Гальба в январе приносил жертву богам на Палатине, Отон, отправившись к преторианцам, добился от них признания его императором. И вот тогда началась суматоха в Риме, потому что со всех сторон начали приходить абсолютно противоположные известия. То известие, что Отон – император... то, что он уже убит. Гальба просто растерялся от этих новостей и не успел ничего толком предпринять, даже не добравшись до своего дворца, был заблокирован на Большом Форуме. Его фразы: «Что вы делаете, соратники? Я ваш, и вы мои!» или «Что я плохого сделал вам, чтобы так умереть? Я все еще ваш законный император» – не остановили убийц. Даже не нашлось милес, готовых его защищать до конца. Императора закололи, а потом долго глумились над его головой, посадив на меч и разгуливая улицами Рима. Говорят, когда голову Гальбы принесли

Отону, он воскликнул: «Лучше бы принесли голову Пизона!» Последнего, правда, вскоре также обезглавили.

Таким путем к власти приходит тридцатилетний военачальник Марк Отон, который, кстати, являлся вторым мужем божественной императрицы Августы Поппеи Сабинны, погибшей от гнева Нерона, ее последнего супруга. Но что Отон мог сделать за три месяца правления? Только стал разбираться в делах империи, как легионы Вителлия объявили его новым императором, и Отону, который пытался найти компромисс, ничего не оставалось, как пойти войной на самозванца. Битва произошла в апрельских идах при Бедриаке, где легионы Отона проиграли, а кто выжил, тут же сдался на милость Вителлия. Марк Отон мог бы еще сражаться, и, возможно, все бы затянулось на годы, но он ради мира в империи и стабильности решил покончить жить самоубийством. Император сам бросился на меч и был тут же сожжен, дабы враги не глумились над его головой, как это делали с Гальбой.

В пятьдесят восемь лет новым императором становится военачальник Вителлий Авл, который правил восемь месяцев. Но мира, как того хотел Отон, не получилось. Меньше чем через три месяца его правления восточные легионы провозгласили новым императором Веспасиана, и большая часть провинций поддержала Флавиев. Веспасиан решил отправить наместника Сирии Лициния Муциана с легионами в Италию, а сам заблокировал доставку зерна из Египта в Рим,

тем самым мирно – блокадой – пытался заставить Вителлия капитулировать. Но легионы Мезии, Далмации и Паннонии под руководством военачальника Антония Прима вторглись в Италию и нарушили планы императора Флавия о мирном захвате власти. У Прима, который боготворил Цезаря Оттона, была личная неприязнь к Вителлию, и он во что бы то ни стало хотел видеть собственными глазами падение ненавистного им императора. Вителлий же отправил пятидесяти тысячное войско навстречу взбунтовавшимся, однако их военачальник решил перейти на сторону Веспасиана, но его милесы были против этого и арестовали его. Войско осталось без командующего, чем и воспользовался Прим, когда напал на них. Битва произошла двадцать четвертого октября при Бедриаке, там же, где полгода назад были разбиты силы Оттона. Но на сей раз легионы Вителлия не повторили успех и проиграли. Было еще другое войско Вителлия, которое шло на помощь, но, узнав о проигрыше, передумало вступить в бой и было вскоре заблокировано легионами Флавия, а потом и дезертировало.

Антоний Прим, когда подошел к Риму с войском, не желая брать штурмом столицу, передал послание Веспасиана Вителлию. Посредником в этих переговорах выступил родной брат Веспасиана, префект Рима Тит Флавий Сабин...

«...Сабин лишь на год был старше Веспасиана. Несмотря на то что они были родными братьями, похожими не были.

Лишь в глазах было что-то общее. Сабин и Веспасиан родились в земле сабинов, близ Реате, в поселении под названием Фалакрины. Род Флавиев не принадлежал к патрициям и являлся смесью крестьян и сословия всадников. Росли и крепки братья под надзором Тертуллы, своей бабки по отцу, на ее ферме. Веспасиан, будучи императором, часто навещался в места своего детства и это имение сохранил в прежнем виде, чтобы все, к чему привык его взгляд, оставалось нетронутым. Память же бабки всегда чтит тем, что на праздники пил вино из ее родового серебряного кубка.

Достигнув совершеннолетия, Веспасиан, в отличие от брата Сабина, даже и не думал заниматься политикой или строить карьеру. Тем более странно, что именно ему было суждено стать первым императором из рода Флавиев, а не его амбициозному брату-карьеристу. Но мать их была матрона строгая и властная, которая нашла аргументы, заставившие Веспасиана служить трибуном во Фракии, тем самым дав толчок к его величайшей военной карьере. Квестор, эдил, претор, легат, цензор, проконсул Африки, консул, военачальник Восточных легионов и в конце концов император – вот до чего дослужился Веспасиан. Пик же карьеры Сабина пришел на его должность префекта Рима, хотя до этого он был консул-суффект в 47 году, иначе говоря, временно исполнял обязанности консула. Префект Рима – это была почетная и высокая должность, то есть префект управлял городом, пока отсутствует император. С 61 года он усердно ис-

полнял свои обязанности, и никто и никогда даже не сомневался, будь то Нерон, Гальба или Отон, в его профессиональных качествах. Нынешний император Вителлий Авл также почитал Сабина и не отстранил его даже тогда, когда Веспасиана объявили императором. Тит Флавий Сабин хорошо ладил с императором и даже поддерживал его до известных событий. Император, узнав о восстании, посадил под домашний арест Домициана, тогда еще восемнадцатилетнего юношу, и лишь вмешательство Сабина, а затем и ходатайство перед императором помогли освободиться Домициану. Последнего Сабин забрал на свою виллу на Палатине. Именно там Флавиев настиг посланник от Веспасиана, 18 декабря 69 года, с требованием полной капитуляции императора Вителлия. Нисколько не медля, Сабин, облачившись в военную форму, отправился в Золотой дворец.

Чего только не говорили об императоре Авле. Он был толстым и огромным человеком. Очень высокого роста, наверное, выше всех в Риме. Пил и постоянно обжорствовал. Пирры были по четыре раза на день. Ходил к патрициям и их объедал. И никогда не насыщался, так как после еды обязательно рвал. Пьяница и распутник – именно так его все называли.

В тронном зале император встречал Сабина грустно и растерянно. Ему уже было известно о плачевной ситуации с его легионами. От кого угодно он ждал добрых известий, исключением не стал и Сабин.

– Скажи мне, друг мой, что сейчас творится? – довольно любезно спросил император.

– Тебе уже известно, что больше не осталось ни одного легионера к северу от Рима, верного тебе.

– И что ты предлагаешь в таком случае?

– Мой брат, Цезарь Веспасиан Флавий Август, император Римской империи, предлагает следующее...

– Я лишь один законный император, Сабин! – закричал Вителлий и вскочил. – Я Цезарь Вителлий Авл Август волею богов! Как не может быть двух солнц на небе, так не может быть двух цезарей на земле! Меня законно провозгласил императором сенат Рима и народ. За такие слова можно тут же лишиться головы, а ты мне даже почестей не оказываешь, как полагается, а ведь я до сих пор твой – подчеркиваю – законный император.

– Да, ты можешь казнить. Но при всем уважении я здесь как посланник моего брата, а не как гражданин. Будь моя воля и возможность, я сейчас был бы одесную императора Веспасиана и вместе с ним сражался, продвигаясь к Риму. А если говорить про законность, то кто, как не ты, бросил вызов действующему законному императору, устроив мятеж и разбив его легионы, тем самым довел до самоубийства Оттона?! Давай не будем акцентировать внимание на том, кто законный, а кто нет, так как во время гражданской войны это понятие очень и очень расплывчатое, а перейдем к делу... – и, помолчав, продолжил: – Если ты позволишь.

– Говори, – опять спокойно произнес император и сел.

– Веспасиан Флавий предлагает следующее: если Вителлий сложит с себя полномочия императора, ему будет даровано помилование, золото и гарантированное убежище в Кампании с неприкосновенностью.

– Сто миллионов сестерциев⁵¹, огромную роскошную виллу с бассейнами, садами и тремя триклиниями и, главное, покоя. Вот чего я хочу, – сразу же ответил император.

– Нет, Веспасиан дает только сто тысяч сестерциев и виллу. Если согласен, то сегодня все будет исполнено, когда ты отречешься.

– Это не то, на что я рассчитывал, но хорошо, немедля я соберусь и отправлюсь в храм Согласия, где сложу с себя знаки императорского достоинства.

Сабин слегка кивнул и отправился на свою виллу, император же, облачившись в черную тогу, вышел ночью из дворца вместе с плачущими родными и рабами. Находящаяся там толпа и преторианцы удивились такому виду императора, но Вителлий поспешил с ними объяснить, забравшись на роstrу:

– Дорогие дети мои! Я больше не могу и не хочу участвовать в этой кровопролитной войне. Война – сама по себе горе, но когда она является гражданской, где римлянин

⁵¹ Сестерций – серебряная монета. После денежной реформы Августа сестерцием была монета из недрагоценных металлов с большими размерами, очень хорошим качеством изготовления и реалистичными изображениями.

убивает своего брата римлянина, просто недопустима. Поэтому я принял решение отречься от власти в пользу императора Веспасиана Флавия, не по своей воле, конечно же, а меня силой заставили, но за это всех нас ждет помилование и жизнь, – и он при всех разрыдался.

Но преторианцы достали мечи и стали бить ими друг друга, тем самым громко выражая недовольство и требуя продолжения войны. Цезарь сошел с ростры и попытался было пройти меж ними, но народ заградил ему путь, указывая, что все готовы дать отпор захватчикам и остановить восхождение Веспасиана. Вдохновившись такой поддержкой, император Вителлий громко объявил:

– Я никогда не забуду вашу доброту и любовь ко мне, мои дорогие! Так давайте же сегодня раз и навсегда покажем этим грязным плебейским свиньям Флавиям, кто тут настоящие римляне и кому принадлежит Рим! Все идем к вилле префекта Сабина.

Толпа даже перекрикивала радостных преторианцев и, вооружившись кто чем мог, направилась к имению Флавиев.

Сам же Сабин в это время устроил пир, празднуя отречение Вителлия, и опустошал вино кубок за кубком. За столом возлежали сын и внуки его, супруга Аррецина Клементина, а также Домициан.

– Почему грустишь, малыш? – поинтересовался Сабин у Домициана.

– Не верится, что все уже позади. Ты уверен, что импера-

тор сдался?

– Абсолютно! Этот трус тени своей боится, а тут такое предложение, где он сможет пировать до конца дней своих или погибнуть императором. Как думаешь, что он выберет?

– Порой и трусы опасны, вспомни крысу, загнанную в угол.

– Да он даже не крыса – цыпленок ничтожный, вот кто он, – и Сабин, расхохотавшись, разлил на себя вино. – Да что же такое, порази меня Юпитер, новую тогу испортил.

– Вино разлито на белую тогу. Кровавый знак. Навлекаешь на себя гнев богов.

– Расслабься, малыш. Мы расчистили путь к престолу для твоего отца и можем теперь пировать сутками напролет.

– Я уже два года как не видел отца, четыре года как – брата. Тогда же я потерял мать и сестру. Такое ощущение, что отец и брат забыли обо мне.

– Не говори так, они любят тебя. Я-то знаю.

– Так любят, что ни одного письма не прислали за все это время?! Ты ничего не знаешь, дядя. Отец ненавидит меня, стыдится, а брат не замечает или всячески показывает, что я ему не ровня. Им абсолютно безразлично, выживу я тут или нет.

– Они на войне и больше нас рискуют каждый день быть убитыми. Ты же тоже не слал им письма, ты же тоже не особо горюешь, пока их нет. Может быть, это ты их не любишь, а не они тебя?!

Домициан насупился и замолчал.

– Какие дальнейшие планы, отец? – обратился уже Сабин-младший.

– Пировать. А потом, до приезда Веспасиана, наведем здесь порядок. Этот год четырех императоров серьезно расшатал нашу империю, как экономически, так и политически, да и социально тоже. Преторианцы творят что хотят, чувствуют себя всесильными и безнаказанными. Еще император Отон их очень распустил. Даже плебс посчитал, что может решать судьбу Рима. Нам очень нужна стабильность и сильный лидер, иначе провинции восстанут и захотят выйти из состава Римской империи, а этого нельзя допустить.

– Как думаешь, что тебе даст Веспасиан?

– Много чего. Должность консула как минимум. Может, наместника, но я стар уже и не хочу покидать Рим.

– А нам что – мне и моим сыновьям?

Сабин посмотрел на внуков, старшего звали так же, как и его, и сына, – Тит Флавий Сабин, а другого – Тит Флавий Клемент.

– Уж поверьте, наш Веспасиан никого не обидит! – бодро ответил префект Рима.

В это самое время в триклиний ворвался милес.

– Господин, преторианцы идут сюда, во главе их император, они вооружены и агрессивно настроены.

– Что??? – поразился Сабин. – Этого не может быть. Быстро беги и поднимай всех флавианцев! Скажи, что всеобщий

сбор против вителлиевцев. Мы им сейчас такой бой дадим, что голова Вителлия долго будет гнить на острие моего копья. – Милес убежал, а Сабин, сразу отрезвев, обратился к семье: – Будьте рядом со мной, я попытаюсь укрыть вас в храме Юпитера Капитолийского. Только там, в святыне, вы будете в полной безопасности.

Сабин раздал мечи всем родным, они надели латы и вышли на улицу, где всюду уже шел бой между сторонниками Флавиев и Вителлия. В эту ночь весь Рим, казалось, не спал. С инсул горожане умудрялись кидать в головы милес глиняные горшки и сосуды, причем неважно, в чью голову угодят. Рев и гул над городом стояли такие, что слышны были в окрестностях. Кроме криков, стонов и рычаний, также сыпались оскорбления и проклятья как в одну сторону, так и в другую. Сабина и его приспешников оттеснили к храму Юпитера, все так, как он и хотел. С оставшимися милесами он укрылся внутри священного места. Там, расслабившись, Сабин сел у колонны.

– Слава богам, добрались. Теперь мы в безопасности. Будем ждать, пока Антоний Прим не получит известие об этом, и тогда вторгнется в Рим, и покажет этим выскочкам, у кого здесь вся власть.

– Отец, – вмешался Сабин-младший, – Прим должен слышать, что здесь происходит. Он скоро придет?!

– Будем ждать.

– Нет! Я увожу детей. Мне не хочется сидеть здесь как

загнанному зверю.

– И куда же ты пойдешь?

– Я найду выход и мать тоже заберу, если ты не пойдешь с нами.

– Глупец. Ты собрался бегать по Риму, полному вителливицев? Сколько ты планируешь прожить, час или больше? Я не дам рисковать моей супругой и внуками.

– А это уже мне решать. Мама, ты со мной?

Та отрицательно помотала головой.

– Домициан? – спросил Сабин-младший.

Домициан замешкался. Он не знал, как поступить правильно. С кем выгоднее и безопаснее. Посмотрев на дядю, он выговорил:

– Я остаюсь.

– Это ошибка, сейчас самое время сбежать, храм еще не окружен.

– Он и не может быть окружен – он на холме, – ответил префект Рима.

– Ты понимаешь, о чем я, его скоро окружат со всех сторон... твой холм окружат. Впрочем, вам решать, и да помогут вам боги.

Сын Сабина вместе с двумя внуками скрылся из виду. Брат Веспасиана остался с Клементиной и Домицианом. Последние милесы с боями отбивались и, оказавшись внутри, закрыли ворота храма и забаррикадировали мебелью, после чего буквально повалились на пол.

– Здесь никто не посмеет даже оголеть оружие, не то чтобы применить. Мы, римляне, богобоязненные люди и сейчас находимся под защитой самого Юпитера! – подытожил Сабин.

Но на площади перед храмом послышались возгласы:

– Давайте выкурим их оттуда. Поджигай! Несите еще дров и соломы. Выполнять, не мешкать, это приказ нашего императора. Мы боремся за правое дело, и Юпитер нас простит.

Полетели факелы на крышу и в окна храма. Все запаниковали. Домициан выронил свой меч, до этого ни разу его не применив, и от испуга разрыдался.

– Не может этого быть, – поразился Сабин. – Это кощунство и святотатство – сжигать главный храм империи. Я не верю. Варвары!

– Что я наделал, что я наделал?! – начал повторять Домициан, хватаясь за голову. – Какой же я глупец, надо было пойти с ними...

– Только без паники, малыш! – попытался успокоить его дядя.

– Да какой я тебе малыш, старый осел?! – завопил тот. – Видят боги, как же я тебя ненавижу. Ты нас привел к гибели, вместо того чтобы убить Вителлия, мы оказались в ловушке и сейчас сгорим заживо. Боги, я не хочу умирать, прошу вас... – начал опять рыдать и метаться из стороны в сторону Домициан.

Милесы также ринулись искать другие выходы. Лишь Са-

бин, успокоившись, обнял свою супругу, поглаживая ее волосы.

– Не волнуйся, любовь моя, все будет хорошо. Я тебя защищу.

– А я и не волнуюсь. – Поцеловала Аррецина его. – И не боюсь смерти, если рядом будешь ты.

– Я не знаю, я просто не знаю! Ведь я видел глаза Вителлия, он не блефовал, он действительно сдался. Что такого могло произойти, что он передумал и предпринял атаку? Ведь он же понимает: Веспасиан уже не оставит ему жизнь. Разве стоит все это жизни – самого ценного, что есть у нас?! Мы не ценим ее, а когда она висит на волоске, начинаем наслаждаться ею и просить лишние минуты.

– Я благодарю богов, что они послали мне такого супруга!

– Не надо, не прощайся, любимая. У нас еще есть шансы спастись.

Алтарь для жертвоприношений в это время запылал, также как и белоснежные шелковые перегородки. Не дожидаясь смерти от дыма или огня, Сабин открыл ворота храма и вышел навстречу преторианцам вместе с Клементиной. Его тут же окружили враги.

– Братья-римляне, прошу лишь одного: из уважения к моей должности, которую я исполнял на протяжении восьми лет, отпустите мою супругу... супругу префекта Рима.

Все молча смотрели и не реагировали.

– Где Вителлий? – спросил Сабин.

– “Цезарь Вителлий Авл Август” надо говорить! Собака ты! – появляется и нагло произносит император.

– Цезарь Вителлий Авл Август, прошу, отпусти ее.

– На колени, собака!

– Я сделаю все что угодно, только не трогай ее.

– Собаке слово не давали, так что на колени!

– Отпусти ее, и мы поговорим!

Сабина ударили сразу несколько преторианцев с разных сторон. Флавий упал, держась за грудь и бок. Клементина расплакалась и наклонилась к нему, как тотчас ее за волосы уволокли. Из толпы выскочил один из милес лет семнадцати.

– Стойте, прекратите! Я Гней Сервий-младший, сын сенатора! Не смейте прикасаться к префекту Рима! Если мы хотим быть центром цивилизации, то должны сами в первую очередь жить по законам! Если он виноват, то его надо судить, а если нет, то отпустить.

– Перережьте этим Флавийским простибулам горло, – приказал император, игнорируя речь милеса. – Отдать бы вас в лупанарий, да там тут же вас свои и освободят, к сожалению.

– Не-е-ет! – закричал Сабин и, поднявшись, хотел было воткнуть кинжал в императора, но преторианцы вовремя остановили его и, не дожидаясь приказа, начали со всех сторон колоть мечами.

Его бездыханное обезображенное тело упало наземь. Ар-рецина последний раз взглянула на мужа и закрыла глаза,

взмолилась, перед тем как ее также закололи. Сын сенатора попытался с мечом в руках остановить казнь, но и его постигла та же участь.

Из охватившего весь храм огня, осветившего ночью, наконец, весь Рим, стали выбегать милесы, которые так и не нашли другого выхода, и сразу же попадали на растерзание преторианцев и толпы.

– Найдите всех Флавиев! – кричал император. – Всех до единого. Никого не упустите. – Огонь осветил зловещее лицо Вителлия, которое на тот момент походило на звериное, нежели на человеческое.

Домициан, до этого момента не зная, куда себя деть и что делать, увидел сторожа храма.

– Я Домициан Флавий, сын императора Веспасиана Флавия, и мне нужно спастись, – пытался произнести он с достоинством, но голос дрожал, а глаза еще не высохли от слез.

– А зачем? Флавии же мятежники.

– Прошу тебя, умоляю! – и глаза снова стали мокрыми. – Ты меня можешь спасти?

– Могу!

– Так спаси. Что мне надо сделать для этого? Встать на колени? – чуть ли уже не рыдая, спросил он.

– Ну что же, Домициан Флавий, следуй за мной. – Страж потайным ходом переправил его в свою превратную кубикулу за храмом и уложил в свою постель. – Надо дожидаться утра, и тогда будут высоки шансы спастись.

– Благодарю тебя, я этого никогда не забуду. Так ты не за Флавиев?

– Я не за тех и не за этих. Я охраняю и оберегаю этот святой храм, который преторианцы сегодня уничтожат, и все из-за приказа безбожного Вителлия, да накажут его все боги Рима.

– Значит, ты за Флавиев. Мы благородные люди...

– Благородные? Я слышал, как ты ругал своего дядю. Я хотел было всем вам помочь, но незаметно многих не проведешь, да и места тут мало, лишь одного мог и волею богов попал на тебя. Хотя лучше бы я спас Сабина.

– Почему лучше? – холодно спросил Домициан.

– Он же воин, храбрец и достойно умрет. Ты же похож на плачущую девочку, потерявшуюся и молящую о пощаде.

– Осторожно с высказываниями, старик.

– Ты не в том положении, юноша, чтобы угрожать.

– Однажды я стану императором, и от моего хорошего или плохого мнения о тебе будет зависеть твоя жизнь.

– А ты для начала стань им... Да и я могу не дожить до этого. Но если ты станешь императором и придешь сюда, то я первым поцелую твою руку и выскажу все почести.

– Надеюсь, ты доживешь до этого времени.

– Зачем?

– Затем, чтобы ты понял, что сделал правильный выбор. Я стану таким императором, что обо мне будут слагать легенды в веках. Я буду императором-созидателем, а не разруши-

телем. И суд мой будет честный и справедливый абсолютно ко всем, и неважно, кто передо мной, будь то раб или родственник.

– Я знаю, каким ты будешь!

– Откуда?

– Потом скажу. Еще не время. Но я знаю все! Мне все предрекли. И ты не будешь таким, как говоришь сейчас. Точно не будешь, хотя и попытаешься.

Домициан обиженно повернулся на другую сторону, спиной к стражнику.

Вителлий еще до рассвета вернулся во дворец и принялся за трапезу, наблюдая с балкона, как все еще полыхает храм Юпитера Капитолийского. С восходом солнца до него дошло наконец, что он натворил, и ринулся исправлять ситуацию. Пытался даже перевалить вину на других. Он созвал совет, где предлагал консулам, сенаторам, советникам и помощникам взять вину о поджоге храма и гибель префекта на себя. Но ни один из совета, естественно, не захотел этого делать. А в сенат внес предложение отправить послов и даже весталок для переговоров с Веспасианом.

С рассветом возле разрушенного храма собралось много жрецов различных богов, которые молились и оплакивали святыню. Страж, порывшись в спасенных из храма вещах, нашел одеяние служителя Исиды⁵² и, разбудив Домициана,

⁵² Исида – одна из значимых богинь Древнего Египта, представлявшаяся образцом для понимания египетского идеала женственности и материнства. Она

который спал как младенец, несмотря на угрозу, дал ему надеть его.

– Снимай тунику и надевай на голое тело. Только так тебе поверят, что ты не патриций.

– А есть другие одежды? Мне не нравится, как я выгляжу в них. – Разглядывал себя Флавий.

– Выбирать не приходится. Тебе надо незаметно выйти, а не привлекать внимание. Главное, голову накрой и иди гордо, но в глаза никому не смотри.

– А как твое имя? Хотя нет, не говори. Я не хочу знать. Иначе это имя будет ассоциироваться у меня с вечной опасностью. Прощай. Может, и увидимся когда-нибудь. Во всяком случае я тебя не забуду никогда и свою награду ты рано или поздно получишь.

– Фортуна тебе в помощь, Флавий.

Домициан, выйдя из жилища стража, тут же примкнул к жрецам Исиды. Те даже не обратили на него внимания – настолько были заняты увиденным. Он повторял движения за ними, поднимая руки к небу и молясь, но косо поглядывая на преторианцев, снующих взад и вперед, выискивая подозрительных лиц. Наконец, когда траурные церемонии закончились, жрецы стали расходиться, и никто из здесь присутствующих даже не посмел их проверять.

почиталась как сестра и супруга Осириса, мать Гора (Хора) и, соответственно, египетских фараонов, которые считались его земными воплощениями. Она покровительствовала рабам, грешникам, ремесленникам и угнетенным, но прислушивалась и к молитвам богачей, девушек, аристократов и правителей.

Оказавшись вдали от Капитолия, Домициан сам брел улицами Рима, плотно укутавшись и огибая каждого прохожего. Ноги у него дрожали, тело охватил озноб, то ли от испуга всеобщего, то ли заболел, но он шел к цели, несмотря ни на что. А улицы были в крови. Трупы так и лежали на дорогах, никто даже не думал их убирать и сжигать. Все переступали через них и шли дальше. Если это лежал патриций, то его обыскивали в надежде найти пару денариев. На Флавия некоторые обращали внимание, но думали, что это лишь запаниковавший жрец Исиды не знает, куда себя деть. Городские когорты⁵³ должны были поддерживать порядок, но они лишь создавали видимость работы. Хотя двое из них, завидев Домициана, прокричали:

– Эй, ты, в одеянии жреца, стоять!

Флавий хотел было убежать, но ноги продолжали трястись, и он понял, что надолго бега его не хватит.

– Да, слушаю? – надменно спросил Домициан, разворачиваясь.

– Ты посмотри, какое высокомерие у него! – сказал один милес другому.

– Надо бы проучить юнца, – произнес другой.

⁵³ Городские когорты – подразделения армии. Были созданы императором Октавианом Августом в качестве полицейских сил для охраны общественного порядка и подавления бунтов, а также, вероятно, чтобы несколько нивелировать огромное влияние в Риме преторианской гвардии. Эти когорты были обучены и вооружены по типу римских легионеров и подчинялись непосредственно префекту города.

– Может, розгами его?!

– Да как вы смеете останавливать жреца Исиды? – возмутился Флавий.

– А может, ты не жрец?! Может, ты беглый наглый раб, выдающий себя за жреца?

– Вы глупцы! Разве я похож на раба? – разозлился Домициан и перестал контролировать себя. – Знайте свое место, милесы, иначе я ваши имена передам Верховному понтифику, нашему славному императору Вителлию, и что он тогда сделает с вами?

Но один из милес дал пощечину Домициану, и тот упал на землю, схватившись за щеку.

– Ты посмотри на него, – расхохотался милес, – уже не такой наглый.

– Если мы тебя убьем, то уже никому и жаловаться не сможешь, юнец, – сказал другой.

– Он такой тощий, что ветром унесет скоро. Не кормили его, видать. Или действительно раб? Надо проверить, снимем одеяния его! Вставай быстро, пока я не вспорол твой живот.

Домициан, дрожа, поднялся. Милесы тут же сорвали одежду с него и стали крутить его в поисках выжженного рабского знака на теле, но ничего, естественно, не нашли.

– Ну, не раб точно, – с горечью произнес милес.

– Тогда ладно, отпустим его, но без всяких одеяний, – выговорил второй. – Иди куда шел, но голым! – и они с хох-

том ушли.

Флавий, прикрывшись, подбежал к трупу и решил стащить с него тунику. Люди же, проходившие мимо, делали вид, что ничего не видят и не хотят знать. Но брезгливость Домициана его переборола, и он не стал надевать грязную вещь. Лишь пройдя несколько кварталов, обнаружил тогу на теле патриция и, ею обмотавшись, уже буквально что есть мочи побежал на Эсквилин.

Эсквилинский холм – один из семи холмов Рима и второй по древности после Палатина – находился между Целием и Виминалом. Именно там расположилась вилла Нервы, в двери которой постучал Флавий.

Раб проводил его в атрий⁵⁴ к хозяину.

– О боги, Домициан! Я так переживал, ведь дал обещание Веспасиану, моему самому лучшему другу, оберегать тебя и защищать. – Нерва обнял и поцеловал Флавия в губы.

– Значит, я тебя интересую только потому, что ты дал обещание моему отцу?

– Не придирайся к словам, Доми! Как добрался сюда? Я слышал насчет Сабина. Мне жаль. Впрочем, иди помойся, а вопросы потом. Тебе велеть приготовить кальдарий или тепидарий?

– Тепидарий!

Как только тепидарий был готов, Флавий стал париться, затем помылся в бассейне и снова начал расслабляться па-

⁵⁴ Атрий, или атриум, – крытый двор со световым колодцем.

ром, когда к нему пожаловал Нерва. Он обнял и стал ласкать Домициана, но тот отпрянул.

– Почему? – обиделся Нерва. – Ты больше не хочешь, чтобы мы были любовниками?

– Не сейчас... неудачное время ты выбрал.

– Мне так твоих ласк не хватает.

– Ласки будут, когда я окажусь в безопасности.

– Ты у меня и так в безопасности, как дома.

– Да я знаю, я имел в виду в общем. По дороге сюда меня чуть не убили. Надругались и отпустили. Надеюсь, они выживут, потому что я лично их найду и оскоплю.

– Кто это были?

– Да из городской когорты.

– Забудь, ты уже не найдешь их. Смотри только вперед.

– Нет, я найду их. Ты же знаешь, я человек принципиальный.

– Как скажешь, тебе решать. Так расскажешь, что произошло?

Домициан подробно все рассказал, а кое-где и приукрасил, лишь упустив те моменты, где он вел себя неподобающе.

– Все позади! – сочувственно произнес Нерва. – Я считаю, что после этого дни Вителлия сочтены. Здесь Прим под Римом со своими легионами, а у императора уже началась агония. Вот увидишь.

– Я очень голоден.

– Конечно, сейчас приготовят твои любимые блюда.

И Домициан закрыл глаза, попытавшись расслабиться.

Император Вителлий на следующий день ждал уже любых известий, когда один из стражников донес, что легионы Антония Прима прорвали оборону, состоящую из преторианцев и плебса, и вторглись в Рим.

Авл тут же решил перебраться на родовую виллу на Авентине, а оттуда бежать к брату, у которого еще оставались силы для продолжения войны. Но кто-то пустил слух по городу, что легионы Прима разбиты и Рим спасен, поэтому император со спокойной совестью вернулся во дворец, который уже пустовал. Ни стражи, ни рабов, ни единого человека в нем не осталось.

Но в это же самое время сюда ворвались легионеры Антония. Вителлий, завидев их, надел на себя пояс, набитый золотом, спрятался в кубикULE стражи и подпер дверь кроватью и скамном.

Тем не менее, рыская в каждом углу, легионеры довольно быстро нашли Авла, выломав двери.

– Ты император? – спросил его милес.

– Да вы что, славные мои храбрецы? Я раб, который хотел забрать свои вещи, но не успел.

– Что-то ты слишком толстый для раба, или ты евнух?

– Евнух, самый настоящий евнух.

– Где император?

– Ох, эта трусливая собака сбежала еще вчера.

– А что у тебя есть ценного? Что в поясе?

– А давайте так сделаем: я вам отдаю мое золото, а вы меня отпускаете, пока не пришли остальные и просто так меня не убили. Идет, дорогие мои?

– Давай сюда все золото, жирная свинья, а там мы уже решим, отпускать тебя или передать нашему военачальнику.

Как только он стал снимать пояс, в помещении появился лично Антоний Прим, тридцатитрехлетний настоящий римский воин, как его называли легионеры.

– Что вы делаете? – поинтересовался у милес Антоний.

– Раб нам отдает золото.

– Это не раб, глупцы, это же сам Вителлий. Жирный и высокий, с вечно красной мордой пьяницы. Такого ни с кем не спутаешь.

– Нет, я не Вителлий, поверьте мне, я двойник Цезаря. Иногда я подменял его на праздниках, клянусь... – начал было оправдываться император.

– Знаешь, Авл, я мечтал встретить тебя живым, отомстить за истинного императора Отона, которого ты погубил. Но я не верил, что такое может случиться, и вот ты передо мной. Теперь-то я могу делать все, что пожелаю.

– Прошу вас, умоляю, не трогайте меня. Я знаю такую тайну, которую должен передать лично нашему всеми любимому божественнейшему императору Веспасиану. Он вас не простит, если узнает, что вы не послушались меня. Прошу, я требую суда, я законный император. Дождитесь голосования сената, только он вправе решать мою судьбу. Нельзя убивать

повелителя, это большой грех. У меня есть права. Мы же цивилизованные римляне. Пример для всех народов. У нас же существует верховенство закона. Или вы забыли о римском праве⁵⁵?

– А как сжигать людей в храме Юпитера – это можно? Выбивать членов рода Флавиев – это тоже можно? Утопить всех в крови, начиная с законного императора Отона, и это тоже можно? Ты вверг нашу империю в хаос постоянных гражданских войн, посылал на смерть десятки тысяч наших легионеров, а сам жировал. Это также можно?

– Прошу вас, лучше посадите меня в темницу, – и он разрыдался, как ребенок, упав на колени.

Но его никто не слушал, и сразу же, накинувшись, стали избивать. Больше всего упивался побоями Прим. Вителлий закрывался от ударов и пытался уползти, неустанно умоляя о пощаде. Перестали избивать лишь тогда, когда он захлебывался кровью из-за разбитого лица.

Завязав сзади руки и накинув на шею веревку, в порванной тунике, полуголого, его поволокли на Гемониеву террасу⁵⁶, которая вела от Капитолия мимо Мамертинской темницы к Большому Форуму.

⁵⁵ Римское право – правовая система, существовавшая в Древнем Риме и в Византийской империи с VIII века до Р. Х. по VI век от Р. Х., а также отрасль правовой науки, занимающаяся ее изучением. Римское право явилось образцом, или прообразом, правовых систем многих других государств и исторической основой романо-германской (континентальной) правовой семьи.

⁵⁶ *Scalae Gemoniae*.

По всей Священной дороге пока императора вели, народ осыпал его оскорблениями и проклятьями. Плевались, бросали в него камни, грязь и навоз. Глумились над внешне­стью: обжора, “распутница” и поджигатель – это лишь малое, что ему говорили. За волосы ему оттянули голову назад, как всем преступникам, под подбородок подставили острое кинжала, чтобы он не мог опустить лицо и всем было его видно. Успокоились лишь на Гемониевой террасе – ступенях, на которых осуществлялись публичные казни и выставлялись напоказ тела казненных преступников. Оттуда Вителлий ко всем обратился:

– Как вы можете? Где же ваша совесть? Еще вчера вы меня боготворили и превозносили, не давали отречься от власти, а теперь жаждете моей крови? Ведь я же был вашим императором и делал все во благо вам!

Но плебс и милесы стали бить его чем попало, пока он не потерял сознание. Но и это их не остановило. Голову Вителлию отрубили, и каждый желал понести ее по городу, а тело крюками стащили в Тибр.

Нерва ворвался в кубикулу, где на софе возлежал Домициан, смакуя вино.

– Все, победа! – прокричал счастливый Марк.

– Что? Где? Как? – поразился Домициан.

– Вителлия только что растерзала толпа плебеев!

– Не может быть! Очередные слухи, я не верю.

– Да точно, мои шпионы никогда не врут. Они лично ви-

дели, а кое-кто даже поучаствовал в умерщвлении.

– О боги, хвала вам! – Домициан вскочил, обнял и поцеловал друга.

– Одевайся, ты должен встретить Антония Прима, а он обязан оказать тебе почести, как сыну императора.

– Да, да, точно, мне нужна туника и тога, белоснежные... нет, пурпурные.

– Хорошо, что я сенатор и у меня есть много пурпурных тог.

Домициан, облачившись, вместе с Нервой и охранниками отправились на Большой Форум, где и находился Антоний Прим, но не один, а с только что прибывшим Лицинием Муцианом.

– Так ты и есть Домициан? – поздоровался с ним Муциан.

– Да, он самый.

– Твой отец много рассказывал о тебе.

– В этом я сомневаюсь.

– Как бы там ни было, я уполномочен вести все дела от лица императора Веспасиана до его прибытия в Рим.

– Разве не я должен быть этим лицом?! Хотя кого я обманываю... Если честно, я совсем не удивлен. Что же, посмотрим... Я как-никак его сын.

– Слушайте все и не говорите, что не слышали! – закричал во все горло Лициний, обращаясь к гражданам. – Властью, данной мне божественнейшим императором Веспасианом, провозглашаю Домициана Флавия Цезарем, как сына

императора Рима! – Плебеи завопили не то от радости, не от горя. – А преторианцы с удовольствием препроводят его на родовую виллу на Авентине.

Все, кто знал Муциана, понимали, что это был больше сарказм в сторону оставшихся преторианцев, которые не успели погибнуть или дезертировать. Они лишь грустно посмотрели на Лициния и приготовились исполнять приказ.

– А ничего, что этот титул должен официально мне дать сенат на внеочередном заседании? – поинтересовался Домициан у Муциана.

– Ой, я тебе прошу, кому какое дело здесь?! Зато как звучало мощно.

– М-да... понятно, – все, что смог выдать из себя Флавий, и покинул форум.

А на следующий день, 21 декабря, Муциан бесцеремонно вторгся на внеочередное заседание сената, как на рынок за покупкой дешевого масла, и, развалившись на кафедре, чавкая яблоком, хамски за всех объявил:

– Значит, так, пожилые буквоеды-законодатели, Веспасиан – отныне император Римской империи! Вот же холера... До сих пор не могу поверить, старый крестьянин сделал это, победил, стал повелителем мира, будь я проклят молнией из зада! Вопросы?

Не зря же сенаторы просто рыдали от счастья и устраивали пиры, когда Веспасиан в октябре 70 года, спустя десять месяцев после смены власти, въехал в Рим и Муциан сложил

с себя полномочия легата Августа⁵⁷».

– ...это и был конец гражданской войны, – завершил рассказ Марий.

Все присутствующие несколько минут аплодировали.

– Очень трудно вспоминать, – первый заговорил Сабин-младший.

– Позволь спросить, – поинтересовался страж храма у него, – как ты спасся с детьми?

– На тот момент два выхода были свободны, мы без труда вышли и присоединились к бунтующим с другой стороны.

– Ты не видел, как убивали твоего отца и мать?

– Нет, конечно, не видел, иначе попытался бы спасти.

– Так же, как ты пытался спасти своего старшего сына, когда его казнили в прошлом году?

– Ты забываешься, старик, мы тебе не друзья и даже не ровня!

– Я прошу простить пожилого и слабо соображающего человека. – Поклонился Марий. – Мой разум не поспевает за языком.

– Следи за ними, иначе обоих лишишься. Мой сын, к сожалению, был уличен в коррупции, и наш божественнейший император принял правильное решение. Я бы так же посту-

⁵⁷ Легат Августа – необычайный и полномочный представитель императора, который назывался *legati Augusti* (или *quinquefascales ad corrigendum statum civitatum liberarum*).

пил, будь я императором. Перед законом ведь все равны.

– Утешай себя и дальше так, проклиная имя императора каждый вечер, попивая вино!

– Да как ты смеешь? – Вскочил Сабин-младший. – Принесите мне гладиус, быстро! – обратился он к преторианцам.

– Сядь, Сабин! – приказал Домициан. – Быстро, мы скажали!

Тот подчинился, но не успокоился.

– Позволь спросить, повелитель, а ты наказал тех двоих из городской когорты, который содрали с тебя одеяние жреца Исиды? – продолжил страж храма.

– Да, мы их отыскали потом в казарме. Мы их лично оскотили и оставили умирать, привязанных к столбу.

– Я это знал.

– Откуда?

– Мне все предсказали.

– Все тот же оракул?

– Да. Я все про тебя знаю.

– И что же именно?

Обстановка за столом настолько накалилась, что если бы пролетел комар, то все бы его услышали.

– Я же знаю, для чего ты меня позвал, повелитель.

– В самом деле?

– О да. Ты же не простил тех слов, которые я говорил наедине, пока ты укрывался у меня.

– Ты о том, что лучше бы выжил наш дядя-префект? Ты

и сейчас так думаешь?

– Да. По крайней мере, сейчас был бы жив старший сын Сабина-младшего, да и император Тит тоже.

– Наш божественнейший брат Тит умер из-за того, что узнал о гибели своего законного сына и возлюбленной в Иерусалиме, опечалился и далее не захотел жить, – абсолютно спокойно проговорил Домициан. – К тому же сказалась его травма головы, которую он получил еще в Египте. Это все, безусловно, ускорило кончину.

Все за столом не сводили взгляд с императора, который, казалось, рассуждал о погоде.

– Видать, ты сам это себе внушил и поверил!

– Повелитель! – вмешался Фуск. – Позволь уже отрубить ему голову! Я не могу слушать, как порочат твое имя и имя императора Тита.

Домициан лишь поднял руку, чтобы префект преторианцев замолк.

– Уже отрубить ему голову! – повторил Марий. – Вот для чего я здесь – чтобы убить меня за трапезой. Это мне тоже предсказали. Я ведь знал, поэтому подошел в храме к тебе и поцеловал руку. Все как и должно было быть. А я ведь вначале попытался изменить это предсказание. Наивный, надеялся обмануть судьбу. Я первым делом подошел к префекту Рима Сабину и предложил ему спастись... Я предложил помочь ему спрятаться у меня... Но он сказал, что Вителлий не покинет храм, пока не найдет его, и он не будет рисковать

больше ничьими жизнями... Хотел, чтобы я спас его супругу, но и она отказалась его покинуть... Тогда он попросил меня спасти Домициана. Я ушел от него и напоролся на тебя... и спас кровавого тирана, который ввергнет в хаос всю нашу империю... утопит в крови Рим... Но кто я такой, чтобы противиться богам? Это ведь кара за храм Юпитера, за разврат женщин с женщинами и мужчин с мужчинами... за растление детей и совокупление с животными... Рим должен очиститься, и поверь мне... после такого коварного лгуна, трусливой плачущей девочки, ничтожества, неуверенного в себе деспота с кучей комплексов, которого просто недолюбили в детстве, наступит эра мира, справедливости и спокойствия.

Император молча встал и пошел в угол триклинии, где лежал лук со стрелами.

– Ты же почему моего имени не хотел узнать? – не успокаивался страж храма. – Чтобы убить меня и больше никогда не вспоминать. А еще предлагал мне защиту, жить здесь и обеспечить всем, чем только можно. Как же ты жалок, второй Нерон.

– Знаешь, в чем ты ошибся? – спросил император, вставляя стрелу в лук и натягивая тетиву.

– В чем же? – спросил невозмутимый Марий.

– Я тебя решил убить не из-за тех слов, которые ты мне сказал в ту ночь. В конце концов, это можно было простить, ведь ты спас меня.

– О, ты уже опять начал говорить о себе в единственном числе?! Начинаешь исправляться, видимо.

– Я решил тебя убить потому, что ты всем все про меня рассказываешь. Мне не нужны свидетели тех событий. Император должен быть чист как весталка. А моя роль станет основой для рассказа о собственном героизме.

– Плохое сравнение, «Нерон» Домициан. Большая часть весталок далеко не девственницы.

– Все, довольно! – Император выстрелил из лука, и стрела угодила прямо в левый глаз Мария. Тот кувыркнулся через голову и, упав на мраморный пол, залил все кровью. – Жаль, – высказался Цезарь, спокойно кладя на место лук. – Мы так хотели ему сделать сюрприз. А он уже знал. Единственное, что он ценное сказал, это тот оракул по имени Аскетарион. Корнелий! – обратился он. – Найди нам его во что бы то ни стало живым. Он многое знает, а это очень плохо.

– Как прикажешь, повелитель.

– Ну а остальные свободны! Благодарю за прекрасный вечер! – произнес император и спешно покинул триклиний.

Глава VIII

Домициан заперся в своих покоях и начал вылавливать мух. Собираясь с мыслями и все обдумывая, он между делом отрывал им крылья, а затем протыкал их. Домиция же всю ночь провела рядом с сыном, не отходя от него ни на минуту.

Утром император решил проведать сына и узнать, как его самочувствие.

– Уже лучше, повелитель! – вызвался отвечать за всех эскулап. – Пусть спит еще. Сон – это ведь здоровье.

– Это радует, – ответил Цезарь и обратился к супруге: – Собирайся, любимая, мы едем в театр.

– Я не спала всю ночь, позволь мне остаться и отдохнуть.

– Нет, дорогая, ты должна ехать с нами, иначе что о нас подумают? Что мы разведены?

Театр Помпея находился на Марсовом поле, что на Квиринале. Этот самый первый каменный театр нишами напоминал амфитеатр Флавиев, вмещал 40 тысяч зрителей и имел три яруса, оформленных снаружи, соответственно, в дорическом, ионическом и коринфском ордерах. Особенностью являлась надстройка с храмом над амфитеатром. Диаметр зрительного зала составлял 3,5 локтей⁵⁸. Экстерьер и

⁵⁸ Локоть – единица измерения длины, не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. У римлян – 44,4 см.

интерьер театра были украшены мрамором. Как и греческие театры, он шел полукругом и находился под открытым небом.

Именно к нему принесли паланкин императора. Преторианцы оттеснили граждан на площади перед театром, давая возможность спокойно пройти Цезарю и его супруге внутрь. Домиция взяла под руку Домициана, и они гордо прошли кулуарами театра в сопровождении свиты из почти ста человек. Впереди же продвигался префект преторианцев и тщательно оглядывался по сторонам, чтобы упредить любую опасность, если таковая появится.

– Корнелий! – обратился император.

– Да, повелитель?

– Ты все устроил?

– Конечно, господин.

– Нам не из-за чего волноваться?

– Обижаешь, Цезарь!

– Тогда мы можем расслабиться.

Они оказались в императорской ложе и сели на подушки на мраморных кафедрах. На пульпиту⁵⁹ вышел устроитель игр:

– Дорогие римляне! Позвольте представить вам нашего сегодняшнего почетного гостя: Божественнейшего императора Цезаря Домициана Флавия Августа и императрицу Домицию Лонгину Августу! – Зал поднялся и стал аплодиро-

⁵⁹ Пульпита – сцена.

вать, развернувшись к императорской ложе. Домициан им помахал и жестом показал сесть. – Также я рад приветствовать вас в самом лучшем театре Рима, который построил сто двадцать восемь лет назад сам Гней Помпей Великий, консул Римской республики. А теперь мы можем наслаждаться спектаклями здесь. – Он замолчал, пока толпа хлопала. – И сегодня у нас будет постановка ателланы. Мы возвращаемся во времена Римской республики, когда все актеры были в масках. Я знаю, в наше время актеры не применяют маски, а используют парики и грим, но в этом театре любят вспоминать прошлое и чтят древние традиции. Сегодня же по желанию Божественнейшего императора Домициана Флавия мы пригласили популярного и очень известного греческого актера Париса. – Опять послышались аплодисменты.

На пульпиту вышел парень двадцати лет, высокий и стройный, который больше был похож на атлета, а не на актера. Глядя на публику, а затем и на императора, он поклонился.

Лицо императрицы исказилось судорогой, она посмотрела на Домициана, который тут же уставился на нее, прищурившись.

– Что-то случилось, любимая? – мягко спросил он.

– Зачем ты пригласил его?

– Кого его? А-а-а... эм... Париса?! Прекрасное имя. Да и сам этот юноша очень красив. С него можно создавать статуи.

– Дом, я не понимаю, чего ты...

– Не смей называть нас так на людях!

– Прости, Домициан, чего ты...

– Увидишь, дорогая, увидишь! А пока наслаждайся представлением. – Он ухмыльнулся и повернулся к пульпите.

– Сегодня, – продолжил устроитель, – мы вам покажем драму, пусть порой вульгарную и грубую, но оттого не менее интересную. Итак, встречайте: Макк, Буккон, Папп и Дорсен.

На пульпите появились четыре актера в разных масках. Парис в роли Макка был обжорой и дураком, которого все били и обманывали. Он, ничего не понимая, почесывал все время белый лысый парик и вопрошал: «За что?» У него была маска с крючковатым носом, ослиные уши и желтая набедренная повязка. Буккон не был дураком, в отличие от Макка, а был парнем с раздутыми щеками и отвислыми губами. Он тоже любил хорошо поесть, но губы у него отвисли не столько от еды, сколько от любви к чрезмерной болтовне. Не зря же когда он только начинал заговаривать с кем-то, то тут же все убегали. Папп – это богатый старик. Ему не везет в семейной жизни; жена обманывает его с любовником. При всем том Папп очень честолюбив и желает играть роль в местном обществе. Однако на выборах он проваливается. Дорсен был хитрым горбуном. Это невежда и шарлатан, но внушает уважение темным людям. Помимо главных героев, на сцену вышли статисты, облачившиеся в яркие одеяния,

украшенные настоящими драгоценными камнями.

По сути это был сумбур из импровизаций. Лишь от таланта актеров – умения рассмешить или выдать слезу – зависел успех спектакля. Макк, несмотря на то что был дураком, довольно легко соблазнил супругу Паппа и, скинув с себя набедренную повязку, повалил ее на сцену и стал целовать, а Папп проходил несколько раз мимо и не понимал, что это они делают, да и вообще кто такие. Весь зал смеялся.

– Ох, как жаль, что женщины не могут играть в театре, – не глядя на супругу, произнес Цезарь. – Даже не представляем, как бы ты искренне играла сексуальные сцены с этим Парисом вместо того актера, который играет супругу.

– Профессия актера постыдна.

– А изменять законному супругу не постыдно?

– Ты задавал себе тот же вопрос насчет своей законной супруги, когда ходишь в лупанарии по ночам или насилуешь всех рабынь в нашем дворце?

– Ты любишь его?

– Ты же знаешь, что нет. Я уже не знала, с кем мне переспать, лишь бы ты хоть немного приревновал.

– Тебе это удалось. Мы все можем понять, но с актером? Это низко.

– Я же знала, что твои эти фрументарии выследят меня и донесут все тебе. И я знала, что тебя зацепит этот актер.

– Еще как. Видишь ли, мы ведь уже не тот Домициан, который был до императорства. Теперь на нас висит большая

ответственность, мы ведь благословлены богами быть судьей честным и справедливым.

– Не поняла? Что ты имеешь в виду?

– А то, что за все надо платить. – Он поднялся с кафедры. – Сиди здесь, – и ушел.

Спектакль завершился, и зрители, стоя, аплодировали актерам, когда на пульпите вместе с преторианцами появился император.

– Приветствуем, римляне, нашего повелителя! – объявил устроитель игр.

Сюда вышли и рабы с сундуками под громкие аплодисменты.

– Друзья и товарищи! – обратился Домициан к толпе. – Какой чудесный спектакль сегодня все увидели. Лично мы давно так не смеялись. Но нам безумно хочется, чтобы у наших собратьев-римлян всегда было хорошее настроение и радость жизни. Вы видите эти сундуки? Это сестерции. Много сестерциев. Сегодня каждому из вас император раздаст по триста монет. Это лишь малая часть того, что мы хотим дать римлянам. Цезарь обещает: отныне хлеба и зрелищ будет становиться все больше и больше, а улыбки на ваших лицах – все шире и шире. Так что наши рабы вам выдадут подарки, но сразу считайте на месте, и если не досчитаетесь хоть одного сестерция, тут же требуйте свое.

Послышался радостный рев толпы. В это самое время к Парису подошел Фуск и взял его за руку.

– В чем дело? – спросил у главного преторианца Парис.

– Узнаешь позже.

На площади перед театром выстроились кругом преторианцы. Фуск вышел с голым Парисом, а Домициан с супругой сели в паланкин.

– Снимай паллу, – приказал Цезарь Домиции. – Раздевайся догола.

– Что? Зачем? – поразилась она.

– Мы приказали тебе раздеться. Быстро!

– Дорогой, любимый, прошу тебя, что бы ты ни задумал, не делай этого на горячую голову.

– На горячую голову? Да мы холодны как лед.

– Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что я императрица и должна быть почитаема согласно этому статусу. Если ты меня сейчас казнишь...

– Ты мать нашего сына, – прервал он ее. – Ты любовь всей нашей жизни, как ты только могла подумать, что мы тебя казним? Лишь двух людей мы любим большего всего на свете – это наш сын и ты. Видят боги, и тому они свидетели, что бы ты ни сделала, мы тебя не убьем и не отдадим такого приказа никогда.

Императрица посмотрела на него подозрительно.

– Но, – продолжил Домициан, – это не значит, что ты не должна понести наказание.

– И какое же?

– Раздевайся.

– А если откажусь?

– Тебя разденут силой, а нам бы не хотелось, чтобы собравшийся здесь плебс видел, как императрицу обещивают преторианцы.

Домиция скинула с себя паллу, оголив идеальное тело. В свои годы она выглядела как юная дева. Нежная кожа, пахнущая розами, форма груди, которой позавидовали бы все матроны Рима, да и не только матроны, и не только Рима. Округлые бедра так и манили к себе. Хотелось их гладить, не переставая. Флавий рассматривал ее и уже возбуждался.

– О боги... – протянул император. – Как же ты прекрасна. Смотрим на тебя как в первый раз. Неудивительно, что тебя хотят все мужчины Рима.

– Что дальше? Прикажешь заняться любовью с Парисом на площади перед всеми?

– Идея хорошая, но мы не настолько пошлые, в отличие от тебя. Жди, и мы тебя позовем.

– Как прикажешь.

– Замечательно.

Домициан вылез из паланкина и помахал радостно встречающей толпе.

– Всем слушать императора! – прокричал Корнелий.

До этого момента большая часть жителей Рима проходила мимо и не останавливалась, но такое заявление явно их заинтересовало. Все больше и больше зевак прибывало на площадь, но живой щит в виде преторианцев не давал им

приблизиться к Цезарю.

– Граждане Рима! – заговорил негромко Домициан. – Сегодня одно известие очень огорчило нас. Это известие касается нашей личной жизни. И хотя мы могли бы умолчать об этом и закрыть глаза на данное преступление, тем не менее, как правитель великой империи, мы не можем быть выше закона, который один для всех. На нашем примере мы показываем, что только тогда, когда каждый из нас с совестью будет выполнять все законы, мы достигнем благополучия и процветания. С малых дел начинаются великие. Все вы видите актера Париса, – и он указал на него. – Мы узнали, что он соблазнил нашу супругу, вашу императрицу, и прелюбодействовал с ней. Что ты, Парис, скажешь в свое оправдание?

– На колени! – приказал актеру Фуск.

– Повелитель! – взмолился Парис, становясь на колени. – Клянусь всеми богами, я не знал, кто она. А если бы знал, то никогда бы не прелюбодействовал с ней. Я не женат и не совершал преступления. Это она во всем виновата... это она меня обманула... скрыла, что замужем.

Послышались оскорбления в сторону Париса и недовольные крики.

– И если Парис юн и не женат, то про Домицию Лонгину такое сказать нельзя. Замужняя, мать, и она прелюбодействовала с ним! – продолжил император. – Домиция, императрица наша, выйди к нам! – объявил Цезарь.

Он только хотел было отправить Корнелия, чтобы выта-

щить ее из паланкина, как она предстала голая перед всеми на площади. Граждане охнули и затихли. Августа как ни в чем не бывало встала рядом с супругом, осматривая собравшихся.

– Что ты можешь сказать в свое оправдание? Кто кого соблазнял? – спросил Флавий.

– Парис – мужчина, и, естественно, он за все в ответе.

– Граждане Рима! – пафосно обратился к ним Домициан. – Что вы посоветуете сделать с ними, каждый из которых отрицает свою вину, перекладывая на другого?

– Казни! Казни! Казни! – скандировала толпа.

– Мы, имея полномочия претора⁶⁰, объявляем! Ты, Парис, вступивший в интимную связь с императрицей, даже по неведению, приговариваешься к смерти через *fustuarium*.

– Не-е-е-е-ет! – прокричал Парис и хотел подползти к императору. – Только не через побитие палками! Прошу, повелитель! Смилуйся! Я жить хочу! – но его остановили преторианцы.

– Граждане Рима! Вы готовы помочь нам исполнить это наказание?

– Да-а-а-а-а! – прокричали жители.

– Тогда сейчас вы получите палки – и приступайте к ис-

⁶⁰ Претор – государственная должность. Первоначально избирался один претор, но уже с 242 года до Р. Х. стало избираться два претора: городской претор (*praetor urbanus*), ведавший судебными процессами между римскими гражданами, и претор для ведения дел между римскими гражданами и чужестранцами или между самими чужестранцами.

полнению справедливости.

Сто палок размером в гладиус начали раздавать преторианцы всем желающим.

– Что же касается императрицы?! Она пешком и голой отправится во дворец, где получит пятьдесят ударов розгами. – В этот раз в толпе послышалось разочарование. – Приговор окончателен и оспариванию не подлежит! – досказал Домициан и сел в паланкин.

– Императрицу охранять по пути во дворец, повелитель? – поинтересовался Фуск, заглядывая в паланкин.

– Да, конечно, – ответил император. – Только никаких ей поблажек.

– Разумеется, владыка. Куда поедешь, во дворец?

– Позже, сейчас в храм Исиды хотим.

Шестеро рабов подняли на шестах паланкин императора и в сопровождении преторианцев отправились в одну сторону, а голая императрица с четырьмя охранниками – в другую. На площади же римляне упивались избиением палками Париса, да так, что еще долго не останавливались после того, как он уже перестал дышать.

Храм Исиды представлял собой не столь огромное и помпезное строение, как остальные храмы Рима, по той простой причине, что египетский культ матери богов Исиды – богини земли и плодородия, символическим образом которой является корова, – в столице мира не любили. Этот храм был очень популярен среди юных девушек, поскольку рядом

с ним прогуливались свободные юноши в надежде завязать знакомство. Его несколько раз разрушали, а потом восстанавливали. Последний раз он был обновлен и улучшен Домицианом, как благодарность за спасение в одеяниях слугителя Исида.

Император приехал на Марсово поле тайно, никто его не встречал. Он спокойно рассматривал со всех сторон храм и о чем-то размышлял. После долгого осмотра вошел внутрь. Завидев жреца, он потребовал отдать ему свои одеяния. Облечившись и закутавшись в них поверх пурпурной тоги, он стал молиться вслух:

– Богиня Исида, четырнадцать лет назад ты меня спасла, и я верю, что не просто так. Направь меня, укажи правильный путь, не допусти ко мне горе и несчастье. Я богобоязненный правитель и делаю все, чтобы количество храмов увеличивалось. Ведь не для себя я их создаю, но для всех и иду на жестокие действия только ради порядка в империи. Дай знак, Исида! Дайте знак, о боги Рима. Дайте знак равному вам, дайте знак свыше, что я все делаю правильно. Дайте знак богу Домициану Флавию!

Лишь к вечеру Цезарь прибыл во дворец, где все выглядело безлюдно и слишком тихо. Только префект преторианцев и личный спальник императора двадцатипятилетний Парфений встретили его, поклонившись.

– Добрый вечер, мой господин, – заговорил спальник.

– А-а-а, Парфений! – протянул Цезарь, после чего повер-

нулся к Фуску. – Корнелий, ты нашел оракула, о котором мы просили?

– Ищу, повелитель! Видимо, на данный момент его нет в Риме.

– Ты свободен! – отпустил он Фуска и обратился к Парфению: – Все нормально? Как-то слишком уныло здесь, даже для нас.

– Э-э-э...

– Что э-э-э? Где Домиция?

– Она в покоях Домициана-младшего, господин.

– Что с ней? Она в порядке?

– Не совсем, владыка.

Флавий бросился к кубикule сына и, ворвавшись туда, обнаружил на кровати супругу в объятиях Домициана-младшего. Кроме нее, там не было никого. Парфений поклонился и тут же выскользнул в коридор.

– Что ты тут делаешь? – спросил император. – Наказание еще не закончено! Мы не разрешали приближаться к нашему сыну. Отправляйся в свои покои и жди дальнейших распоряжений! Да и как ты посмела распустить эскулапов и рабынь без нашего ведома?

– Мне безразличны твои приказы! – встала и произнесла заплаканная Лонгина. – Мне безразличен ты! Можешь казнить меня или разрушить этот проклятый дворец, сожги хоть весь Рим – мне все без-раз-лич-но!.. – уже прокричала она и зарыдала.

– Голой прошлась и решила, что конец света настал? Ну, так мы и сами ходили голышом по улицам Рима, когда спасались из храма Юпитера, и ничего, живы, как видишь, трагедию из этого не устраивали.

– Дом... наш сын умер.

– Что? – Домициан замер. Как гром среди ясного неба раздалась эта новость. Он медленно подошел к кровати и приблизил свое лицо вплотную к сыну. Домициан-младший выглядел спящим, если бы не белоснежного цвета лицо. – Домициан? Сынок? – Начал он трогать за его плечо. – Проснись, сын, это же я, твой отец! Домициан? Ты слышишь меня? Сынок? Очнись! Ты ведь не можешь умереть, верно? Боги не позволят тебе умереть, ты же продолжатель рода Флавиев. Ты будущий великий римский император. Проснись, хватит шутить так, ты же знаешь, как твой отец не любит шутки и розыгрыши. Домициан?

Но сын не открывал глаза и даже не шевелился. Живот его не двигался от дыхания, а голова опрокинулась набок.

– До-ми-ци-ан!!! – так вдруг истерически прокричала Домиция, что даже император дернулся и отпрянул назад. Ее крик был слышен на весь дворец. Она снова бросилась к сыну и, обняв его, стала рыдать.

Домициан выскочил в коридор, но там даже рабов не было.

– Это что, заговор? – сам у себя спросил император. – Где все? – закричал в обе стороны и достал кинжал. – Стефан?

Клодиан? Парфений? Эпафродит? – Появилось двое преторианцев.

– Быстро пришлите ко мне кого-нибудь... нет... лучше приведите Фуска, – приказал Август.

В это время подошел Парфений с опущенной головой.

– Где ты был? Я звал тебя! – спросил его император.

– Повелитель, прости меня, – и он упал на колени. – Все так испугались, что разбежались кто куда. Эскулапы, когда увидели, что... Домициан-младший... выпрыгнули в окно. Двое убежали, а один разбился. Даже я запаниковал. Но вернулся, так как мой долг – быть всегда рядом с моим повелителем, даже если мне жить осталось немного.

– Хватит нести чушь! Во дворце остался хоть один эскулап?

– Я сейчас найду, владыка, – и он убежал.

Домициан вернулся в кубикулу и тоже сел рядом с сыном.

– Дом, что же нам теперь делать? – спросила, рыдая, Домиция.

– Он при тебе умер?

– Да.

– Что говорили эскулапы, перед тем...

– Что у него лихорадка.

– Лихорадка или его отравили?

– Отравили?

– Разве ты не понимаешь, разве ты не видишь? – Встал и начал метаться Цезарь. – Все хотят моей смерти! Они уби-

ли моего наследника, а теперь захотят уничтожить и меня. Мне не на кого положиться, даже на самого близкого человека вроде тебя. Ты вчера предала меня с Парисом, сегодня отравили моего сына. А что завтра? Я ведь только из храма приехал, молился, просил знаков... и тут такое. Даже дворец пустой стал. Все испугались, будто я, деспот и тиран, сейчас всех казнию просто так?! Они меня не знают, не понимают, ведь все мои поступки имеют очень глубокий смысл.

– Никакого смысла в твоих действиях я лично не вижу...

– Значит, так, Домиция Лонгина, – резко остановился он и холодно посмотрел в глаза, – я с тобой развожусь! После церемонии похорон сына ты покинешь дворец, так как я не хочу больше видеть тебя и слышать. Отныне ты мне такой же враг, как и все!

Глава IX

Двое всадников и девушка за спиной одного из них на черных лошадях скакали по вымощенной булыжником Лабиканской дороге⁶¹ соединяющей Рим с юго-востоком Италии.

У Эсквилинских ворот⁶² они остановились. Эти ворота представляли собой квадратное строение из травертина⁶³ с большой аркой (высота – 16 локтей, ширина – 8 локтей) и с двумя маленькими боковыми проходами. Защищала столицу мира Сервиева крепостная стена⁶⁴, которая была построена шестым царем Древнего Рима Сервием Туллеем, правившим в 578—535 гг. до Р. Х. Ему приписывают множество реформ и активную строительную деятельность, которая спустя столько столетий вызывала восхищение. Эта стена превосходно защищала от врагов, которые теоретически могли бы подойти к Риму и осадить его, но на практике в мире на данный момент не было ни одного врага, могущего с войском хотя бы приблизиться к Вечному городу. Сервиева стена была возведена из блоков туфа⁶⁵, ее длина состав-

⁶¹ Via Labicana.

⁶² Porta Esquilina.

⁶³ Известковый туф.

⁶⁴ Murus Servii Tullii.

⁶⁵ Легкая цементированная пористая горная порода.

ляла 55 стадий, высота – 23 локтя. Стена окружала территорию площадью около 426 гектаров, включавшую холмы Рима: Капитолий, Палатин, Квиринал, Виминал, Авентин, Целий и Эсквилин.

– У меня смешанные чувства, Меланкомос! – произнес Туллий, прыгивая с лошади. – Я и рад снова увидеть Рим, но в то же время мне горько вспоминать все то, что здесь со мной происходило, – и он помог Опойе встать на землю.

– Лучше сконцентрируйся на главном, – ответил Меланкомос и спрыгнул с лошади. – Хотя эта стена и носит название в честь царя Туллия, тем не менее для Рима ты должен забыть это имя. Никто даже не должен догадываться, кто ты на самом деле.

– Ну и кем мне быть?

– А что, мало имен на свете?

– Клитус, я буду Клитусом.

– Хорошо. И еще мы с тобой заходим по отдельности.

– Это еще почему?

– Не надо, чтобы кто-то знал, что я с кем-то. Мало ли кому они показывают записи вошедших в город. А я личность известная.

– А если я не пройду?

– Выкручивайся сам, юнец.

Они с лошадьми подошли к воротам, где при входе стояли милесы и проверяли прибывавших. Пришлось простоять в очереди часа четыре.

– Имя и цель прибытия в Рим? – спросил стражник у грека.

– Я Меланкомос, Олимпийский чемпион и чемпион Римских гладиаторских игр.

– Да, точно, я тебя знаю! С прибытием, чемпион. – Улыбнулся милес и пропустил его.

– Имя и цель прибытия в Рим? – спросил уже стражник у Туллия.

– Я Клитус, а это моя рабыня Опойя. Давно мечтал увидеть самый лучший город в мире!

Несколько милес уставились на него, внимательно изучая.

– Только лишь увидеть? – вновь спросил страж. – Есть документы, подтверждающие твое имя, гражданство и собственность на эту рабыню? Откуда ты? Что у тебя в мешке на плече?

– Я? Я из Греции... и я потерял где-то папирусы...

– Вечные отговорки! Здесь каждый третий без документов пытается попасть в Рим. И знаешь, что мы в таких случаях говорим?

– Что?

– Следующий!

– Нет, нет, прошу! Мне очень надо попасть в Рим. Я ради этого и приехал из далекой Греции.

– Чтобы просто увидеть Рим, да?

– Не совсем.

– А что тогда?

– Хорошо, я скажу. Просто мне шестнадцать лет, и я не хотел об этом во всеуслышание говорить...

– Да говори уже, шестнадцатилетний греческий атлет.

– Я приехал посетить лупанарии. Да, лупанарии. Все в Греции говорят, что в Риме лучшие простибулы во всей империи.

Милесы рассмеялись.

– А тебе мало твоей рабыни? – хохотал стражник. – Или ты любитель оргий?

– Да, любитель.

– Эх, где мои шестнадцать лет?!

И милесы вновь расхохотались.

– Я вам дам денарии, но не за вход в город, так как взятки незаконны, а за то, что вы мне подскажите, где самый лучший и чистый лупанарий.

– Сколько?

– Десять.

– Шестьдесят.

– Сорок.

– Но на лошади нельзя ездить по городу в дневное время, так что придется ее оставить на стоянке лошадей и оплатить содержание.

– Не проблема. Вот вам ваши монеты. Так какой здесь лучший лупанарий?

– А нам откуда знать? Мы порядочные римляне, – и вновь хохот. – Сам ищи.

Туллий оставил лошадь и отправился с Опойей внутрь города по дороге Субуры⁶⁶. Он осматривался по сторонам в надежде найти своего друга грека, но того и след простыл.

– Куда мы пойти, господин? – спросила Опойя.

– Надо бы найти мансион⁶⁷. Ты, наверное, очень голодна?

– Ничего страшного, господин.

– Вообще-то нам надо к сенатору на Квиринал... – Начал вспоминать план города. – Так, значит, мы сейчас на Эсквилине... Отлично, это соседний холм. Правда, встреча назначена на завтра. Ладно, пойдем сразу на Квиринал и поищем жильё заодно.

Дороги за пределами Рима были просто колоссальные: широкие, 12 локтей, выложены булыжником, вдоль них разрастались могилы и усыпальницы римлян. В самом же Риме дела обстояли иначе. Улицы в большинстве случаев до сих пор оставались простыми проходами⁶⁸ или тропинками⁶⁹, ширина которых – 7 локтей. Узость проходов усугублялась тем, что они делали еще больше извивов, потому что на «семи холмах» им приходилось взбегать или спускаться по весьма крутым склонам, откуда и происходит слово *clivi* – спуски, присвоенное многим из них: *clivus Capitolinus*, *divus Argentarius* и другим. Наконец, ежедневно загрязняемые му-

⁶⁶ *Clivus Suburanus*.

⁶⁷ Мансион – гостиница.

⁶⁸ *Angiportus*.

⁶⁹ *Semitae*.

сором из прилегающих инсул, они не содержались в должном состоянии, в каком предписал им Диктатор⁷⁰ Юлий Цезарь в законе, вышедшем после его смерти, а кроме того, во все не всегда были снабжены тротуарами и мостовой, которые тогда же попытался им навязать диктатор. Этот закон гласил: «Собственникам жилья, чьи строения выходят на общественную улицу, необходимо чистить ее перед входом и вдоль стен, иначе штраф». Тогда же собственники придорожных инсул получили разрешение пристраивать на верхних этажах балконы. На деле же этот закон не слишком-то и пытались выполнять, так как грязь и мусор лежали повсюду. В общем и целом улицы Рима образовали скорее хаотическое нагромождение, нежели сколько-то стройную систему. Они никогда не рвали связи со своими отдаленными корнями, продолжая сохранять верность традициям, лежавшим в основе их, тогда еще деревенского, возникновения: тропы, по которым могли передвигаться только пешеходы⁷¹; подъезды, которыми могли пользоваться карруки в один ряд⁷² и, наконец, такие дороги, на которых могли разехаться или

⁷⁰ Диктатор в Древнем Риме – чрезвычайно уполномоченное должностное лицо (магистрат) в период Республики (V – вторая половина I в. до Р. Х.), назначавшееся консулами по решению сената максимум на 6 месяцев при крайней необходимости (внутренних неурядицах, военного вторжения и т. д.), когда признавалось необходимым передать власть в руки одного лица.

⁷¹ Itinera.

⁷² Actus.

обогнать друг друга две карруки⁷³.

Юлий Цезарь осознал, что на столь крутых, узких и оживленных улочках движение каррук, неизбежное в связи с удовлетворением потребностей сотен тысяч жителей, привело бы среди дня к мгновенной закупорке и было бы источником постоянной опасности. Этим и объясняются радикальные меры, на которые он пошел, что и знаменуется его посмертным законом. После восхода солнца и вплоть до самых сумерек перемещение каррук внутри Рима более не допускалось. Те, что вошли сюда в течение ночи и оказались застигнуты рассветом прежде отправления, имели право лишь на то, чтобы стоять пустыми. Это правило, впредь не отменяемое, допускало лишь четыре исключения. На улицы допускались: в дни торжественных церемоний – карруки весталок, царя священнодействий и фламинов; в дни триумфа – карруки, без которых нельзя было обойтись в процессии победы; в дни общественных игр – те карруки, которых требовали эти официальные празднования. Кроме этих случаев, определенных весьма точно, в Риме было разрешено передвигаться лишь пешеходам, верховым (когда нет праздников), обладателям паланкинов и портшезов⁷⁴. Так что неважно, идет ли речь о бедных похоронах, отправляющихся в путь с наступлением вечера, или о пышной погребальной процессии, начинающейся среди бела дня, будут ли впереди следо-

⁷³ *Viae*.

⁷⁴ Портшезы – легкое переносное кресло, в котором можно сидеть полулежа.

вать флейтисты и рожечники, а позади – нескончаемая вереница родственников, друзей и наемных плакальщиц⁷⁵. Мертвецы, помещенные в свой собственный гроб⁷⁶ или на простых носилках, которые несли на себе *vespillones*, отправлялись к костру, где им предстояло быть сожженными, или к могиле, где их прах должны были предать земле.

После пожара 64 года от Р. Х., во время которого погибла большая часть города, Нерон вознамерился вновь отстроить уничтоженные огнем строения по более разумному плану: улицы стали прямы и широки, дворы – открыты, здания из мрамора и не выше определенной меры, лицевая сторона их была украшена портиками. Меры, предпринятые императором, касались главным образом центральных улиц. Полной перепланировки столицы предпринято не было, что вряд ли было возможно также и в силу густоты заселенности Рима и запутанности его стародавних кривых улиц.

Далее, после пожара 80 года от Р. Х., когда опять пострадал Рим, император Тит начал улучшать дороги и улицы, а теперь уже за дело взялся и Домициан.

На данный момент создавалось впечатление, что абсолютно весь город преобразуется, так как на каждой улице велись строительные работы либо реконструкции. Шум и гам были слышны со всех сторон. Неудивительно, что многие граждане просто закрывали уши руками и так шли по своим делам.

⁷⁵ Praeficae.

⁷⁶ Capulurri.

Повсюду царили оживление и беспорядочная толкотня. В тавернах полно народу после того, как их открывают и удлиняют выставленными наружу лотками. Здесь же, прямо посреди проезжей части, бреют своих клиентов брадобреи. Сюда идут разносчики из *trans Tiberim*⁷⁷, меняя на стекляшки свои пакетики с пропитанными серой спичками. Там торговцы, охрипшие из-за того, что им приходится зазывать глухих ко всем призывам клиентов, выставляют на обозрение дымящиеся колбасы в горячих сосудах. Тут же, прямо на улице, пытаются перекричать весь город школьный учитель и его ученики. С одной стороны меняла звенит на нечистом столе своими запасами монет с портретом Домициана, с другой золотобит, работающий с золотым песком, сдвоенными ударами постукивает блестящей киянкой по камню. На перекрестке зеваки, собравшиеся в кружок вокруг заклинателя змей, выражают ему свое восхищение. Повсюду звучат молотки медников и голоса бездомных, пытаюсь разжалобить прохожих именем Юпитера или скорее воспоминаниями о множестве жизненных трагедий. Причем, судя по их рассказам, все они воины – герои знаменательных битв, чемпионы гладиаторских боев или члены бывших царских и императорских династий.

⁷⁷ Трастевере (итал. *Trastévere*, от лат. *trans Tiberim* – «за Тибром») – район на западном берегу Тибра в Риме. Занимает восточный склон холма Яникул. В глубокой древности этим берегом Тибра владели этруски; затем здесь селились иностранцы, преимущественно сирийцы и евреи. Октавиан Август выделил его в отдельный район города.

Прохожие же продолжали течь непрерывным потоком, не обращая внимания на препятствия. Весь без исключения город вывалил наружу, люди перли друг на друга, кричали и толкались, по солнцу или в тени. Идущая впереди толпа не давала двигаться быстрее Туллию и Опойе, будто специально замедляя шаг. Толпа, что за ними, наступала им на пятки. Кто-то толкал их локтем, другой пихал брусом, третий тянул за тунуку, пытаясь ее порвать, четвертый трогал торс и щипался. Конечно же, в такой толчее легко работалось ворам.

Минуя все эти препятствия, Флавий с рабыней оказались на Квиринале – самом высоком холме среди всех семи холмов вечного города. Он был назван в честь Квирина – италийского бога, считавшегося обоготворенным прародителем Ромула, основателя Рима. Недолго блуждая улицами, они очутились возле виллы сенатора. Туллий почесал затылок, решаясь, постучать в двери или нет, решил все же не злоупотреблять гостеприимством и только хотел было уйти, как услышал педисекв⁷⁸:

– Дорогу сенатору Гнею Сервию!

Паланкин остановился прямо у входа на виллу, и оттуда выглянул Гней:

– Туллий? Ты рано!

– Да, я понимаю, просто я только приехал и должен был проверить адрес...

– А то я вдруг тебя решил обмануть! – съязвил сенатор.

⁷⁸ Педисеквы – рабы, возвещающие по дороге имя своего господина.

– Нет... это не так... – засмутился тот.

– И, конечно же, ты голову не покрыл, как я советовал, и спокойно разгуливаешь по Риму в поисках приключения, да?

– Нет... я...

– Где остановился?

– Сейчас буду искать мансион.

– Понятно, – и сенатор вылез из паланкина. – Заходи, у меня переночуешь.

– Нет, благодарю! – отказался Туллий. – Я не хочу быть обузой никому.

– Сами боги прислали меня домой именно в то время, когда ты здесь стоял. Судьба ли это? Так что заходи, пока тебя не обнаружили.

– Сенатор, ты явно меня переоцениваешь. Кроме Домициана и его близкого окружения, меня никто не знает в лицо.

Через ворота пронесли пустой паланкин, а за ним прошли педисеквы и Сервий с гостями. В саду виллы три фонтана струились между статуями античных героев. За ними расположился неглубокий бассейн. Вилла представляла собой прямоугольное строение длиною в стадию, с большим перистилем⁷⁹ в центре и двумя выступающими корпусами. Западный выступ с террасой и бельведером обращен к Мар-

⁷⁹ Перистиль – открытый внутренний двор для личной жизни семьи. Окружен колоннами, поддерживающими крышу. В перистиле обычно находилось помещение для домашних богов – ларарий (lararium) или сакрарий (sacrarium).

сову полю. Помещения нижнего этажа заглублены в землю. Вдоль коротких сторон здания находились жилые кубиккулы, а вдоль длинных – криптопортики и коридоры. Вилла имела ступенчатый силуэт, так как ее верхние этажи несколько отступали от края, образуя террасы с портиками и экседрами.

– Проходите, будьте как дома, – произнес сенатор, приглашая в атрий.

– Очень красивая вилла, мне нравится, – сделал комплимент Туллий.

– Благодарю! Приятно это слышать от человека, который вырос во дворце. Тем более я заплатил за нее огромную сумму в пятьсот тысяч денариев. Ведь старая родовая наша вилла погибла в огне три года назад. – После чего обратился к рабам: – Подготовьте кубиккулу для нашего почетного гостя, – и вновь спросил у Флавия: – Твою рабыню отправить к остальным рабам или с ней будешь спать?

– Буду с ней.

– Что за шум, отец? – Появилась девушка с большим животом и в тонкой палле.

Если бы не живот, то она была бы эталоном римской моды. Тонкие черты лица, огромные голубые глаза и светлые волосы придавали облику этой семнадцатилетней девицы красоту богини.

– А, Лукина! – Засветился от радости Гней. – Познакомься, это Туллий Флавий, приемный сын божественнейшего императора Тита Флавия!

– Так, значит, это ты меня сделал вдовой? – странно спросила девушка у Туллия.

Флавий замешкался. Здесь же появилась Оливия.

– Опять ты? Ты мне приносишь несчастье с самого первого момента, когда украл у нас лимоны.

– Мне жаль, что я лишил вас лимонов... и Авла, – строго выговорил Туллий.

– Да, лимоны было жаль, – рассмеялся сенатор. – Моя дорогая супруга хотела сказать, что она сильно перенервничала в ту кровавую ночь на вилле и все же хочет высказать благодарность Туллию Флавию за то, что он спас наш род от Авла. Да и дочь так радуется. Если бы не ты, то, мне кажется, она и сама его зарезала бы вскоре.

Лукина тоже рассмеялась.

– Авл хотел отравить тебя, супругу убить, а... – начал было Флавий.

– Я знаю, – спокойно перебил его Гней. – Мне все донесли. Авл даже успел Домициану послать письмо, о котором я не знал. Пришлось выкручиваться перед императором как мог, и теперь Цезарь дал мне время до календ сентября, чтобы я принес твой труп, иначе меня казнят.

– Что? – поразился Туллий. – Как так?

– Отец? – испугалась дочь. – Что ты такое говоришь?

– Это правда, Гней? – спросила Оливия.

– Правда, но не бойтесь. У меня есть план.

– Сдать меня? – поинтересовался Флавий.

– Нет, что ты. – Улыбнулся Сервий. – Я все устрою, но нужна какая-то вещь... Может быть, есть у тебя то, что дарил тебе когда-то Тит? Или знаки на теле, какие-то особенности?

– Есть, – и Туллий вытащил свой серебряный кинжал. – Это родовой кинжал Флавиев. Предсмертный дар моего отца.

– Да, я помню, ты уже показывал мне его.

– Но я не могу его отдать, это все, что осталось у меня от Тита. Он бы не простил мне...

– Сынок, я все понимаю, – положил ему руку на плечо, – но на кону не только твоя жизнь, но и всей моей семьи. Мы должны сделать так, чтобы Домициан тебя похоронил и забыл раз и навсегда. Только когда он успокоится, мы сможем придумать идеальный план его убийства. Нанесем удар тогда, когда он меньше всего будет ожидать. Но для этого нужны жертвы, и мы все чем-то пожертвуем.

– Как ты разыграешь мою смерть? – Туллий протянул кинжал Сервию, и тот взял его.

– Позже узнаешь, а пока можешь отправиться в кальдариий, помыться с дороги и отдохнуть в кубикеле.

На обед Туллий вышел в белой тоге, одолженной Гнеем. Он возлег за столом и лишь молча наблюдал, как семья Сервиев общалась между собой и шутила. Мысль была одна: «Какие же они счастливые, когда есть близкие и любящие их люди». Сенатор заметил грусть на лице Флавия.

– Туллий, попробуй к рыбе вот этот соус гарум.

– Благодарю, я люблю гарум. А он с чем?

– Анчоусы, уксус, соль, оливковое масло, перец и вино, – ответила за супруга Оливия. – Это Гней их любит. А я люблю с тунцом. Моя дочка – с моллюсками и ароматными травами. Вообще, если бы вы только знали, как тяжело этот соус делается...

– Мама, ты уже сто раз об этом говорила. – Закатила глаза Лукина.

– Это тебе я говорила, а вот Туллий, наверное, не знает. Так вот, гарум готовится из крови и внутренностей рыбы путем ферментации, которая проводится в неглубоких каменных колодцах под действием солнца в течение трех месяцев. Соусом гарум является прозрачная жидкость, которая образовывается на поверхности рыбной субстанции. В городах его не производят из-за сильного специфического запаха. Да и продают его всегда запечатанным в маленьких глиняных сосудах.

– Очень поучительно, Оливия, – произнес Сервий. – Только эти рецепты интересны лишь женщинам.

– И это говорит сенатор, который все про все должен знать?!

– Думаю, в сенате вряд ли начнутся слушания по поводу приготовления гарума. Тебе надо создать женский сенат.

Все, кроме Оливии, рассмеялись.

– Матроны лучше бы управляли империей, чем вы, любящие гулять налево и направо, мужчины.

– Не нервируй меня, дорогая супруга, а лучше займись своими домашними делами, – довольно строго сказал Сервий. – Я *pater familias*⁸⁰ и делаю всегда только то, что считаю нужным и необходимым.

Оливия хмыкнула, встала и гордо удалилась.

– А соус действительно хорош, – попытался разрядить обстановку Туллий.

– Завтра у нас будет серьезное собрание, поэтому мою супругу отправлю в театр Марцелла, – не то сам себе, не то всем объявил Гней. – Лукина, если хочешь, можешь с ней поехать.

– Нет, отец, с животом уже тяжело мне передвигаться. Я просто закроюсь в своей кубике.

– Ты можешь присутствовать, если интересно. В отличие от твоей матери ты умная.

– Тогда мне интересно... – и она начала разглядывать Флавия. – ...Интересно же наблюдать за тем, как Туллий идет к императорскому трону.

В августовские иды на вилле у Сервия стали собираться гости. В основном это были сенаторы и несколько патрициев из уважаемых и древних семей. Но главной неожиданностью

⁸⁰ *Pater familias* (отец семейства) – глава патриархальной семьи. Изначально власть отца семейства была безгранична, а остальные члены семьи были полностью бесправны, но затем римское право стало признавать их права. Ослабление власти отца семейства было следствием изменения римского семейного права, развития торговли, предполагавших определенную самостоятельность взрослых членов семьи.

для многих, безусловно, было появление здесь Марка Нервы.

– Надеюсь, Гней, я не зря проделал столь длинный путь в эту жару, чтобы отведать твое и мое любимое белое фалернское вино, – произнес Нерва, скидывая с себя тогу. – Когда оно настоится в меде, то становится очень крепким и сладким.

– Конечно, Марк, у меня его вдоволь.

– Оно же очень дорогое. Самое дорогое. В четыре раза дороже всех остальных сортов.

– Я в курсе.

– Я просто очень люблю вина и терпеть не могу «Кровь лозы». Оно быстро плесневеет в амфорах, поэтому приходится разбавлять горным медом либо водой, как в тавернах. А плебеи, вы не поверите, – и он расхохотался, – разбавляют вино водой из Тибра, чтобы не было столь кислым.

– Да, мы слышали об этом. Сейчас принесут наше вино. Итак, все уже собрались, а нас сегодня почти шестьдесят человек...

– Нет, не все, – перебил его Нерва. – Я позволил себе от твоего имени пригласить еще одного очень важного и влиятельного человека.

– Кто это? И почему я узнаю об этом только сейчас?

– Не волнуйся, друг, ты же мне доверяешь точно так же, как и я тебе?! А разве мы когда-то подводили друг друга?

– Что же, надеюсь, этот незнакомец не Домициан?! – Послышался хохот гостей. – Друзья! – продолжил Сервий. – Во-

первых, благодарю, что вы все отозвались на мое предложение и прибыли сюда в столь мрачное для нас время. Во-вторых, на данный момент лишь мы с вами реальная оппозиция императору...

– Я не думаю, что Нерва – оппозиция, – заявил один из сенаторов. – Он не только самый близкий друг Флавиев из оставшихся живых, так еще и очень близок к Домициану. Не рискуем ли мы возлежать с ним за одним столом?

– Ваши опасения мне понятны, сенаторы, – ответил Марк, наливая вино. – Но наши отношения с императором лежат в руинах. Мы давно уже не любовники. Да и чаще всего он старается избегать меня. Никаких должностей не дает... даже места в сенате меня лишил. Его изменила должность императора в худшую сторону.

– А если он сейчас предложит должность консула, как пример? Ты опять будешь с ним?

– Нет, я человек очень и очень злопамятный. Веспасиан и Тит всегда с уважением ко мне относились, с почетом. А Домициан... он предал меня. Больше мне нечего добавить.

– Марк, – обратился к нему Гней, – а ты хорошо помнишь Туллия Флавия?

– Конечно, он рос на моих глазах. А что?

– Что ты о нем нам можешь рассказать?

– Ребенок как ребенок. Всегда в тени Тита был. Про него можно сказать, что малец неконфликтный, спокойный, уравновешенный. Хорошо учился. Правда, замкнутый немно-

го... Но безумно красивый, Аполлон отдыхает, да простит меня этот бог! Тит его любил, но кто же знал, что это приемный сын?! Домициан так мечтает его поймать. Однако, как ни прискорбно это звучит, я не думаю, что Туллий жив.

– Ты же помнишь, как он выглядит?

– Что за странный вопрос, я же говорил – он вырос при мне.

– Туллий! Зайди к нам, – объявил Сервий.

Все гости вытаращились на входящего в атрий Флавия и замерли.

– У меня вопрос к тебе, Нерва. Просто спрашиваю для себя, на всякий случай. Это действительно Туллий? – поинтересовался Гней.

Марк, пораженный увиденным, приблизился к Туллию и стал трогать его лицо, будто хотел снять с него маску. Затем потрепал волосы и произнес:

– Мальчик мой, Туллий! Ты жив?! – и обнял его крепко.

– Дядя Марк! – Флавий обнял в ответ.

– Хвала богам... Как же ты выжил? Почему ко мне не пришел? Я никогда не выдал бы тебя Домициану.

– Я чуть не погиб, меня спасли и доставили в Тарент. Там и выживал. Безопаснее всего было находиться вдали от Рима, пока я не наберусь сил.

– О боги... – Нерва не знал, на кого смотреть. – Так вот, значит, какой у вас план. Домициана заменить Туллием?! – и он рассмеялся. – Гениально, Гней, просто гениально.

– Гениальность не в придумывании плана, а в его реализации, – ответил Сервий.

– Да, ты прав.

– Ну что же, Туллий, поздравляю. – Улыбнулся ему Гней. – Тебя опознали.

Довольный Флавий возлег рядом с Нервой. В атриум появился номенклатор:

– Господин, пожаловал еще один гость!

– Пусть входит, – разрешил Сервий.

Когда же этот гость вошел, лица у многих присутствующих побледнели. Они хотели уже бежать во все стороны не оглядываясь, даже через окна. Казалось, их бы не остановил и тот факт, что вилла находилась частично в холме. Даже Туллий сглотнул и тоже стал подумывать уже о побеге.

– Ну, надо же, – удивился спокойный Гней, – сама императрица к нам пожаловала!

– Проходи, возлежи, Августа. – Бросился помогать ей Нерва.

Она в черном пеплуме молча возлегла с Марком и только тогда заметила Туллия.

– А, ясно, – лишь выдавила из себя Домиция. – Вот из-за чего нужно было это собрание.

– Я не понимаю... – еле слышно произнес Флавий. – Она ведь...

– Императрица! – начал было Сервий.

– Уже нет, Гней! – парировала Августа. – Домициан раз-

велся со мной и изгнал из дворца! Или до тебя еще не дошли эти сведения?

– Прими мои искренние соболезнования по поводу смерти сына. Он был столь юн. . .

– Домициан-младший умер? – поразился Туллий. – Как? Почему?

– Тебе какое дело до этого? – резко ответила ему Лонгина. – Наоборот, радуйся, прямого наследника у Домициана больше нет. Остались только двое родственников со стороны Сабина, но они ничтожества оба, впрочем, как и ты.

– А как моя сестра Юлия поживает? – не реагировал на оскорбления Флавий.

– Живет с матерью на вилле. Но она тебе не сестра, ведь, в отличие от тебя, она настоящая дочь Тита Флавия, его кровь, его плоть.

– Так чем мы можем помочь тебе, Домиция? – вмешался в разговор Сервий. – Сегодня развелся Домициан, а завтра вновь поженится. Насколько мне известно, вы и раньше так конфликтовали.

– В этот раз все по-другому. Он унизил меня при всех, когда после театра отправил голый идти во дворец.

– Да, это грустная история. К тому же публично убил твоего любовника.

– Да Плутон с ним, с любовником тем. Домициан публично оскорбил меня перед плебеями, перед этой чернью. Знаешь, что они кричали? Казни ее! А он ведь мог это сделать,

мог исполнить просьбу плебса... Домициан должен умереть, иначе умру я.

– А вдруг это все ловушка? – предположил один из гостей. – Вдруг ее сюда специально подослали, а завтра список с нашими именами попадет в руки императора и он нас сразу казнит?

– Да как ты смеешь обвинять меня в том, что я, прикрываясь смертью моего сына, участвую в разоблачении заговора? Да проклянут тебя все боги Рима!

– Прости его, Домиция. Мы все очень рискуем... – заступился Гней.

– А я не рискую, возлежа за одним столом с этим... Туллием?

– Мы все обеспокоены тем, куда катится наша любимая империя, и если не остановить Домициана, то Нерон останется далеко позади.

– Это да, он уже обдумывает, как расформировать сенат и разрушить Курию Юлия.

Сенаторы охнули.

– А недавно я был на ужине у императора, – заговорил Нерва. – Так там он убил Мария, стража Юпитера Капитолийского, который спас его во время правления Вителлия. Просто и хладнокровно выпустил стрелу в своего спасителя, но перед этим долго слушал его воспоминания и обещал покровительство и заботу.

– Итак, уже ясно, что с каждым последующим днем До-

мициан будет становиться все безумнее, – заявил Сервий.

– И что мы можем? – спросил один из сенаторов. – Нас слишком мало. Даже здесь и сейчас присутствуют лишь тридцать восемь сенаторов из шестисот.

– Но какие тут сенаторы и какие тут люди! Лучшие из лучших!

– Каков план? – спросил Нерва.

– Его еще нет. Он только зарождается. Домициан осторожен и всегда наготове. Он сейчас покинет Рим и будет жить на разных виллах как можно дальше отсюда. Мы не сможем успешно действовать за пределами Рима. Надо, чтобы завершилось строительство его дворца, и тогда он будет там постоянно жить, расслабится и пропустит наш разящий удар. У нас будет лишь одна попытка, и мы ее используем.

– Домициан не успокоится, пока не схватит Туллия.

– Я решу эту проблему. Завтра Домициан похоронит Туллия Флавия навсегда.

– Как?

– Чем меньше знаете, тем крепче спите.

– Но мы должны знать, иначе зачем мы собрались?

– Вы должны знать лишь только то, что важно. Я же сказал, что это уже не проблема.

– Что далее?

– Предлагайте! Не я ж один должен думать за всех. Все же тут заинтересованные и умные люди.

– Я приехала сюда со своим слугой Стефаном, – заявила

Лонгина. – Ему вы можете полностью доверять. Несмотря на то что он остался во дворце, так как лишь он один развлекает и веселит Домициана, он все равно предан только мне.

– А разве Цезаря можно чем-то развеселить и развлечь? – поинтересовался один из гостей.

– Как ни странно, можно, но очень редко. Чаще всего он уединяется сам с собой и запирается надолго.

– Пропажу слуги не обнаружит император? – поинтересовался Марк.

– Он знает, что Стефан помогает мне с переездом.

– А он сможет отравить императора?

– Это вряд ли. Домициан ничего не будет принимать в пищу без дегустаторов. А после еще долго ждет последствий, прежде чем есть.

– Ночью его сможет зарезать Стефан? – спросил один из гостей.

– Нет, его спальник Парфений всегда наготове, да и много преторианцев у дверей и в коридорах.

– Может, нам его переманить?

– Пробуйте.

– Это все хорошо, но не на данном этапе, – прервал всех Сервий. – Как я и сказал, нужно время.

– Тогда мы зря сегодня приехали! – расстроился Нерва, опустошая очередной кубок вина.

– Не зря. Это наша первая встреча из сотни других. Сегодня мы, так сказать, познакомились снова и объединились.

Все на одной лодке плывем к намеченной цели – убить Домициана, а затем сенат провозгласит новым императором Туллия. SPQR – Сенат и Народ Рима примет это решение с благоговением, так как все до сих пор скучают по правлению Веспасиана и Тита Флавиев. А Туллий будет продолжателем их политики.

– Может, у Туллия спросим, как он это все видит? – поинтересовался Марк.

Все гости устали на Флавия.

– Мне главное – отомстить Домициану за убийство моего отца, Тита. Именно убийство, так как он отравил его, – ответил он.

– Это все понятно. Ну а после того, когда станешь императором?

– Я сделаю всех вас своими советниками и буду править вместе с Римским сенатом.

– То есть ты за республиканский устрой?

– Эм... да... именно... республиканский, – растерялся Туллий.

Этот ответ почти всех обрадовал. По радостным лицам можно было все прочитать.

– Ой, да ладно, он вам сейчас скажет, что вы только захотите услышать. Ведь все такие хорошие до прихода к власти, – съязвила Домиция. – А потом становятся тиранами. Хотелось бы верить, что Туллий вообще знает, что такое республика, но лично мне не нравится вариант с ним. Мы долж-

ны рассмотреть несколько кандидатов.

– Например? – спросил Сервий.

– Сабинов, младшего или старшего.

– Ты же сама говорила, что они ничтожества.

– Тем легче будет ими управлять.

На сей раз сенаторы задумались.

– Вариантов много, конечно же, – стал размышлять Нерва. – Но Туллий – лучший кандидат. Он ведь Флавий, пусть не по крови, но по имени, – и он подмигнул ему.

– Тем более, – продолжил Гней. – Даже невооруженным взглядом видно, что Домиция явно не любит Туллия. Не знаю, что у вас произошло, да и не хочу знать, но мы должны придерживаться основного плана. А в нем Туллий – главный претендент.

– Может, проголосуем? – предложил Марк.

– Да, как в сенате. Люблю эту процедуру, – поддержал один из гостей.

– Хорошо, давайте поиграем, – вздохнув, согласился Гней. – Кто за то, чтобы Туллий сел на императорский престол? – Руки подняли Сервий и его дочь, Нерва и половина сенаторов. – Кто за то, чтобы Сабин-отец или его сын? – Лонгина подняла руку и оставшиеся. – За Туллия большинство.

– Почти ничья. – Зло улыбнулась Домиция. – Слабая победа, – и она собралась уходить. – Сообщите, когда опять будет встреча. Мне почти понравилось у вас, – и ушла.

Другие гости также стали понемногу расходиться. Нерва

же подошел к Туллию и Сервию.

– Если хотите, я могу у себя приютить Туллия. Дядя Марк гарантирует его безопасность.

– Это не очень хорошее предложение, – ответил за Флавия Гней. – Вдруг к тебе заявится Домициан среди ночи, и что тогда? Не только Туллий погибнет, но и ты тоже.

– Да последний раз Домициан был у меня в гостях еще до императорства. Я же говорил, он стыдится уже меня, – обиженно произнес Нерва.

– Мы учтем, и если понадобится это для общего блага, то Туллий поживет у тебя.

Марк кивнул и гордо удалился.

– Ох, как с ними всеми сложно. – Сел на селлу⁸¹ и расслабился Сервий. – Еще ничего не достигли, а уже делят власть, и так всегда было во все времена.

– Так, может, стоит мне пожить с Нервой? – поинтересовался Флавий.

– Не нужен тебе этот развратник. Он начнет приставать к тебе, как когда-то приставал к Домициану. Тебе это не нужно! Или хочешь быть его любовником?

– Нет, вообще-то я только девушек люблю.

– Вот и славно. Я тоже люблю только женщин, что, безусловно, большая редкость для Рима. Почти все в Риме любят мужчин и женщин одинаково.

– Так что мне делать дальше? Я же не могу здесь остаться

⁸¹ Селла – табурет.

жить, да и незачем.

– Вообще-то кое-что ты можешь.

– Что?

– Завтра расскажу, когда повидаю Домициана и удостоверюсь, что он тебя похоронил. Надо идти шаг за шагом к намеченной цели, а не все сразу.

– Согласен.

– А пока иди отдохни.

Ночью к жилью сенатора подъехала каррука. Из нее вышли двое странников в накидках и постучались в ворота. Их открыл раб и обомлел. Перед ним предстали двое здоровых и крепких мужчин среднего возраста с изрезанными лицами и видом явных убийц. Один из них сплюнул и хрипло проговорил:

– Зови хозяина сюда, быстро! Проклятый евнух.

Раб закрыл ворота, весь трясясь, и что есть мочи побежал к табличке сенатора.

– Господин! – взмолился он, врываясь без предупреждения. – На улице убийцы и хотят тебя видеть.

Сервий расхохотался от вида своего раба.

– Уже иду.

– Позвать всю нашу охрану?

– Да ты что? Не смей никого будить. За полночь уже.

Гней спокойно переоделся и вышел из виллы, двое незнакомцев расступились перед ним на улице. Он заглянул внутрь карруки и довольный кивнул.

– Отличная работа. Даже очень.

– Куда доставить посылку?

– Я с вами поеду.

Каррука двигалась по ночному Риму в сторону Палатинского холма. Как ни странно, но именно ночью в столице мира кипела жизнь. Огромный поток каррук, извозчиков и целых обозов, процессий выючных животных буквально заполнили все улицы грохотом своих колес, топотом и вонью, заставляя содрогаться окрестные инсулы и домусы, а Тибр отвечал крикам носильщиков эхом. Естественно, что этот нескончаемый поток и гул, который его сопровождает, обрекает римлян на бессонницу. Как можно было заснуть в своей кубикуне в инсуле, когда проезд каррук через уличные повороты, ругательства погонщиков, которые не двигаются с места, лишили бы сна даже императора? В этот период массовой застройки и реконструкций, когда на небе не было луны, улицы погружаются в глубочайшую тьму, в целях безопасности от пожаров. Не было никаких масляных фонарей, факелов или свечей на стенах, никаких ламп, подвешенных к дверным косякам, кроме тех исключительных иллюминаций, когда кто-то отмечал праздник. В обычное же время ночь падает на Рим, как тень некой опасности – смутной, коварной и грозной. Каждый гражданин направляется к себе домой и там затворяется, укрепляясь наглухо. Все лавки вымирают, за створками дверей пропускают охранные цепи, ставни в кубикунях также запирают, а цветочные горш-

ки убирают с окон, которые они украшали. Патриции, если им приходится выйти из виллы, берут в провожатые рабов с факелами, чтобы они освещали и защищали их передвижение. Другие не слишком-то надеются на ночные обходы⁸², предпринимаемые несущими большие свечи отрядами городской когорты, слишком большого района, чтобы одновременно можно было наблюдать за ним целиком. Опасность преследует каждого, кто отправляется ужинать, не составив прежде завещания. В случае преступлений, префект со стражей обязан преследовать убийц⁸³, взломщиков⁸⁴, грабителей⁸⁵ всякого рода, изобилующих в Вечном городе, так как каждому возвращающемуся домой по погруженным во тьму улицам, следовало опасаться множества бед. Впрочем, все выглядело не столь трагично, хотя ночной прохожий рисковал подвергнуть себя смерти или по крайней мере заражению «всякий раз, как над ним отворялись окна, за которыми еще не спали». Довольно частым явлением был и тот факт, когда на пирах засиживались допоздна и, выйдя на ночные улицы, за отсутствием факелов сбивались с пути, так что в этом лабиринте улиц без указателей, без номеров и света им удавалось отыскать свое жилище лишь с рассветом.

Достигнув цели, каррука остановилась прямо возле глав-

⁸² Sebaciaria.

⁸³ Sicarii.

⁸⁴ Effractoress.

⁸⁵ Raptores.

ных врат дворца Августа, которые ярко освещали огромные факелы. Буквально тут же возле нее появились стражники, оголяя мечи.

– Если тебе жить не надоело, поезжай дальше, кто бы ты ни был! – грозно выговорил охранник. – Здесь останавливаться нельзя. Это дворец императора Римской империи!

– А я сенатор Римской империи Гней Юний Сервий! – и он спрыгнул с карруки. – И тебе стоит разбудить императора немедленно, так как по его приказу я раскрыл заговор и должен срочно отчитаться. – Стражники переглянулись. – Чего вы стоите? Быстрее.

– Я не хочу будить императора! – сказал один охранник.

– Как и я, – ответил другой.

– Да вас к его покоям преторианцы не пустят. Разбудите управляющего дворцом Парфения хотя бы. Он же его спальный. Я ему сам все объясню.

– Это можно. Стой здесь.

Один из стражников скрылся на территории дворца, а Гней стал расхаживать взад и вперед, наслаждаясь пением светлячков и абсолютно темным небом, без луны и звезд. Кое-где завyla собака, тем самым спровоцировав остальных, и вскоре это больше напоминало уже вой волков. Спустя время появился заспанный Парфений.

– Я сенатор Гней Сервий! По приказу императора раскрыл заговор и принес доказательства. Это очень и очень срочно.

– Сенатор, ты уверен в своем решении? – спросил Парфе-

ний. – Если я разбужу повелителя среди ночи и окажется, что это ложная тревога, то...

– Не беспокойся за меня...

– А я не за тебя беспокоюсь, а за себя, ведь меня накажут тоже.

– Это очень серьезное дело.

– Хорошо, идем.

– Я не сам. Со мной подарок, – и он свистнул двоим путникам.

Те вытащили из карруки длинный большой ковер и вдвоем понесли.

– Что это? – спросил Парфений.

– Дар императору.

– Преторианцы сейчас вас тщательно обыщут!

– Конечно, но сразу говорю: у меня с собой серебряный кинжал, и это тоже дар повелителю.

– Хорошо, но тебе придется отдать его мне на время. Никакого оружия в присутствии императора не должно быть.

– Разумеется.

После того как преторианцы тщательно всех обыскали и проверили ковер, сквозь длинные коридоры дворца в сопровождении охраны из двадцати человек их провели прямо к тронному залу.

– Оставайтесь здесь, я пошел будить императора, и дай нам всем боги, чтобы он был в хорошем расположении духа, – грустно вздохнул Парфений и ушел.

Гней осмотрел охранявших их преторианцев, затем перевел взгляд на своих двоих путников, держащих ковер.

– Может, опустите на пол? Тяжело же.

– Нет, мы привыкшие ко всем тяготам, – вновь ответил самый разговорчивый.

– Трепещите, наверное? Не каждый может попасть во дворец императора.

– Нам безразличен дворец.

– А вы как поживаете? – спросил у преторианцев Сервий. – Проклинаете меня, что не даю спокойно нести ночную службу?

– Такова наша служба, сенатор.

– Приятно слышать, что нашего правителя охраняют профессионалы.

В этот момент отворились двери тронного зала.

– Проходите внутрь, – объявил им Парфений. – Император уже идет.

В тронном зале множество рабов зажигали факелы, и зал все больше и больше освещался, пока наконец не засиял как днем. Преторианцы стали стеной ближе к трону, сделанному из золота, готовясь защищать повелителя в случае опасности. Минут двадцать пришлось ждать, прежде чем боковые двери отворились и оттуда, сутулясь, зашел в белой тунике император. Вид его был не под стать торжественному приему, да и не удивительно, в такое-то время. Он сел на подушку на троне, внимательно всматриваясь в лица гостей, и зевнул.

Все здесь находящиеся поклонились.

– Повелитель, во-первых, долг меня обязывает высказать свои соболезнования по поводу утраты твоего сына, Домициана-младшего! Я как отец...

– Гней, ты же нас разбудил посреди ночи не для этого! Давай переходи к делу.

– Во-вторых, я разбудил тебя, потому что вечером на мою виллу явился Туллий Флавий...

– Что? – Домициан резко поднялся. – Туллий у тебя?

– Он здесь, – и Сервий указал на ковер.

Двое людей сенатора положили ковер на пол и раскрыли его. Там оказалось обугленное черное тело.

– Это и есть он? – спросил император, подходя к ковру в окружении преторианцев.

– Да, мой повелитель!

– Почему черный?

– Когда он оказался на моей вилле, то стал требовать, чтобы я ему помог средствами и связями. Я спросил его, почему он не идет к Нерве, ведь он друг семьи Флавиев, а Туллий ответил, что не доверяет Марку, так как последний является человеком императора. Я отказался помогать, более того, сказал, что сейчас живьем доставлю к повелителю, так как это мой долг. Он сказал, что скорее умрет, чем дастся живым. При входе на мою виллу у него забрали кинжал, так что ему ничего не оставалось делать, как взять факел и себя поджечь. Мы не успели вовремя его потушить.

– Его кинжал сохранился?

– Да, я отдал Парфению.

Парфений передал в руки императора серебряный кинжал. Домициан тщательно и вблизи стал его рассматривать.

– Да! – произнес Август. – Это родовой кинжал Флавиев.

Тит, видимо, подарил его Туллию. Вот, значит, куда он пропал. Парфений! – обратился он. – Зови Фуска, немедленно.

– Да, повелитель, – и он, поклонившись, ушел.

– Преторианцы! Кто может определить возраст этого умершего? – спросил император.

Несколько из них присели возле трупа и начали исследовать его.

– Повелитель, это тело юноши, – ответил преторианец.

– Возраста какого?

– До восемнадцати лет, судя по зубам.

– Шестнадцати может быть?

– Вполне, владыка.

– Почему он к тебе пришел, Гней, как думаешь? – спросил у сенатора Цезарь.

– Я пустил слух по Риму, что ищут Туллия, дабы помочь ему. Видимо, где-то он это услышал.

– Умно, если это правда.

– Повелитель?

– Ты умный человек, Сервий. Ты должен понимать, что если бы ты принес нам тело без повреждений, то у нас не было бы никаких вопросов, но на данный момент они есть.

Почему тело обугленное?

– Мой император, я же объяснил...

– Это твоя версия, но правдивая она или нет, мы не знаем.

– Значит, мой повелитель мне не верит?!

– Мы этого не говорили. Мы лишь сказали, что все надо тщательно проверить. Ты бы на нашем месте поступил так же. Правильно мы говорим?

– Да, Цезарь.

– Эти твои помощники, кто они?

– Галлы, повелитель. Верные слуги.

– Они были свидетелями гибели Туллия?

– Конечно, они и пытались его задержать.

В тронный зал вошел префект преторианцев.

– Звали, император? – спросил Корнелий.

– Да, тут у нас дилемма. Надо проверить слова нашего уважаемого сенатора на правдивость.

– Что прикажешь?

– Возьми двоих помощников Гнея и тщательно выведай у них правду насчет этого тела и как оно дошло до такого. Только недолго, до утра не хотим оставлять этот вопрос открытым. И да, применение силы допускается.

– Как прикажешь, повелитель! – Затем дал указания преторианцам: – Схватить их.

Двоих галлов скрутили и выволокли из тронного зала.

– Не ожидал такого? – спросил у Сервия довольный Домициан, снова садясь на трон.

– Нет, мой император, – произнес растерянно сенатор. – Но это твое право, так как дело очень серьезное.

– Конечно, тем более мы тебе дали время до сентября найти Туллия, иначе смерть. А ты, естественно, будешь все делать, чтобы спасти себя. Но, может быть, ты говоришь правду. Кинжал является серьезным доводом, чтобы тебе поверить. Как бы там ни было, под пытками они расскажут всю правду. Фуск умеет разговорить любого человека.

– Как прикажешь.

– Как твоя дочь поживает? Надеемся, она в здравии?

– Да, повелитель. Благодарю за оказанное внимание...

– Не ожидал, что мы знаем про нее?

– Это честь для меня.

– Она ведь беременна? Скоро рожать?

– Еще два месяца.

– Жаль ее, этот Туллий и его приспешники убили супруга, оставили ребенка без отца, – и он задумался. – Ты ведь был в ярости, когда узнал, да?

– Само собой, повелитель.

– Парфений, – обратился задумавшийся император, – приведи Фуска, быстро.

– Цезарь, могу ли я задать вопрос насчет Туллия? – спросил Гней.

– Какой?

– Кто его настоящие родители?

– Почему ты спрашиваешь?

– Всегда интересно знать о поверженном враге.

– Тит рассказывал про Туллия Иосифу Флавию, а тот – нам. Да и сам Иосиф знал отца Туллия, который тоже был Туллием... М-да, одни Туллии кругом... Я не помню, откуда именно его отец, из Лузитании, кажется, но мать его точно из Иудеи.

– Иудейка?

– Да, которая приняла христианство, как и ее супруг.

– Христианство?

– Представляешь, если бы Туллий стал императором, то это был бы не римский правитель, а смесь лузитанца и иудейки из христианской секты. Ужас какой-то.

– О боги! – поразился сенатор.

Наконец Корнелий появился.

– Что они сказали? – поинтересовался император.

– Что Туллий сам себя поджег, – заявил Фуск. – Повелитель, я только начал их пытаться, дай мне время, и они расскажут всю правду.

– Уже не стоит, мы и сами узнали правду. Сенатор соврал нам. Гней! – обратился Август уже к нему. – У тебя был веский мотив убить Туллия. Это ведь ты его убил, а не он сам себя поджег?! Он лишил твою дочь супруга, и ты поклялся богам, что лично его убьешь. Верно? Казнь выбрал более чем страшную... древнюю казнь... казнь мести... живьем сжег юношу. Вот почему тогда, возле Курии Юлия, когда мы сказали, что Туллий нужен нам живым, ты ответил: «если по-

лучится».

– А ты, повелитель, сказал, что в любом состоянии он должен быть доставлен до твоего отъезда из Рима.

– Вот видишь, Корнелий? – обратился к нему довольный Домициан. – Порой и пытки не нужны, если работает логика.

– Может быть, лучше все же попытать их дальше? – аккуратно спросил Фуск.

– Нет, не надо, мы спать хотим. И так уже все ясно – это труп Туллия. Так что отпусти этих вонючих галлов.

– А тело куда?

– Отдай собакам на съедение.

– Да, повелитель, – и Корнелий, поклонившись, удалился.

– Что же нам с тобой делать, а, Сервий? – спросил сам у себя император. – С одной стороны, ты избавил нас от очень серьезных проблем. С другой, врал нам в глаза.

– Повелитель, я...

– Гней... тихо... не перебивай нас... Будем считать, что ты выполнил уговор, – вставая, произнес Домициан. – Жаль, что тобой двигала месть, а не служение нам. Поэтому приближать мы тебя не станем, как обещали ранее. Солгав один раз, человек склонен повторять это и в будущем. А нам не нужны такие. Свободен.

Сервий поклонился быстро покидающему зал императору и направился к выходу из дворца. Там его уже ожидали два галла. Все вместе сели в карруку и отправились назад.

– Сильно вас потрепали? – спросил у них сенатор.

– Бывало и хуже, – прохрипел все тот же.

– Вы любимчики фортуны. Я думал, что одного из вас точно убьют во время пыток.

– Ты же нас предупреждал, что император будет пытаться нас, а возможно, и убьет.

– Зная Домициана, это было не трудно угадать.

– У нас же была договоренность: наши дети и жены получают гражданство Рима и твой протекторат, а взамен мы рискуем нашими жизнями, но подтверждаем твои слова о гибели Туллия.

– Я же предупреждал, что вы можете выжить, а можете нет. Фортуна была на вашей стороне сегодня. Даже я не ожидал, что все так гладко пройдет. Где труп нашли?

– Ты же описал, какой настоящий Туллий. Мы нашли такого же возраста и внешности молодого патриция и похитили его ночью, пока он пьяный домой шел. Убили и спалили. Затем сразу же к тебе доставили.

– Печальная участь юноши. – Каррука прибыла к вилле Гнея. – Ваши услуги мне больше не понадобятся. Свободны!

Гней лег в свою кровать и хотел было заснуть, но показавшийся за открытым окном рассвет не дал ему расслабиться.

Глава X

Туллий проснулся в объятиях Опойи. Поцеловав ее, он вышел в триклиний. Там рабы вовсю трудились над приготовлением завтрака. Флавий пошел в кальдарий и привел себя в порядок. Когда уже было все накрыто, за столом собралась семья Сервиев.

– Как спалось, Туллий? – поинтересовался Гней.

– Благодарю, господин, чувствую себя как дома. Странно это, но я давно не ощущал себя в полной безопасности. Даже живя на ферме в Таренте, все время ожидал прихода преторианцев. А тут, находясь недалеко от Домициана, в более опасном месте, казалось бы, чувствую себя защищенным. Очень странно.

– Это радует, но ничего странного нет. Этой ночью я был у Домициана. Привез ему твой обожженный труп и серебряный кинжал.

Все удивленно на него посмотрели.

– И как все прошло, отец? – спросила Лукина.

– Он долго проверял, но поверил. Так как у меня был мотив отомстить Туллию за смерть Авла. Я нанял людей, проверенных головорезов... – и он детально все рассказал.

– Значит, все? Домициан отстал от меня? – радостно спросил Туллий.

– Да, приказал скормить твое тело собакам, и на этом все.

– А вам юношу не жаль, что просто так погиб? – поинтересовалась Лукина.

– Молодого пьяницу жаль? Нечего по ночам гулять.

– Значит, я в безопасности? – не успокаивался от радости Флавий.

– Пока не опознают. Есть же люди, которые хорошо знают тебя. Поэтому ты должен быть более осмотрительным. От тебя теперь зависит моя жизнь и моей семьи. Если тебя обнаружат, то донесут Домициану, и моя ложь всплывет. Оправдаться я уже не смогу. Последствия этого тебе и так понятны. Так что прошу: помни об этом.

– Конечно, господин, я никогда об этом не забуду.

– Замечательно.

– Я тут подумал, может быть, лучше для всех будет, если я покину Рим навсегда? Я хочу отправиться на восток и все узнать о своих родителях. Мне Тит повелел отыскать их, да я и сам хочу. Там смогу остаться жить.

– Что тебе известно о них?

– Отец – Туллий-старший, мать – Рахиль. Отец похоронен в Иерусалиме, а мать – в Антиохии Сирийской. Мне надо найти епископов Еводия и Симеона.

– Ты христианин?

– Так мне Тит сказал. Даже назвал имя при крещении, христианское имя – Осия. Таким же именем был крещен и мой настоящий отец.

– Да, Домициан рассказал об этом.

– А разве он все знает? – поразился Туллий.

– Да, что твой отец из Лузитании, иберо-римлянин⁸⁶, а мать – из Иудеи, иудейка.

– Мне надо увидеть епископов. Я ведь не считаю себя христианином.

– Думаешь, спустя все это время они живы?

– Не проверишь – не узнаешь.

– Ну что же, у тебя есть год, чтобы отправиться на восток, все узнать и вернуться в Рим.

– Почему год?

– Почему? – поразился сенатор, переходя на повышенный тон. – Потому что ты уже участник заговора, за тебя проголосовало большинство, ты тот человек, который защитит нашу империю от развала после смерти тирана. Ты не можешь на следующий день просто взять и передумать. Так римляне не поступают, так настоящие мужчины не поступают. Мы все в одной лодке, помнишь? Ты же сам пришел ко мне в Таренте просить о помощи, говорил, что твоя жизнь состоит из мести. Тем более твой священный долг – покарать убийцу истинного императора Тита Флавия. Неважно, кто тебя родил, главное, кто тебя воспитал, а это был твой отец Тит. Ты

⁸⁶ Иберия – вдоль восточного побережья Испании во II тысячелетии до Р. Х. появились иберские племена. В дальнейшем иберы были ассимилированы кельтами. От иберов происходит древнее название полуострова – Иберийский. Испанией землю иберов называли финикийцы. Римляне разделили полуостров на Испанию Дальнюю и Испанию Ближнюю, а при императоре Августе Испания была разделена на 3 провинции: Тарраконскую Испанию, Лузитанию и Бетику.

обязан отомстить, а мы тебе в этом поможем.

– Я лишь хотел вас защитить, уехать, исчезнуть, и тогда меня никто не опознает.

– Гней, послушай его, мальчик дело говорит! – вмешалась Оливия. – Для всех будет лучше, если он уедет навсегда.

– Туллий, – продолжил Сервий, игнорируя свою супругу, – план таков: ты поплывешь на восток, возвращаешься через год и женишься на моей дочери.

– Что? – поразила Оливия. – Как так, почему?

– Мы с Лукиной все обсудили, и она согласна.

– Но зачем? – спросил удивленный Флавий.

– Это политический брак. Он даст мне возможность официально помогать тебе, как члену уже нашей семьи. Ты отправишься на военную службу, пройдешь подготовку, дослужишься до высших чинов с моей помощью. И тогда будешь идеальным кандидатом на императорский трон. А моя дочь, согласишься, превосходно подходит на роль императрицы. Но ей необходимо скоро родить и к тому же выдержать траур по усопшему мужу. А это как раз год. Пока ты сделаешь все свои дела и вернешься, все будет готово к свадьбе. Согласен?

Туллий посмотрел на Лукину, и та ему подмигнула.

– Как тут не быть согласным жениться на самой красивой девушке Рима?!

– Ха, вот это слова настоящего мужчины, – произнес довольный сенатор.

– Да еще и породниться с таким великим родом.

– Рад, что ты правильно мыслишь, сын мой, – и он рас- смеялся. – Надо выпить за это. Рабы, вина!

Лишь Оливия недовольно на всех посмотрела и вина не пригубила.

– Тогда мне надо поскорее отбыть из Рима, – объявил Флавий.

– Дай мне два дня, и я устрою тебе пропуск на торговое судно.

– Хорошо, а я пока пойду и разыщу моего друга Мелан- комоса.

– Меланкомос – твой друг? – удивился сенатор. – Хоро- шие у тебя друзья!

– Лучшие. Ты меня как-то спрашивал, кто меня спас от убийц Домициана в Риме, так это был он.

– Понятно. Так ты собрался гулять по Риму, словно уже император?

– Нет, но мне очень нужно его найти. Он мой спаситель.

– Хорошо, я его найду, а ты даже не думай покидать виллу до отплытия. Понятно? Я не шучу.

– Хорошо, господин.

– Договорились. И на будущее: хватит называть меня гос- подином. Ты не раб, и мы не на ферме в Таренте. Пожил там год с лишним – и уже разговариваешь как плебей.

– Я понял.

Сенатор вскоре покинул виллу. Оливия делала вид, что с Туллием вообще не знакома. Лукина лишь изредка улыба-

лась, когда они встречались взглядами, и на этом все заканчивалось. Наконец Флавий заговорил первым:

– У нас не было особого случая познакомиться поближе. Пожалуй, теперь он наступил. Я не знаю, помолвлены мы уже или нет, но, как будущие супруги...

– Туллий, это же брак не по любви. Не относись к нему так серьезно. Возможно, я скоро во второй раз стану вдовой, и мне опять придется искать нового супруга, уже третьего.

У Туллия округлились глаза от ужаса.

– Да шучу я! – рассмеялась она. – Видел бы ты свой вид. Ты такой смешной.

– Ну и перспективы.

– После свадьбы мы расстанемся надолго, так что этот брак, по сути, простой договор для печати на пергаменте.

– А дети?

– Ты хочешь детей?

– Наследников императорского трона.

– Аха-ха, ты действительно такой смешной. Это будем решать, когда станем императором и императрицей.

Туллий посмотрел в сторону и увидел, как Опойя подслушивала их разговор, после чего убежала.

– Стой! – приказал он и ринулся за ней.

– Смотри не ушибись случайно, пока за рабыней бегашь, – съязвила Лукина.

Туллий догнал Опойю в своей кубикуле. Там она молча села на кровать.

– С тобой все в порядке? – спросил ее Флавий.

– Да, господин.

– Почему убегала?

– Нельзя подслушивать разговоры хозяев. Это правило.

Теперь ты меня наказать.

– Не буду я тебя наказывать. Ты для меня не рабыня. Более того, я тебя освобожу. Только надо узнать у Гнея, как это сделать по закону.

– Правда, господин, ты меня хочешь освободить?

– Конечно, ты будешь либертином⁸⁷.

– Благодарю, благодарю. – Опойя кинулась его обнимать и целовать.

– Да рано еще благодарить. – Улыбнулся Флавий. – С первого момента, как я увидел тебя на форуме Тарента, сразу же влюбился без памяти. Ты идеал красоты и нежности. Мне так хотелось бы на тебе жениться. Но римские законы запрещают брак гражданина и бывшей рабыни. Да и не к месту это. Но освободить-то я тебя смогу. Это лишь малое из того, что ты заслуживаешь. А пока мне надо уйти ненадолго. – Он ее чмокнул в губы.

Туллий накинул поверх туники латерну и, прикрыв голову, вышел в сад. Вся охрана попряталась в тени, спасаясь от палящего жаркого солнца. Выждав, пока они отвлеклись, чтобы выпить воду, он, минуя двери, выбежал на улицу.

Путь его лежал в ложбину между Эсквилином и Цели-

⁸⁷ Либертин – раб, получивший свободу.

ем, рядом с амфитеатром Флавиев, где находилась Большая школа гладиаторов⁸⁸. Внутри этого прямоугольного трехэтажного кирпичного строения расположился дворик с портиком и четырьмя фонтанами по углам, который представлял собой уменьшенную копию амфитеатра Флавиев. Здесь гладиаторы тренировались, оттачивали свое мастерство и устраивали показательные бои в присутствии зрителей, где на девяти ступенях его трибун может разместиться 1 200 зрителей. В центре северной и южной сторон находились трибуны для особо важных гостей. На арену вели два входа, расположенных друг напротив друга. Центральную часть восточной стороны занимало большое помещение с колоннами, которое являлось святилищем культа императора. Амфитеатр окружали казармы, выходящие во внутренний двор и состоящие из клеток-кубикулов, в которых гладиаторы жили по четыре человека и спали на полу. Всего же здесь проживала тысяча гладиаторов. Школа соединялась с амфитеатром Флавиев подземным тоннелем, и гладиаторы могли легко выходить на арену незаметно для народа.

– Мне нужен Меланкомос! – гордо объявил Туллий стражникам при входе в школу гладиаторов. – Позовите его.

– А мне нужен император! Если позовешь его, то я позову Мелана, или Комоса, или обоих, – и стражники расхохотались.

– Он мне срочно нужен, я его очень близкий друг.

⁸⁸ Ludus Magnus.

– Близкий? Насколько близкий? – и стражник сказал один другому: – А ты говорил, что Меланкомос только по девицам, – и снова хохот.

– Каждому по денарию, если позовете его.

– Давай монеты вперед, и если не найдем его, то ничего не вернем.

Туллий кинул им по денарию, и стражники начали долго спорить, кто пойдет искать, а кто останется. Наконец они решили проверить, кто из них сильнее в соревновании на руках, и проигравший пойдет искать. Флавий же оперся на стену и не вмешивался в развлечение стражи. Они долго не сдавались друг другу, пока не вышел главный страж, здоровый и лысый, похожий на гладиатора.

– Какого лысого галла вы тут устроили представление, как овцы перед соблазнением волков? Вы ничтожные fellator⁸⁹! Сегодня целый день будете отрабатывать свой хлеб у меня.

Стражники встали как вкопанные, боясь шевельнуться, а на Туллия вдруг напал смех, он не смог сдержаться и согнулся напополам. Главный страж подошел к Флавию.

– Тебе это кажется смешным? Ты mentula⁹⁰!

– Нет! – все еще не успокаивался Туллий. – Я просто... просто... ищу моего друга Меланкомоса!

– Я его лучший друг, но тебя не знаю.

– Могу ли я его увидеть? Это очень срочно.

⁸⁹ Fellator – любитель орального секса.

⁹⁰ Mentula – мужской половой орган.

– Как зовут, и кто ты? – Оценивающе стал разглядывать его.

– Клитус. Он меня знает, клянусь.

– Ладно, идем со мной, но если ты меня обманул, я тебя брошу на арену против толпы гладиаторов. Усек?

– Вполне.

– Ну а вы, – он обратился к двум стражникам, – чтобы нормально все тут охраняли, cunnus⁹¹!

Страж с Туллием поднялись по лестнице на третий этаж, где лысый здоровяк умудрялся по пути то ногой пнуть кого-то, то по подзатыльнику дать, и все это сопровождалось нецензурными комментариями в адрес гладиаторов, школы, амфитеатра Флавиев да и всего Рима в целом. Остановились они возле кубикеры, где стоял только стол со скамном. Там и сидел Меланкомос.

– Тут это... – заговорил лысый страж. – Я мясо костлявое привел по имени Клаудиусус, – и он толкнул Туллия так, что тот вбежал в кубикеру.

– Эй, а поосторожней нельзя? Так и убить можно. И я Клитус, а не Клаудиусус, – начал ругаться Флавий.

– Пищал, что хочет тебя видеть, да я думаю: а давай-ка я, ну, это... ну, приведу... сюда... вот... Может, сразу выпотрошить его, а кожу как украшение над входом повесим? А то больно малец дерзкий. При тебе вон как похрабрел.

– Ха, – даже Меланкомос, вечно суровый, развеселился. –

⁹¹ Cunnus – женский половой орган.

Не надо, Лавр. Я сам разберусь с ним.

– Ну, как хочешь! – и он с шумом и криком стал возвращаться по коридору: – Какого дохлого египтянина вы тут разлеглись? У нас что, сейчас время для простибул? Так я сейчас вас пристрою на их работу в лупанарий...

– Я зря тебе рассказал по дороге в Рим, где меня можно найти! – грустно пробубнил грек, не глядя на Флавия. – Только думай, прежде чем упоминать имена или о ком-то говорить. У этих стен есть уши.

– Почему ты меня бросил на въезде в Рим?

– Я не нужен тебе более. У тебя есть хороший наставник и учитель. Тебе повезло. А у меня есть свои обязанности.

– Ты обещал меня научить искусству боя.

– И научу, будешь приходить сюда и тренироваться.

– Это опасно для меня – быть на виду, ты же знаешь.

– Жизнь вообще опасна.

– Я отбываю в Иудею, и ты мне нужен.

– Как охрана?

– Нет, как мой друг и наставник. Я должен узнать о родителях, которые были христианами.

– Я-то тут при чем? Я не христианин.

– Помоги мне, прошу тебя. Я очень хочу научиться всему у тебя.

– Я не идол для подражания.

– Благодаря тебе я жив, и это не просто так.

– О-о-о, да-а-а, не просто так, тебя ведут все боги мира!

– Правда?

– Ага, конечно! Я сегодня ночью как раз про тебя с Юпитером общался!

– И что бог сказал?

– Что тебя выпороть надо розгами!

– Я серьезно вообще-то!

– Взаимно! Я здесь тренер и учитель, как ты прикажешь все это бросить?

– Так же, как ты бросил тогда, когда пошел защищать меня и отвез к родным.

– Если честно, порой мне так хочется просто одной рукой придушить тебя и тело выбросить в Тибр. Тогда моя жизнь была бы спокойной и размеренной.

– Я знаю. – Улыбнулся Туллий. – Я тебя тоже очень люблю.

– Ладно, вечером буду у тебя, и там все обсудим.

– А ты знаешь, где я остановился?

– Я знаю все.

Туллий вернулся на виллу сенатора до прихода Гнея. Охрана очень удивилась, увидев его, не понимая, когда это Флавий вообще выходил. Он посетил кальдарий и хорошенько пропарился после зловонной школы. Затем написал письмо на папирусе, а когда вернулся Сервий, тут же пошел к нему.

– А, блудливый Туллий, – произнес сенатор, перекладывая папирусы на своем столе в табличке.

– Блудливый?

– Как прошла встреча с твоим греческим другом? Школа гладиаторов тебе понравилась? Это же Домициан ее отстроил.

– Почему все люди вокруг меня всегда все знают?

– Может быть, потому что мы не простые люди, а очень влиятельные?! А ты влиятельная личность для нашего будущего. Но про встречу я узнал уже от самого Меланкомоса.

– Тогда ясно.

– Я, как и обещал, нашел его, а ты не выполнил того, что обещал. Я не люблю несерьезных людей. Но я все же надеюсь, что это твой юный возраст сказывается и когда ты вырастешь, то станешь человеком слова.

– Виноват.

– Будем надеяться, что ты это сказал осознанно, а не просто потому, что так положено.

– Сенатор, я бы хотел дать моей рабыни свободу. Что для этого надо?

– Если хозяин не младше двадцати лет, а рабыня не младше тридцати, тогда нужно обратиться к табеллиону – писцу, который заверит правовой акт. Только надо иметь документ при себе, что она твоя собственность.

– Но мне нет двадцати, а ей только двадцать. Да и принадлежала она Авлу, у меня нет ничего на нее. Наверное, теперь ты ее хозяин?

– Я не буду искать на вилле Авла в Таренте, где документ

на нее, и тем более что-то переоформлять... Пока что не буду, может, потом. Но есть и другой способ: надо при друзьях объявить о ее освобождении и все.

– Так просто?

– Да, а лучше всего вывези ее за пределы Рима и отпусти на все четыре стороны. Так она попадет домой, если по дороге ничего с ней не приключится. Кстати, откуда она?

– Скифия.

– Да, далеко забралась.

– К тебе гость, господин! – перебил их номенклатор.

– Пусть зайдет.

Появился Меланкомос.

– Садись. – Указал на бисселий сенатор. – Как доехал?

– Я шел, – сурово ответил грек.

– Да, это полезно. – Повел бровями Гней. – Итак, я достал пропуск на онерарию⁹², идущую в Палестину, но судно отплывает с рассветом от Тройных ворот. Так что стоит поторопиться. Конечно, Фортуна очень благоволит Туллию, так как это редкое явление. У нас в основном в том направлении товарооборот только с Египтом. Зерно же доставляют из Александрии.

– Я не один плыву. Со мной отправятся Меланкомос и Опойя, – заявил Флавий.

– Я догадался. Ты можешь взять с собой до пяти человек.

– Благодарю, сенатор, за постоянную помощь.

⁹² Онерария – торговое судно.

– Уже отправляемся? – удивился грек. – Я пришел сюда обсудить поездку, а не двигаться в путь.

– Решать тебе. – Пожал плечами Сервий.

– Ты со мной? – спросил Меланкомоса Туллий.

– Да, только мне надо вернуться в школу и предупредить всех.

– Встретимся на рассвете у выезда из Тройных ворот.

– Хорошо. – Сурово кивнул гладиатор и ушел.

– Это тебе. – Сенатор дал несколько мешочков с монетами Флавию. – Чтобы не нуждался в дороге.

– Я не могу взять.

– Можешь и должен.

– Опять благодарю.

– Сейчас поужинаем, и отправишься в путь.

– Гней, ты не мог бы послать это письмо моему другу Манию в Тарент? Я очень буду признателен, – и он дал папирус.

– Конечно, завтра я пошлю его с гонцом.

– Нет, это не спешно. Можно просто в ближайшие месяцы.

– Хорошо.

Поев, Туллий приказал Опойе собрать ее и свои вещи, а сам тем временем заглянул в кубикунулу к Лукине и попрощался с ней, но она в ответ лишь кивнула. К Оливии заходить ему явно не хотелось. Наконец он обнял сенатора.

– Благодарю за все. Надеюсь, что путешествие пройдет без проблем и я вернусь в Рим через год, – проговорил Флавий.

– Молись богам.

– А вы будете собираться еще на обсуждение дальнейших планов?

– Конечно, я расскажу им о том, что ты уехал, что женишься на моей дочери и отправишься потом исполнять воинскую повинность. Она как раз начинается с семнадцати лет. Но ты чуть задержишься с этим. Нестрашно.

– Да, чуть задержусь.

– Иди, на улице вас лошади ждут. Одна – для тебя и твоей рабыни, две – для моих охранников. Вещей у вас мало, так что карруку использовать не стоит.

– Тогда увидимся через год.

Рим не зря назывался Столицей мира! Миллион человек – это лишь официально проживающие здесь граждане, а еще были приезжие. По периметру город составлял 112 стадий. Но как можно было управлять и наводить порядок в столь огромном городе? Великий реформатор Октавиан Август в 7 году до Р. Х. с целью полного присоединения всех населенных территорий Рима увеличил число округов⁹³ города с 4 до 14, каждый округ при этом был поделен на 265 кварталов⁹⁴. Первоначально районы были известны лишь по номерам, позднее появились названия: *Regio Palatii*, *Regio Campi Martii*, *Templum Pacis* и другие. Территориальное деление города позволило наладить работу пожарных; специально

⁹³ *Regiones*.

⁹⁴ *Vici*.

выставили караульные посты и ввели ночную стражу. Районами управляли магистраты, которые выбирались из простого населения каждого квартала: по 4 на квартал, позднее 48 с каждого района независимо от числа кварталов. Магистраты занимались по большей части религиозными церемониями в округе.

Проехав через Большой Форум, Флавий с путниками оказался у Тройных ворот Сервиевой стены, находящихся между северным склоном холма Авентин и рекой Тибр, с юго-восточной стороны Бычьего форума. В соответствии со своим названием они имели три прохода, из которых центральный предназначался для каррук и груженных повозок, а два боковых – для пешеходов. Еще два века назад за этими воротами была гавань и склады, но теперь Главная гавань находилась в Остии, куда и шла напрямик Остийская дорога. Сейчас же здесь обитали бездомные и остались лишь старые пирсы для швартовки нескольких торговых судов. Пирсы пустовали, кроме одной онерарии. К ней-то Туллий и подъехал. Возле судна не было никакого движения. Складывалось ощущение, что вообще никто никуда не собирается. Туллий с рабыней слезли с лошади и отдали поводья другому всаднику.

– Возвращайтесь на виллу.

– Но нам поручено дожидаться твоего отплытия.

– До рассвета еще далеко, я и сам не знаю, почему сенатор так рано меня выставил. Нам же не до Остии надо было ска-

кать. Как бы там ни было, благодарю за службу, вы свободны.

Двое всадников пожали плечами и скрылись в темноте. Туллий же, подойдя близко к судну, увидел трап и вместе с Опойей прошел на палубу. И здесь никого.

– Ловушка, господин? – спросила рабыня, слегка волнуясь.

– Не думаю. Но вот только сейчас до меня дошло, что я зря у сенатора кинжал не взял.

На палубе появился матрос.

– Гнилая рыба, – выругался он. – Как вы посмели сюда зайти без разрешения капитана?

– Я купил билет и направляюсь в Иудею.

– И что? Сказано же было – приходить к рассвету, а сейчас что, рассвет? Может, рассвет, а? Может, это я плохо вижу?

– Что ты тут опять разорался на весь Тибр, а? – Появился капитан, лет пятидесяти, похожий на пирата. Одного глаза не было, на правой руке три пальца вместо пяти. Борода и усы скрывали наличие лишь нескольких зубов во рту.

– Да тут, капитан, пришли раньше времени. Пытаюсь прогнать.

– Чего же вы так спешите, родные мои? – поинтересовался у Туллия капитан.

– Думали, не успеем.

– Далеко, бедненькие, живете? Небось, из Британии добирались?

– Мы римляне.

– Родился в Риме?

– Нет, но римский гражданин.

– Ладно, идите в свою каюту, и чтобы ни звука от вас не слышал.

– Нет, я жду еще одного, моего друга Меланкомоса.

– Что? Великого гладиатора? Молния Колизея? Да ты шутишь!

Капитан с матросом как-то странно посмотрели друг на друга.

– Не шучу.

– Хорошо, дорогой ты мой, – ласково произнес капитан. – Мы его встретим со всеми почестями. Вас-то как зовут, дети мои?

– Опойя и Клитус.

– А я Папа.

– Чей?

– Да ничей! – рявкнул капитан, и все дернулись. – Почему реакция на мое имя у всех всегда одинаковая? Это имя такое, очень древнее.

– А откуда ты?

– С Сицилии.

– Ух ты, зайдём на Сицилию на пару дней?

– Нет! – опять он рявкнул. – Мы не сможем. – Уже улыбнулся Папа. – Я там разыскиваюсь всеми, начиная с моих шести жен с двадцатью семью детьми и заканчивая ростовщиками с местной властью.

– А в Риме ты еще не разыскиваешься?

– Не успел, – и он скривился, пытаясь выдавить улыбку. –

Отведи их в каюту для почетных гостей, – приказал он матросу и рассмеялся.

Каюта была, мягко говоря, без удобств. Пять полуразломанных кроватей, стол посередине, две селлы, вспученный пол и затхлый запах повсюду лишь дополнял ужасающие впечатления.

– Сколько же нам плыть придется в этом домусе? – поинтересовалась Опойя.

– Это каюта, а не домус, – поправил ее Туллий и вышел.

Несмотря на то что снаружи все было тихо, внутри судна кипела жизнь. Все матросы суетились, бегали с какими-то вещами и складывали их. Флавий поднялся на палубу и выглянул через борт, обнаружил, что к онерарии примкнули две лодки и с них что-то передают матросам.

– Не сидится в каюте, да? – напугал Туллия капитан.

– А? – дернулся Флавий.

– Скажу честно, так как я человек прямой: за то, что ты увидел, полагается перерезать тебе глотку и скормить рыбам в Тибре.

– А что я увидел? – поперхнулся Туллий.

– Хорош глупцом прикидываться. Но с учетом того, что твоим другом является великий гладиатор, я пощажу тебя. Но если ты мне солгал и он не придет, тогда тебя уже никто не спасет.

В этот самый момент на палубу зашли Меланкомос и Лавр.

– Что это за вонючее крысиное гнездо? – спросил лысый главный страж школы гладиаторов. – Такое ощущение, что я здесь целый год мочился на палубу.

– Да как ты смеешь лучшую онерарию империи так оскорблять?! – обиделся капитан. – За такое я тобой сейчас палубу вымою.

– Ох-ох, – перекривлял его Лавр, выкручивая себе руки. – Девочка обиделась? Зови себе на помощь всю матросню. А то скучно лишь одного убивать.

Часть матросов оказалась тут как тут.

– Я бывший чемпион по... – начал было говорить Папа.

– По поеданию червей, – перебил его Лавр.

Матросы рассмеялись.

– Ты такой лысый, что я никогда не мог отличить твой зад от головы! – завопил капитан, вытаскивая меч.

Опять матросы расхохотались.

– Ты никогда и не сможешь что-то отличать – прежде высуни свою голову из зада. Страус ты недорезанный.

– Где тебя похоронить?

– На могиле твоей матери. Я тоже потом там упокоюсь. Твои же родители должны быть снова вместе.

Уже все рассмеялись, только Папа долго пытался понять, что это означает, после чего вновь завопил:

– Убыю!

Капитан бросился с мечом на Лавра, но тот даже не пошевельнулся. Не отпрыгнул и не достал свой меч. Папа в локте от него остановился, спрятал меч и обнялся вначале с Лавром, а потом и с Меланкомосом. Матросы также их радостно поприветствовали.

– Ах ты ж вонючая морская свинья. – Потрепал капитана по щеке Лавр. – Давно тебя не видел, старый ты развратник.

– Да только вчера приплыли, и опять сегодня в путь. Устал я уже, хочу на берег.

– Скучаешь по гладиаторским боям? – спросил у него грек.

– Скучаю, но я уже стар для сражений. Море – единственная утеха.

– И развлечение, – дополнил лысый гладиатор.

– Это да, ни одно плавание не проходит без приключений.

– Ах ты ж беззубая каракатица. Скучаю я по тем временам, когда мы вместе сражались на арене и ходили в море.

– А я нет, потому что большую часть зубов ты мне выбил.

– Да ты вечно вспоминать мне это будешь? Перебрал я тогда... немного.

– Немного? Да ты по пьяни выбил стену в таверне, и она обрушилась. А я, когда хотел было тебе помочь, получил с ноги по зубам.

– Я ж немного растерялся, подумал, что это Нерон меня тащит за ноги, чтобы унести в подземное царство. Ты же тогда вылитый он был.

– Да, сколько я всего нового узнаю о ваших похождениях, – высказался Меланкомос.

– На самом деле Папа – отличный мужик. – Похлопал его по плечу Лавр. – Конечно, придурковатый авантюрист, но в целом хорош.

– Прямо себя описал, – ответил капитан.

– Как поживает мой друг здесь? – спросил грек, глядя то на капитана, то на Туллия.

– Уже нашел проблемы на свою голову. Засек нашу контрабанду, – высказался Папа. – Даже подумывал, как бы его замуровать где-то в трюме.

– Я об этом каждый день мечтаю – кого-то куда-то замуровать.

– Не вы одни, – поддержал их Лавр.

Флавий лишь развел руками.

– Так ты с нами? – с надеждой спросил капитан лысого гладиатора.

– Нет, я лишь друга проводил. Вы же знаете, по ночному Риму опасно сейчас гулять, пока вся эта перестройка идет. Могут напасть даже на такого здоровяка, как Меланкомос.

– Ну да, мне же нужна защита от всех, – съязвил грек.

– Нет, мы народ защищали от тебя, – и опять хохот. – Ладно, с вами хорошо, но мне пора обратно в школу гладиаторов. Без меня там вообще никакого порядка не будет.

Лавр обнялся с друзьями и покинул судно. Как раз начинало светать, когда капитан скомандовал:

– Поднять якоря!

Меланкомос не захотел оставаться на палубе и ушел в каюту, но вместо него появилась Опойя и, обнявшись с Туллием, стала осматривать местность. Рабы в трюме веслами оттолкнули от пристани судно и затем стали слегка грести одной стороной, чтобы развернуться. Делали это медленно. Постепенно солнце осветило Рим, и он, как сказочный город, заблестал золотом и мрамором. Онерария развернулась и так же не спеша стала плыть по Тибру. За очередным поворотом Вечный город исчез из виду.

– Почему так медленно плывем, и все время изгибами? – поинтересовался Туллий у ближайшего матроса.

– Да Тибр постоянно загрязняется – песком, илом, мусором, и приходится огибать подозрительные участки, иначе сядем на мель где-то – и прощай, плавание. Так что скоро суда здесь вообще перестанут ходить. Пока еще капитан помнит путь, но он же не может все знать и видеть. Придется эти сто тридцать пять стадий плыть очень медленно. На лошадях и даже карруках быстрее было бы.

– А ты откуда родом?

– Из Остии.

– Так ты сейчас дома окажешься.

– Да, уже два года дом не видел и снова не скоро увижу, только проплывать будем мимо.

– Мне нравится Остия.

– Да, старинный город в Лациуме⁹⁵. Главная гавань Рима и его первая колония. Не зря же Остия в буквальном смысле слова – устье. Город был заложен царем Анком Марцием благодаря наличию богатых солеварен и дабы предотвратить проникновение в Рим вражеских судов по Тибру.

– Рим основан 836 лет назад.

– А Остия – на сто лет позже.

Онерария вышла из устья Тибра, минуя прекраснейшую Остию, и оказалась в Нижнем море⁹⁶. Далее путь держали к острову Сицилия, а оттуда через Мессанский пролив вошли уже во Внутреннее море⁹⁷.

⁹⁵ Лациум – регион в античной Италии, прародина современных романских языков. Здесь же зародились римляне. Его территория в настоящее время входит в состав более крупного административно-территориального образования современной Италии – Лацио.

⁹⁶ Нижнее море (Mare inferum) – Тирренское море.

⁹⁷ Внутреннее море (Mare Internum) – название Средиземного моря у древних римлян.

Глава XI

Плавание проходило тихо и спокойно в беспокойном море и в беспокойное время. Пираты не встречались, и это было связано с тем, что судно держалось близко к берегу. Благо путь позволял, ведь целью плавания была Палестина, а не Египет, следовательно, пересекать Внутреннее море не было необходимости.

Туллий каждый день на протяжении уже полутора месяцев плавания тренировался с Меланкомосом на мечах и топорах. Не забывая до сражения и после него качать мышцы. С ним занимались так, будто готовили нового чемпиона для игр в амфитеатре Флавиев.

После очередных тренировок Флавий, обессиленный, упал на кровать. Грек же, как ни в чем не бывало, без единой капли пота, поедая лепешки.

– Что плохо в плавании, так это помыться нельзя нормально и поесть мяса, – возмущался гладиатор.

– Да, сейчас бы баранину съесть. М-м-м... – протянул Туллий.

Опойя села рядом с ним и стала гладить его голову, перебирая волосы.

– Кстати, как тебе мой гладиус? – и грек положил свой меч на стол.

– Хорош.

– Его мне подарил Тит Флавий за победу в гладиаторских играх.

– Правда?

– Нет, вру я все. Конечно, правда.

– Хороший дар. А мне отец подарил родовой серебряный кинжал, но мне пришлось отдать его... – и Туллий рассказал историю имитации его смерти перед Домицианом.

– Определенно, тебе теперь полегче будет.

– Увидим. А почему ты Молния Колизея, а не амфитеатра Флавиев?

– Потому что в народе принято называть данный амфитеатр Колизеем, неофициально, конечно же. Дословно Колизей⁹⁸ переводится как «колоссальный», «громадный», «огромный». Думаю, это название ему лучше подходит, так как в мире нет больше таких размеров амфитеатра.

– А ты был рабом?

– Нет, атлетом с детства. В Олимпии на первых моих Олимпийских играх я проиграл в борьбе и выбыл из состязания. Тогда сильно отчаялся и хотел все бросить. Но мне было всего лишь восемнадцать. Я переборол себя, свой страх, уныние и сомнение. Ждал четыре года и тренировался так усердно, что на следующих играх победил. Потом меня пригласили в Рим поучаствовать в гладиаторских боях и в борьбе. Больше мне нравилась борьба, ведь я выбрал особую тактику – никогда никого не ранить и даже не бить, а лишь с

⁹⁸ Colosseus.

помощью выбора позиции и вытянутых вперед рук смог побеждать своих соперников, уходивших с поля боя, радуясь снисхождению, даже если терпели в схватке поражение. Тит, как человек благородный, не мог не оценить это и пригласил к себе. Тогда он еще не был императором, а был консулом, и мы подружились. Когда же стал Цезарем, то пригласил на ужин не только меня, но и Клитуса, и Цецилию. Рассказывал о своих победах в Германии и Британии, а потом и в Иудее. Он был не только великим воином, но и мощнейшим тактиком. Мы с ним могли разговаривать о боях, войнах, тактиках до глубокой ночи. Ни один мой бой он никогда не пропускал. А потом, после череды неприятностей в период его правления, после Помпей, пожара в Риме и мора, он как чувствовал что-то. Незадолго до смерти он меня позвал во дворец и спросил, что я знаю о заговоре против него со стороны Домициана. Я был ошарашен таким вопросом, так как считал, что этого не может быть, брат хочет сместить брата? Конечно же, я ничего не знал и не слышал. Но Тит мне рассказал, что Домициан действительно обсуждал с патрициями план переворота, однако большинство его не поддержало. Тогда Домициан, видимо, решил действовать самостоятельно. Тит же, зная о заговоре, решил простить брата и никак не наказал. Как по мне, это была его самая главная и смертельная ошибка. Я об этом императора предупредил, но он не захотел слушать, так как сказал – цитирую: «семья – это самое главное и ценное в жизни каждого человека, и только на нее

надо полагаться». Эта ошибка вылилась в его преждевременную смерть. Домициан не собирался ждать старости брата, а с учетом того, что Веспасиан умер почти в семьдесят лет, считал, что и Тит также мог жить долго. И, видимо, отравил. Но, может, и не травил, может, ему просто повезло. Как бы там ни было, Веспасиан и Тит, видя, что собой представляет Домициан, допустили его к власти, и на них лежит большая вина за то, что будет твориться дальше в империи.

– А что будет?

– Будто ты не знаешь своего дядю! Но я отвлекся, Тит попросил присмотреть за тобой, если он не сможет. Он показал мне тебя, наверное, ты не запомнил, и велел помочь отправить тебя на Восток, узнать твою родословную. Далее, когда я услышал, что Тита вынесли на носилках из Колизея и что он при смерти, я тут же бросился ко дворцу. Но его там не оказалось, ведь Цезаря решили доставить на родовую виллу на Авентине. Меня не пустили внутрь, и я остался стоять на улице, среди переживающей толпы. Спустя время ты вышел из виллы, ни на кого не глядя, и я последовал за тобой, думаю, на всякий случай. Я же не знал, что Тит уже скончался. Затем я заметил, как тебя кто-то преследует. Когда я уже не сомневался, что это опасно для тебя, на меня набросились четверо бывших преторианцев. Видимо, они просекли, что я тоже слежу за тобой. Они сзади ударили меня мечом по голове, тупой стороной, конечно, и я, потеряв равновесие, упал. Они стали спрашивать, кто я и зачем преследую Тул-

лия. Я попросил немного времени, чтобы отдышаться, встал и уложил их всех. Далее бросился догонять тебя, услышал звон монет и радостные крики жителей, прибежал на звуки и обнаружил тебя с тем лысым преторианцем. Пришлось снести ему голову, собрать монеты, которые ты разбросал, немного получилось, но все же. Ты лежал и бредил. Я отнес тебя к эскулапу, он очистил раны, полечил и перевязал, а я арендовал карруку и доставил тебя в Тарент, к моему брату. Вот как все было.

– Вот почему Клитус вечно избегал вопроса насчет того, как я был спасен. Но почему ты мне сразу не открылся, почему лишь спустя полтора года?

– Я хотел быть в тени. Вдруг тебе понравится жизнь на ферме, ты никуда не захочешь уплывать и тем более не захочешь мстить Домициану.

– Почему? Ты же и сам хочешь его смерти.

– Я-то хочу, но ведь понимаю, что это путь в один конец. Даже если мы его убьем и сбежим, все захотят наших голов, не потому что любят Домициана, а потому что так надо – наказать убийц, чтоб остальным неповадно было убивать императора. Нас начнут разыскивать везде.

– Нет, вот увидишь, мы станем героями, а меня провозгласят императором. И первым делом что я сделаю, так это назначу тебя префектом преторианцев. Ты будешь одним из самых влиятельных людей империи.

– О, нет, римские должности не для меня. Ты же знаешь,

что я не люблю Рим и римлян.

– Ага, и при этом рискуешь жизнью ради римлян Флавиев? Жаждешь мести ради римлянина Тита? Что-то тут не складывается.

– Ну, в большинстве случаев не люблю римлян, – и он подмигнул.

– Я найду способ тебе отдать долг.

– На вот, – и грек кинул Флавию свой меч. – Подарок.

– За что?

– Пятое октября сегодня. Тебе же семнадцать исполнилось. Да и память о Тите снова будет при тебе.

– Туллий? Ты день рождения сегодня? – поразились Опойя. – Ой, прости, у тебя день рождения? Почему не сказал раньше?

– Мы никогда не отмечали мой день рождения.

– Почему? А зря, надо праздновать именно в день рождения, ведь настоящих праздников так мало в нашей жизни, – сказал Меланкомос.

– Благодарю! Откуда знаешь про день рождения?

– Тит рассказывал. А я вечно все запоминаю сразу и надолго.

– И про родителей рассказывал?

– В двух словах, откуда они и кто.

– А где именно похоронены?

– Он сказал, где искать могилу твоей матери. Но я могу не сориентироваться в той местности. Лучше найти тех, кто

хоронил, епископа, например.

– Да, так и сделаю.

– А что Тит рассказывал про твою мать?

– Ничего. Когда я спрашивал, он говорил, что еще не время. Что она умерла при родах в Антиохии Сирийской. А-а-а... точно... как я раньше не догадался, мой день рождения – это ее день смерти. Вот почему в этот день не до праздника.

– Тогда понятно. Так, значит, ты сириец, – усмехнулся грек.

– Я римлянин, – сурово ответил Туллий.

– Твоя мать – иудейка, а у иудеев действует закон: считать национальность по материнской крови. Значит, ты вообще законный иудей.

– Но она христианка, да и мой отец – испанец.

– Неважно. Хотя в Испании ты будешь считаться по отцу испанцем. А христиане – это не нация, а религиозная секта.

– Почему ты не христианин, как твой брат?

– Я не верю в богов, абсолютно ни в каких. Мою родину, Грецию, боги оставили, и мы были покорены римскими варварами. Ведь это у нас римляне украли культуру и историю и стали выдавать их за свои. А сейчас чуть ли не говорят, что это Рим дал культуру Греции, что это Рим центром цивилизации всегда был. Впрочем, не зря я люблю помалкивать, а то как понесет, то потом не остановлюсь.

– Ты это и Титу говорил?

– Да, все, кроме римлян-варваров.

– Ха-ха, и что он?

– Смеялся, но соглашался. Говорил, что римляне и греки дополняют друг друга. Часто читал мне стихи на греческом.

– Это верно.

– Надо бы вина нам хлебнуть. Праздник все же.

Еще месяц понадобился, чтобы добраться до Ахайи, полностью пересекая Ионическое море. Рядом находился остров Крит. За это время судно дважды попадало в шторм и сбивалось с пути, уходя от цели. Зайдя в гавань города Корона, капитан собрался пополнить запасы провизии. Меланкомос прямо расцвел, когда его нога коснулась греческой земли.

– О-о-о да! – протянул грек и развел руки. – Вот он – запах свободы и культуры.

– Что за странное название такое – Ахайя?

– Почему странное? Это же самый юг Греции. Название получила от живших здесь ахейцев еще двенадцать столетий назад. Наряду с ионийцами, дорийцами и эолийцами они являлись одним из основных греческих племен, при этом наиболее древним. После победы над Македонией римляне подразумевают под Ахайей всю Грецию, как часть македонской провинции; а сто десять лет назад она стала сенатской провинцией с центром в Коринфе. При Нероне греки получили освобождение от налогов. Поэтому, когда решим проблему с Домицианом, я вернусь на родину умирать.

Лишь полдня они пробыли там и отправились дальше в

плавание, огибая остров Крит, родину самого Зевса, отца всех богов, который, согласно легенде, именно здесь и родился в одной из пещер.

Через месяц плавания капитан резко изменился: стал агрессивным и вечно с оскалом. Первая странность была в том, что он поменял название онерарии, вывесив на корме табличку с надписью «Мечь Плутона». Затем поснимал все признаки Римской империи, флаг (красное полотно с золотистыми венками, с надписью SPQR). А также каждый день на палубе он вглядывался в даль.

В очередной день все на судне услышали звон колокола. Папа влетел в каюту и обратился к Меланкомосу:

– Нужна помощь, пираты!

Туллий также поспешил за греком. К онерарии приближалось одно пиратское судно. Все матросы собрались на палубе, вооруженные до зубов. Капитан приказал вывесить флаг, и, к удивлению Флавия, это не был флаг империи, а пиратский черный флаг. Заметив его, пиратское судно решило развернуться и уплыть подальше от непонятно кого, но Папа уже вошел в раж.

– Догнать, поймать и истребить!

Рабы еще сильнее стали грести веслами, к тому же начал усиливаться ветер, что, естественно, облегчало преследование.

– А кто из нас пираты? – поинтересовался Туллий у грека.

– Не знаю, но, кажется, теперь ясно, в чем заключается

веселье и авантюры у нашего капитана.

Онерария догнала пиратское судно, и, использовав корвус⁹⁹, матросы ринулись на борт врага. Завязался бой. Пираты даже не думали сдаваться и сражались довольно умело. Сам Папа с криками бегал по вражескому судну, легко разбираясь со своими врагами. Сказывались его навыки бывшего гладиатора. Меланкомос сам не пошел драться и Флавия не пустил.

– Будет еще шанс.

– Но это идеальное время проверить себя в бою, проверить все то, чему я уже научился.

– Не стоит, еще опыта нет. Можешь пропустить удар со спины, и что тогда?

– Так и будем стоять и смотреть?

– Да, это не наш бой.

Наконец последний пират пал, и капитан с матросами начали грабить судно. Они с радостью переносили награбленное, складировав кто на палубе, кто сразу у себя в каюте. Папа тоже, довольный, нес что-то в мешке и, проходя мимо Флавия и грека, бросил им монетку.

– На вот, подарок, а если бы сражались, то и сами сейчас бы радовались захваченному.

– Капитан, – обратился Туллий, – а куда именно мы плывем?

– Как куда? В Кесарию Палестинскую.

⁹⁹ Корвус – перекидной мостик на кораблях для абордажа.

– Нет, нам надо в Антиохию Сирийскую.

– Я-то тут при чем? Вы мне не помогаете, и я вам не помогу, – и ушел.

После того как пиратское судно было опустошено, его оставили дрейфовать, а спустя неделю уже стали преследовать другую онерарию возле острова Кипр.

– А-а-а, – смеялся Папа, – египетское торговое судно. Будет чем поживиться. Все готовы, надеюсь? – После чего посмотрел на Меланкомоса. – Нам бы не помешала помощь великой легенды Колизея.

– Нет, я не пират.

– А я, значит, пират?

– Ты это сказал.

– Ну что же, дети мои! – закричал он, обращаясь уже к матросам. – Вперед, и никого не жалейте.

Опять они использовали корвус для абордажа и бросились на палубу врага, когда со стороны острова стали быстро приближаться две римские квадриемы. Матросы заметили их и бросились бежать. Капитан тоже. Египтяне радостно кричали и ликовали, поздравляя друг друга с победой.

– Уберите флаг! – кричал Папа. – Сбросьте название. Гребите что есть мочи, мы должны оторваться.

Матросы выбросили в воду надпись «Мечь Плутона», а также корвус, после чего вывесили флаг и штандарт империи. Онерария ускорила, все более отдаляясь от острова. Но римские бронепалубные квадриемы считались са-

мыми быстроходными судами в военном флоте Рима. Носовая часть оборудована тараном, на вооружении кватрирем состояли абордажные вороны и разнообразные метательные орудия. Они довольно быстро не только догнали торговое судно, но и перегнали, начиная преграждать путь с двух сторон, зажимая. Послышался треск дерева от сдавливания. Сюда же подплыло и египетское торговое судно.

– Что нам делать, капитан? – спросил матрос.

– Остановиться и сдаться, другого выхода не вижу.

– Но как же? Нас же двести пятьдесят человек на борту.

Мы можем дать бой.

– Их столько же на одном только судне, а тут целых два.

Они запросто потопят нас, если не сдадимся. К тому же это вам не пираты, а римские воины.

– У нас же контрабанда в трюме.

– Меланкомос, – обратился Туллий, – мы тоже сдадимся?

– А что ты предлагаешь? Одной рукой убить пятьсот легионеров?

С двух сторон на онерарию обрушились корvusы. Командовали кватриремами два центуриона. Один из них громко объявил:

– Сложить оружие и поднять руки, чтобы видно было.

Все так и поступили, лишь после этого центурии ступили на борт и окружили всех.

– Так-так-так, – произнес, обходя захваченных в плен, второй центурион. – Онерария, а занимается пиратством.

Кто капитан?

– Я! – гордо объявил Папа.

– Да ты и впрямь вылитый пират.

Центурии рассмеялись.

– Я гражданин Рима и требую уважения к себе.

– Неужели? Как по мне, ты позор Рима, который я всеми силами защищаю.

Здесь появился капитан египетского судна.

– А, проходи, – встретил его центурион. – Они на вас напали? Что им нужно было?

– Не сказали, просто накинудись на нас и стали убивать. У них был черный флаг и надпись «Мечь Плутона».

– Да, я видел дощечку в море. Придется нам всем прибыть в Антиохию...

Туллий и Меланкомос удовлетворенно переглянулись.

– ...И там все, кто является гражданами Рима, удостоится аудиенции самого наместника Сирии, который и решит, что с вами делать. Остальных же будет судить местный суд. Онерарию мы конфискуем. А сейчас проверьте трюмы и будьте осторожны, – обратился он к центурии. – Там могли попрятаться матросы и будут защищать свое награбленное.

– Центурион! – взмолился Флавий.

– Чего тебе?

– Там в трюме моя рабыня. Прошу, позволь спуститься и забрать ее, я не хочу, чтобы ее убили.

– Нет, стой здесь. Ее приведут. Мы не убиваем женщин

и детей.

Действительно, из трюма слышались крики и звон мечей. В целях безопасности всех матросов, находящихся вне палубы, перебили. Центурион оказался прав: испуганную Опойю вывели на палубу и вместе с остальными связали, перевели на квадриремы и заперли в клетках, а судно отконвоировали в Антиохию.

Глава XII

Квадриремы вошли в гавань Селевкии Пиерии. Этот город был точь-в-точь как Остия для Рима. Находясь в устье реки Оронт, недалеко от горы Кассиус, он имел важное стратегическое значение. Селевкия являлась одним из городов «сирийского тетраполиса» (он включал в себя еще Антиохию Сирийскую, Апамею Сирийскую и Лаодикию). Селевкия служила военной и торговой гаванью Антиохии Великой, расположенной выше по реке Оронт. Она была основана в 300 году до Р. Х. Селевком I Никатором, одним из военачальников Александра Македонского, диадохом и основателем империи Селевкидов, империи, которая рухнула после захвата ее римским консулом Гнеем Помпеем Великим осенью 64 года до Р. Х. и была обращена в римскую провинцию, куда вошла и покоренная Иудея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.